S 11/96

ЭБ

BIBLIOTHÈQUE DU PRINCE W.F ODOÏEFSKI.

Section _____
Armoire _____
Rayon et N° _____

ЗАПИСКИ

1814 ГОДА.

А. Михайловскаго-Данилевскаго.

(Изданіе Книгопродавца И. Заикина.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Департамента Внѣшней Торговли.

1831 года.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ при экземпляра. Маія 20, 1851.

Цензоръ О. Сенковскій.

2007043633

АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ

ТУРГЕНЕВУ,

въ память знакомства, сдѣланнаго въ сраженіи подъ Дрезденомъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Представляемое здѣсь описаніе нѣкоторыхъ происшествій, случившихся въ 1814 году, со времени перехода Россійской арміи черезъ Рейнъ, доведено до окончанія Вѣнскаго Конгреса весною 1815 года, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы связать сіе сочиненіе съ изданными за два мѣсяца *Воспоминаніями*, начинающимися со дня отъѣзда изъ Вѣны.

ГЛАВА I.

Приказы Наполеона и Александра. — Начало похода. — О Франціи. — Сраженіе при Бріенѣ. — Бріенской замокъ. — Различныя направленія армій. — Движеніе Наполеона на Сенъ-Дизіе. — Перехваченная почта. — Военный совѣтъ. — Рѣшеніе идти на Парижъ.

При началѣ каждаго похода главные предводители обращаются обыкновенно къ войскамъ своимъ въ приказахъ, излагая въ оныхъ въ нѣсколькихъ очеркахъ правила, на которыхъ предпринимаемый походъ долженъ быть основанъ. Таковые приказы суть историческіе памятники, носящіе на себѣ отпечатокъ образа мыслей верховныхъ вождей, а потому кажется не излишнимъ помѣстить здѣсь для сравненія приказъ Наполеона, коимъ онъ возвѣщалъ арміи своей о войнѣ съ Россіею, и таковой же Александра, от-

БИБЛІОТЕКА

данный за нѣсколько дней до вступленія нашего во Францію:

»Солдаты, говоритъ Наполеонъ, Рос»сія увлекается рокомъ! Судьба ея долж»на исполниться! Неужели почитаетъ она »насъ перемѣнившимися? Развѣ мы не »тѣ же воины, которые сражались подъ »Аустерлицомъ? Перейдемъ Нѣманъ, вне»семъ войну въ предѣлы Россіи: война »сія прославитъ оружіе Французское и »миръ, который мы заключимъ, будетъ »проченъ и положитъ конецъ пагубному »вліянію Россіи на дѣла Европы.« . . .

Послушаемъ теперь слова Александра:

»Воины! мужество и храбрость ваша »привели васъ отъ Оки на Рейнъ. Они ве»дутъ насъ далѣе: мы переходимъ за оный, »вступаемъ въ предѣлы той земли, съ ко»торою ведемъ кровопролитную, жесто»кую войну. Мы уже спасли, прославили »отечество свое, возвратили Европѣ сво»боду ея и независимость. Остается увѣн»чать великій подвигъ сей желаемымъ ми»ромъ. Да водворится на всемъ шарѣ зем»номъ спокойствіе и тишина! да будетъ »каждое царство подъ единою собствен»наго правительства своего властію и »законами благополучно! да процвѣта-

»юпъ въ каждой землѣ, ко всеобщему бла-
»годенствію народовъ, вѣра, языкъ, нау-
»ки, художества и торговля! Сіе есть
»намѣреніе наше, а непродолженіе брани
»и разоренія. Непріятели, вступя въ сре-
»дину царства нашего, нанесли намъ мно-
»го зла, но и претерпѣли за оное страш-
»ную казнь. Гнѣвъ Божій поразилъ ихъ.
»Не уподобимся имъ: человѣколюбивому
»Богу не можетъ быть угодно безчело-
»вѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ; по-
»несемъ къ нимъ не месть и злобу, но
»дружелюбіе и простертую для прими-
»ренія руку.»

Перваго Генваря назначено было союзнымъ арміямъ въ разныхъ мѣстахъ переходить Рейнъ. Главная армія, при коей находился Государь, переправилась у Базеля, и громогласное ура! произносимо было войсками на мосту, ведущемъ чрезъ сію рѣку. Походъ во Францію былъ необходимъ для достиженія прочнаго мира: къ тому же Государь полагалъ, что честь Россіи непремѣнно требовала водрузить знамена свои въ Парижѣ. Мы шли на Везуль, Лангръ, Шомонъ и Баръ-на-Оби, не встрѣчая почти нигдѣ сопротивленія, и въ три недѣли заняли нѣсколько провинцій. Непріятельскія войска повсю-

ду отступали и жители, коихъ Префекты пышными воззваніями возбуждали къ оборонѣ, отворяли безпрекословно городскія ворота. Дожди, снѣгъ, оттепели и морозы, содѣлывая переходы затруднительными, не останавливали однакоже слѣдованія войскъ; хотя нѣкоторые изъ союзниковъ и желали, чтобы мы шли медленнѣе, но Государь, съ обыкновенною своею дѣятельностію, подвигалъ ихъ безпрестанно впередъ, часто противъ воли ихъ. Онъ и въ семъ походѣ былъ столь же веселъ, какъ и въ предъидущемъ; я рѣдко его видалъ послѣ въ путешествіяхъ и во дворцахъ въ толь пріятномъ расположеніи духа, каковое Онъ показывалъ на войнѣ. Пріучивъ себя съ молодыхъ лѣтъ переносить непостоянство стихій, Онъ большею частію ѣхалъ верхомъ и, по обыкновенію Своему, былъ одѣтъ лучше всѣхъ; казалося, что Онъ находился не на войнѣ, но на какомъ нибудь праздникѣ. Болѣе, чѣмъ непогоды, обуревало насъ разногласіе на счетъ военныхъ дѣйствій, происходившее по временамъ между союзными арміями. Единственно присутствіе Александра, Который будучи главою союза, всѣмъ старался угождать, не рѣдко съ самоот-

верженіемъ всякой личности, посредствомъ чего склонялъ всѣхъ на Свое мнѣніе, содѣлало не токмо возможными успѣхи сего разнонароднаго ополченія, но избавило отъ погибели арміи, которыя безъ него конечно пали бы жертвою своихъ несогласій. Сколько разъ случалося, когда привозили ночью важныя донесенія, что Онъ, пренебрегая сномъ, вставалъ и, предшествуемый кѣмъ нибудь съ фонаремъ, ходилъ въ ненастную погоду по грязнымъ улицамъ деревень къ союзнымъ Монархамъ, или даже къ Князю Шварценбергу, будилъ ихъ и, садяся на ихъ кровать, читалъ имъ донесенія и условливался съ ними о мѣрахъ, которыя предпринимать надлежало. Слѣдующій анекдотъ покажетъ, съ какими запрудженіями положеніе Его было сопряжено. Поутру 9-го Марта, часа за два до нападенія на непріятеля подъ Арсисомъ, когда армія стояла уже въ боевомъ порядкѣ, Государь, окруженный обыкновенною Своею свитою, ходилъ по полю взадъ и впередъ съ Фельдмаршаломъ Барклаемъ-де-Толли и, говоря о нѣкоторыхъ союзникахъ, сказалъ громко слѣдующія слова, нѣмъ болѣе примѣчательныя, что Онъ не часто обнаруживалъ то, что проис-

дило въ душѣ Его: »Эти господа сдѣлали мнѣ много сѣдыхъ волосъ.«

Квартиры наши во Франціи были самыя невыгодныя; домы Французовъ строятся не для зимы, а для лѣта, и потому холодъ въ горницахъ ихъ былъ для насъ, привыкшихъ къ теплу, весьма чувствителенъ, особенно же когда приходилося живать въ крестьянскихъ избахъ. Вообразите огромный покой и во всю стѣну онаго каминъ, въ которомъ разложенъ огонь, поддерживаемый тремя или четырьмя сырыми полѣнами, дающими нѣкоторое пламя, но вовсе не согрѣвающими воздуха; городскіе домы были содержимы въ отвратительной нопрятности. Жителей мы нашли на несравненно низшей степени образованности, нежели Нѣмцовъ, а потому удивленіе многихъ нашихъ офицеровъ, надѣявшихся, по внушеніямъ своихъ иностранныхъ наставниковъ, найти во Франціи нѣкоторую обѣтованную землю, было неописанно, при видѣ повсемѣстныхъ въ деревняхъ и въ городахъ бѣдности, невѣжества и уныніи. Французы ходили съ потупленнымъ, мрачнымъ взоромъ; при нашемъ нашествіи они не знали, радоваться ли имъ или печалиться, несемъ ли мы съ

собою окончаніе ихъ бѣдствіямъ или продолжимъ сіе надолго злополучія ихъ: но они видѣли въ ономъ временное зло, ибо при всей строгой подчиненности, соблюдаемой войсками, за которою Государь надзиралъ самымъ бдительнымъ окомъ, невозможно было предупредить разнаго рода отягощеній для обывателей.

По прибытіи въ Баръ-на-Обп, 19-го Генваря, узнали, что Фельдмаршалъ Блюхеръ, переправившійся черезъ Рейнъ съ Силезскою арміею въ Мангеймѣ и приходившій къ рѣкѣ Марнѣ чрезъ Нанси, имѣлъ за нѣсколько дней жаркое дѣло при Брісиѣ; почему Государь рѣшился на другой день, соединя главную армію съ Силезскою, напасть на непріятеля. Это было первое генеральное сраженіе во Франціи, во время коего Государь находился на высотахъ при Трапиѣ, откуда можно было обозрѣвать всѣ движенія войскъ. Побѣда была совершенная и могла бы имѣть послѣдствіемъ взятіе Парижа, ежели бы, по одержаніи оной, главная и Силезская арміи пошли совокупными силами прямо на сію столицу вмѣсто того, что онѣ послѣ сраженія, надѣясь на великое превосходство свое въ числѣ, въ сравненіи съ непріятелемъ, раздѣлились, и Блюхеръ

направился къ Марнѣ, а главная армія къ Труа. Малочисленность непріятеля явно обнаружилась при Бріенѣ; Франція оставила вознесшаго ее на верьхъ славы Наполеона въ такое время, когда щастіе перестало ему улыбаться; онъ обратился къ народу, приказывалъ крестьянамъ при появленіи союзниковъ, представляемыхъ имъ въ видѣ грабителей, бить въ набатъ, ломать мосты и требовалъ всеобщаго возстанія, но никто не отвѣчалъ на голосъ его, изчезавшій какъ бы посреди пустыни.

На другой день послѣ сраженія Бріенскій замокъ и его окрестности, увѣковѣченные пребываніемъ въ оныхъ Наполеона въ дѣтствѣ его, представляли картину совершеннаго разрушенія. Въ замкѣ находилася прекрасная библіотека и кабинетъ по части естественной Исторіи, на полкѣ коего висѣлъ крокодилъ. Кому-то пришла мысль перерубить веревки, которыми оный былъ прикрѣпленъ, и паденіе огромнаго Африканскаго звѣря на шкафы, въ которыхъ за стеклами хранилися раковины и ископаемыя, произвело ужасный трескъ. Хохотъ, сопровождавшій сіе паденіе, сокрушившее драгоцѣнное собраніе рѣдкостей, подобенъ

былъ хохотu Каннбаловъ; но явленія сего рода неразлучны съ войною. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ видны были еще свѣжіе слѣды обывателей замка; на одномъ столѣ лежали женскія рукодѣлія: тутъ я встрѣтилъ Фельдмаршала Блюхера, съ трудомъ державшагося на ногахъ.

Едва главная армія прибыла въ Труа, а Силезская къ брегамъ Марны, какъ геній Наполеона, казавшійся съ самаго начала сего похода усыпленнымъ, пробудился и воспріялъ блескъ Италійскихъ войнъ его. Съ горстью войскъ онъ появлялся съ удивительною быстротою по всюду, гдѣ была возможность одержать поверхность, и останавливалъ движенія многочисленныхъ союзныхъ арміи, нападая на слабѣйшія части ихъ. Успѣхи, имъ пріобрѣтенные, заставили главную армію даже отступить отъ Труа и потомъ дѣлать разныя движенія, чтобы вновь соединиться съ Блюхеромъ, коего войска потерпѣли нѣсколько пораженій. Въ семъ прошелъ весь Февраль мѣсяцъ, равно какъ и въ совѣщаніяхъ Шатильонскаго Конгреса. Въ первыхъ числахъ Марта главная армія предприняла наконецъ наступательныя дѣйствія и явилась предъ Арисомъ. Здѣсь въ послѣдній разъ Напо-

леонъ и Александръ встрѣтились на полѣ сраженія, и первый, истощивъ всѣ усилія, долженъ былъ отступить; онъ убѣдился въ невозможности далѣе противустоять силамъ Александра и рѣшился произвести одно изъ самыхъ отважныхъ движеній, которое однакожъ не тотчасъ не было сопровождено желаннымъ успѣхомъ, но положило предѣлъ поприщу его, исполненному чудесныхъ происшествій, и привело насъ въ Парижъ, а потому заслуживаетъ подробнаго изложенія.

По замѣчаніямъ, сдѣланнымъ во время сраженія при Арисѣ-на-Оби, и по донесеніямъ легкихъ отрядовъ, обнаружилося, что Наполеонъ, отступая, взялъ направленіе къ Витри и, отрядивъ Маршала Нея для завладѣнія симъ городомъ, занятымъ союзными войсками, самъ переправился чрезъ Марну и потянулся къ Сенъ-Дизіе, чтобы дѣйствовать въ тылу союзниковъ, и тѣмъ заставить ихъ отступить къ Шомону и далѣе. Основываясь на сихъ извѣстіяхъ, Князь Шварценбергъ принялъ намѣреніе слѣдовать со всею арміею за Наполеономъ, соединяся предварительно съ находившимся въ Шалонѣ Блюхеромъ, которому для сего и велѣно было немедленно

идти по направленію къ Витри, а главная армія выступила въ десять часовъ вечера къ деревнѣ Сомпью. Въ часъ по полуночи сдѣлали въ селеніи Дампіеръ привалъ, во время котораго привезли перехваченную непріятельскую почту; при распечатаніи оной были Князь Шварценбергъ, К. В** и Спанскъ-Секретарь Графъ Н**. Между бумагами находилося собственноручное письмо Наполеона къ Императрицѣ Маріи-Луизѣ, въ которомъ онъ увѣрялъ ее, что движеніемъ своимъ на наши сообщенія удалитъ насъ отъ Парижа и, присоединивъ къ себѣ гарнизоны крѣпостей Меца и Вердена, разобьетъ насъ на берегахъ Рейна и принудитъ отступить за сію рѣку. По прочтеніи сего письма К. В** предложилъ, чтобы соединяся съ Блюхеромъ, отрядить только сильный корпусъ за Наполеономъ, а всѣмъ войскамъ идти прямою дорогою на Парижъ, куда прибывъ въ пять маршей, можно завладѣть онымъ прежде, нежели узнаетъ о семъ Наполеонъ. Князь Шварценбергъ нашелъ сію мысль слишкомъ смѣлою и спросилъ о нашей коммуникаціонной линіи, на что К. В** отвѣчалъ, что имѣя при себѣ запасные парки, понтоны и продовольствіе на десять

дней, не нужно безпокоиться о сообщеніяхъ, ибо въ случаѣ неудачи можно учредить таковыя на Фландрію. Фельдмаршалъ возразилъ, что онъ не осмѣлится на подобное предпріятіе, безъ соизволенія на то Государя и Короля Прусскаго. Въ послѣдствіи оказалося, что онъ имѣлъ отъ своего двора тайное повелѣніе не переходить Сейны: сіе любопытное обстоятельство, во многихъ отношеніяхъ поясняющее происшествія сего похода, я слышалъ однажды изъ устъ Государя, Который присовокупилъ, что Князь Шварценбергъ самъ объ ономъ разсказывалъ Его Величеству на Вѣнскомъ Конгресѣ.

Въ два часа ночи мы выступили изъ Дампіера къ Сомпью, гдѣ на разсвѣтѣ сдѣлали вторичный привалъ. Князь Шварценбергъ понесъ къ Государю перехваченныя письма и, выходя, сказалъ, что Его Величество остается при прежнемъ мнѣніи, то есть, чтобы соединясь съ Блюхеромъ у Витри, идти со всѣми силами за непріятелемъ и атаковать его тамъ, гдѣ настигнемъ. Сказавъ сіе, онъ сѣлъ верхомъ и уѣхалъ, а Государь велѣлъ позвать къ себѣ Генераловъ: Барклая-де-Толли, К. В**, Д** и Т** и, объявивъ имъ о

содержаніи письма Наполеона къ супругѣ своей, присовокупилъ, что мы идемъ вслѣдъ за нимъ. Всѣ были сначала согласны съ симъ мнѣніемъ, выключая одного изъ присутствовавшихъ, который предложилъ, чтобы во время предпринимаемаго движенія приказать Прусскому Генералу Бюлову, стоявшему близъ Сенкантена, сдѣлать покушеніе на Парижъ. На сіе К. В** возразилъ слѣдующее: »Извѣстно, что въ Парижѣ находится сорокъ тысячь національной гвардіи и осташки отъ разныхъ полковъ и, что »сверхъ того недалеко отъ сей столицы расположены два корпуса Маршаловъ »Мортье и Мармона. Всѣ сіи войска вмѣстѣ »составляютъ девяносто тысячь человѣкъ; слѣдовательно нельзя надѣяться, »чтобы Бюловъ съ тридцатью тысячами »могъ предпринять что-либо важное, и »онъ подвергается даже опасности, имѣя »дѣло съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ. Къ тому же, идучи за Наполеономъ, мы должны составить сильный »аріергардъ для отраженія корпусовъ помянутыхъ Маршаловъ; почему я предлагаю соединиться съ Силезскою арміею и отрядить за Наполеономъ значительный корпусъ конницы и нѣсколь-

»ко полковъ пѣхоты, приказавъ для боль-
»шаго удостовѣренія, что будто мы за
»ними идемъ съ арміею, заготовлять
»вездѣ квартиры для Государя; самимъ
»же намъ направиться прямо на Парижъ
»чрезъ Феръ-Шампенуазъ, а Блюхеру
»чрезъ Этожъ, имѣя между собою без-
»прерывное сообщеніе. Слѣдуя такимъ
»образомъ мы должны атаковать Мар-
»шаловъ Мортье и Мардона, гдѣ бы они
»съ нами ни повстрѣчались; мы ихъ ра-
»зобьемъ, потому что вездѣ будемъ въ
»превосходныхъ противу ихъ силахъ, а
»съ Наполеономъ мы будемъ расходиться
»каждый день на два марша.«

Мнѣніе сіе было одобрено и Государь поѣхалъ тотчасъ за Княземъ Шварцен-бергомъ, котораго настигъ уже на вы-сотахъ близъ Витри; съ нимъ находил-ся Король Прусскій. Государь, пригла-сивъ ихъ сойти съ лошадей, объявилъ имъ о предложеніи К. В**, на которое они согласились и тутъ же на полѣ пред-писали Блюхеру идти на Этожъ; войс-камъ приказали остановиться тамъ, гдѣ повелѣніе ихъ настигнетъ, а Генерала Винценгероде отрядили съ 14-ю тыся-чами конницы, бригадою стрелковъ и двумя легкими отрядами къ Сенъ-Дизіе. Въ

этотъ день, дабы непріятелей ввести болѣе въ обманъ, Государь расположился для ночлега въ Витри, а на слѣдующій мы пошли къ Феръ-Шампенуазу. Сей планъ надлежало нѣсколько времени хранить въ тайнѣ. Я никогда не забуду, какъ Генералъ Т**, по окончаніи совѣта, бывшаго въ Сомпью, сказалъ мнѣ на ухо: »Мы идемъ на Парижъ, но Бога ради не »говори этого ни кому.« Сей же самый Генералъ первый извѣстилъ меня въ деревнѣ Филяхъ о намѣреніи сдать Москву!

ГЛАВА II.

Маршъ отъ Витри. — Сраженіе при Феръ-Шампенуазъ. — Подвигъ Государя. — Бѣлыя повязки. — Приближеніе къ Парижу. — Ночь наканунѣ Монмартрскаго сраженія. — Переговорщикъ. — Сраженіе. — Посланные Парижа.

Слѣдованіе арміи отъ Витри къ Парижу было истинно торжественное. Погода во все время благопріятствовала и мы обыкновенно выступали при первыхъ лучахъ солнца. Государь, въ сопровожденіи Прусскаго Короля, сыновей его, Графа Платова, Фельдмаршала Князя Шварценберга, Англинскаго Посла Каткарта, нѣсколько разъ въ день объѣзжалъ гвардейскій и гренадерскій корпуса, привѣтствовалъ Генераловъ и полковыхъ начальниковъ, которые всѣ почти были Его воспитанники, ибо образовался въ гвардіи предъ его глазами. Громкія и сср-

дочныя восклицанія: ура! барабанный бой и музыка возвѣщали прибытіе Его Величества къ каждому полку. Иногда Онъ въѣзжалъ на возвышенія, лежащія близъ дороги, и любовался густыми колоннами, распянутыми на неизмѣримомъ пространствѣ, поспѣшавшими къ довершенію великаго подвига. Вдали слышны были по временамъ выстрѣлы, извѣщавшіе о бѣгствѣ удалявшагося непріятеля и о быстромъ его преслѣдованіи. Австрійцы, Прусаки, Баварцы, Виртембергцы и Баденцы, идя по слѣдамъ Русскихъ, вѣрили съ трудомъ, что успѣхъ увѣнчаетъ смѣлое предпріятіе: устрашенные многолѣтними пораженіями, они думали, среди самыхъ побѣдъ, что непріятель разставляетъ имъ сѣти.

На третій день, по выступленіи изъ Випри, назначено было для главной квартиры мѣстечко Феръ-Шампенуазъ. Переходъ былъ великъ и цѣлой день продолжалася пушечная пальба, происходившая отъ нападенія на корпуса Маршаловъ Мармона и Мортье. Сраженіе утихло, когда мы пріѣхали въ Феръ-Шампенуазъ и, какъ положено было здѣсь ночевать, то многіе сошли съ лошадей и отправились въ назначенные для нихъ домы. Вдругъ

послышались ружейные выстрѣлы, и Государь, сидѣвшій еще верхомъ, поскакалъ за деревню, въ сопровожденіи не болѣе четырехъ или пяти человѣкъ. Мы увидѣли въ самомъ близкомъ разстояніи нѣсколько на насъ шедшихъ кареевъ, коихъ появленіе было вовсе неожиданно, потому что въ направленіи, по которому шли карей сіи, ни союзнымъ войскамъ, ни Французамъ идти не надлежало; недоумѣніе продолжалось не болѣе минуты, пока не убѣдились, что это точно непріятели, по выстрѣламъ, сдѣланнымъ ими по офицеру, посланному для удостовѣренія въ настоящемъ положеніи дѣла. Близъ Государя не было никакихъ войскъ, кромѣ лейбъ-казачьяго полка, находившагося въ конвоѣ; за версту стояла конная артиллерія. Государь тотчасъ послалъ за пѣхотою и конницею, и въ тоже время приказалъ орудія подвезти на картечный выстрѣлъ, а казакамъ идти въ атаку,—Донцы понеслись съ обычною храбростію; вслѣдъ за ними ѣхалъ Александръ, и первый карей, не взирая на сильный ружейный огонь, былъ мгновенно смятъ.

Я пристально смотрѣлъ на Государя во время дѣйствія, или, лучше сказать,

не спускалъ съ Него глазъ, видл Его въ великой опасности; я не скажу, чтобы Онъ былъ совсѣмъ покоенъ, примѣтно было, что душа Его нѣсколько волновалась, но Онъ не измѣнялъ хладнокровію и съ спокойствіемъ распоряжался малымъ числомъ войскъ, подъ рукою находившихся. Я видѣлъ, какъ смерть носилась вокругъ Царя нашего и, какъ Онъ споялъ побѣдителемъ посреди непріятельскаго карея, котораго офицеры и солдаты бросали оружіе свое. Государь началъ говорить съ командовавшимъ непріятельскимъ Генераломъ Пакто, который въ отвѣтахъ своихъ называлъ Его Величество Генераломъ. »Вы говорите съ »Императоромъ«, сказалъ я плѣнному военачальнику. — »Это невозможно«, отвѣ»чалъ онъ »вашъ Государь вѣрно не пой»детъ лично въ атаку на пѣхоту съ одною »конницею.« Императоръ, услыша нашъ разговоръ, приказалъ мнѣ не выводить Французскаго Генерала изъ заблужденія. Въ сіе время подоспѣла пѣхота Раевскаго и гусары Васильчикова, и въ самой скорости остальные два карея были разстроены; при чемъ взято въ плѣнъ нѣсколько тысячь человѣкъ. Это были войска, шедшія изъ Парижа, подъ командою Генераловъ

Пакто и Аме, на подкрѣпленіе Наполеону, котораго они полагали близь сихъ мѣстъ.

Во время сраженія при Феръ-Шампенуазѣ нѣкоторые изъ офицеровъ союзныхъ войскъ были убиты своими, отъ того, что не имѣли бѣлой повязки на лѣвой рукѣ. Сынъ Баварскаго Короля, Принцъ Карлъ, едва спасъ жизнь свою; казаки хотѣли изрубить его, но онъ успѣлъ поднять вверхъ бѣлый платокъ и сею предосторожностію остановилъ смертельный ударъ. Съ Лейпцигскаго сраженія начали происходить недоразумѣнія между солдатами, которые, по соединеніи всѣхъ почти Европейскихъ войскъ подъ одни знамена, не узнавая другъ друга, иногда стрѣляли въ своихъ союзниковъ. Полки державъ Рейнскаго союза, образованные Французами, имѣли мундиры похожіе совершенно на Французскіе; по сему надобно было придумать какой-либо знакъ отличія для войскъ, сражавшихся совокупно, для избѣжанія вредныхъ послѣдствій, которыя бы могли безъ сего впредь возникнуть. По прибытіи въ Труа, Государь велѣлъ, чтобы Русскіе надѣли бѣлый платокъ на лѣвую руку, каковому примѣру послѣдовали нѣкоторые изъ союзниковъ.

Уже прошли мы Сезанъ, Ферте-Гоше и Мо; отъ сего города, разстоящемъ верстъ пятьдесятъ до Парижа, по обѣимъ сторонамъ дороги были богатыя селенія, прекрасные сады и великолѣпные замки, убранные съ отмѣннымъ вкусомъ и заключавшіе въ себѣ библіотеки и картинныя галлереи; но помѣщиковъ въ нихъ не было. 17-го Марта по полудни авангардъ нашъ настигъ непріятеля, началось сраженіе, и Государь поѣхалъ къ войскамъ по горамъ и между кустарниковъ. Солнце садилось, прохладный вѣтеръ освѣжалъ воздухъ послѣ дневнаго зноя, на небѣ не было ни одного облака. Вдругъ, сквозь дымъ сраженія, мелкнули башни Парижа. »Парижъ! Парижъ! вотъ онъ!« воскликнули всѣ, и всѣ на него указывали. Восторгъ овладѣлъ нами; забыты трудности похода, усталость, болѣзни, раны; забыты падшіе друзья и братья, и мы стояли, какъ вновь оживленные, на высотахъ, съ коихъ обозрѣвали Парижъ съ его окрестностями. Но путь къ оному прегражденъ еще былъ непріятелями, коихъ аріергардъ составленъ былъ изъ Поляковъ. Сокрушены уже были въ Россіи тѣ страшные легіоны, которые завоевали Голландію, Швейцарію, Германію, Италію и Египетъ; спа-

сніе Франціи вручено было иностранцамъ; Поляки почитались тогда лучшими изъ непріятельскихъ войскъ. Странная участь Славянскаго племени! Съ одной стороны соединенныя силы Европы, подъ предводительствомъ Славянскаго Царя, приступали къ той столицѣ, съ завладѣніемъ которой водворялось всеобщее спокойствіе, а съ другой защита сей самой столицы возложена была на сыновъ Славянскаго поколенія.

Сумракъ вечерній положилъ конецъ сраженію и Государь поѣхалъ ночевать въ близь лежащій замокъ Бонди. Съ балкона сего замка видны были огни, разложенные предъ биваками союзныхъ арміи и на высотахъ, занятыхъ непріятелемъ; вокругъ все небо рдѣло отъ зарева, предвозвѣщавшаго, казалось, рѣшительный для участи вселенной день. Положено было рано по утру атаковать непріятеля, если онъ вознамѣрится сопротивляться. Одни думали, что кровопролитіе будетъ ужаснос и, что жители Парижа погребутъ себя подъ развалинами онаго; другіе же мыслили, что Парижъ надлежало защищать на берегахъ Рейна, а не у подошвы Монмартра, и надѣялись на скорую сдачу. Уже было поздно, но никто не

предавался сну, каждый предлагалъ свое мнѣніе, офицеры спорили съ Генералами; въ ожиданіи важныхъ событій изчезаетъ между людьми различіе въ чинахъ и въ состояніяхъ, и устанавливается само собою равенство, во время котораго берутъ верхъ одни дарованія. Мало по малу всѣ успокоились.

Часу въ четвертомъ по утру привели съ передовой цѣпи извѣстнаго Французскаго архитектора Пера, не имѣвшаго съ собою трубача; мнѣ приказано было удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ присланъ съ какимъ нибудь порученіемъ, или только для спасенія себя отъ плѣна, назвался переговорщикомъ. Полумертвый отъ страха, онъ разсказалъ мнѣ, что сограждане его въ великомъ волненіи, и что приверженцы Наполеона разсѣваютъ извѣстія о скоромъ приближеніи его съ арміею, утверждая, что союзныя войска, подошедшія къ столицѣ, ничто иное какъ отрѣзанный корпусъ. »Весь Парижъ,« продолжалъ онъ, »сего мнѣнія.« Но какъ было велико удивленіе его, когда я ему объявилъ, что всѣ наши силы, числомъ до двухъ сотъ тысячь, здѣсь, что Наполеону преграждено сообщеніе съ столицею и что въ Бонди находится главная квар-

шира Государя. При сихъ словахъ я подвелъ его къ воротамъ, гдѣ стояла въ карауле рота Преображенскаго полка, и сказалъ ему: »вотъ и гвардія Его Величества.« Французъ, поблѣднѣвъ, отвѣчалъ: »сопротивленіе съ нашей стороны тщетно; спасеніе Парижа требуетъ, чтобы »я объяснился съ Императоромъ.« Онъ былъ допущенъ: Государь поручилъ ему объявить главнокомандующему непріятельскими войсками, что Его Величество требуетъ сдачи Парижа, что находится предъ его стѣнами со всею арміею своею и, что воюетъ не съ Франціею, а съ Наполеономъ.

Наступилъ день, войска пошли впередъ, загремѣлъ громъ орудій и упорно защищавшійся непріятель былъ выбиваемъ изъ каждой позиціи, имъ занимаемой; возвышенія и деревни, лежащія впереди Парижа, постепенно переходили во власть союзниковъ, и наконецъ, въ четыре часа по полудни, Русскіе взяли приступомъ послѣднюю высоту; Французы побѣжали въ городъ. Потеря наша простиралася до десяти тысячъ человѣкъ. Она не была бы столь значительна и Парижъ взяли бы нѣсколькими часами ранѣе, ежелибы Фельдмаршалъ Блюхеръ получилъ

въ надлежащее время приказъ къ нападенію, но по одному изъ тѣхъ непредвидимыхъ случаевъ, которые не рѣдко встрѣчаются на войнѣ, повелѣніе сіе привезено было къ нему позже, нежели какъ слѣдовало, а потому въ ожиданіи атаки Блюхера, Государь приказалъ сражавшимся въ виду Его войскамъ не быстро подаваться впередъ. Бой прекратился, настала всеобщая тишина и знамя Русское развилось на Монмартрѣ и Бельвилѣ. Государь въѣхалъ на сію послѣднюю гору, откуда были видны ясно улицы и домы Парижа; подвезены батареи и послано объявить, что къ вечеру не узнаютъ мѣста, гдѣ была столица, если она черезъ часъ не покорится.

Войска занимали въ долинѣ и по высотамъ пространство отъ Сенъ-Дени до Шарантона, ожидая приказанія истребить Парижъ или вступить въ него великодушными побѣдителями. Взоры всѣхъ устремлены были на сію столицу; тайное предчувствіе говорило, что война прекращена и каждый переносился мысленно въ свое отечество. Въ эту минуту торжествовала Россія; общая радость превратилась въ безмолвіе; у многихъ видны были на глазахъ

слезы. Такъ стояли мы за полтора года на Поклонной горѣ, гдѣ Смоленскій размышлялъ, сражаться ли передъ Москвою или уступить оную безъ кровопролитія. Тогда, горя чистѣйшею любовію къ отечеству, мы страшились пережить славу Россіи, а нынѣ, лежавшій у ногъ нашихъ Парижъ напоминалъ весь рядъ побѣдъ отъ Тарутина до Сейны! Въ скоромъ времени пріѣхали Французскіе офицеры, присланные отъ города съ предложеніемъ о сдачѣ онаго. Трепещущими шагами всходили они на гору и приближались къ Государю. Казалося, вся вселенная внимала въ сію минуту словамъ Его. Онъ обѣщалъ щадить столицу и позволилъ выступить изъ оной находившимся въ ней войскамъ. Потомъ мы возвратились въ селеніе Бонди съ тѣмъ, чтобы на другой день вступить въ Парижъ. Съ вечера солдаты чистили оружіе и конскую сбрую, офицеры примѣривали лучшіе мундиры свои; всѣ готовились встрѣтить день, коего подобнаго небывало въ нашей Исторіи.

ГЛАВА III.

Утро 19-го Марта. — Колленкуръ. — Отъѣздъ Государя изъ Бонди. — Приближеніе къ Парижу. — Монмартрское предмѣстіе. — Бульвары. — Елисейскія поля. — Окончаніе смотра. — Вечеръ.

На зарѣ прекраснѣйшаго утра, 19-го Марта, начали сходиться на обширномъ дворѣ, передъ замкомъ Бонди, Генералы и офицеры, принадлежавшіе къ свитѣ Государя; встрѣчаясь, мы жали другъ у друга руку и безмолвствовали. Часу въ шестомъ пріѣхали въ нарядныхъ каретахъ чиновники Парижскаго городоваго правленія, которые отъ смятенныхъ мыслей едва могли говорить. За ними явился на лошади, предъ воротами замка, человѣкъ съ знакомымъ всѣмъ лицомъ, это былъ Колленкуръ, присланный отъ Наполеона съ предложеніями о мирѣ. Преображенскій солдатъ, стоявъ-

шій на часахъ, сказалъ, чтобы онъ сошелъ съ лошади, и Французскій Министръ принужденъ былъ повиноваться; увидя собравшихся на дворѣ офицеровъ, онъ снялъ шляпу и съ потупленными глазами прошелъ мимо насъ. Между тѣмъ какъ докладывали объ немъ Государю, мнѣ поручили занять его разговорами; я просилъ его войти въ замокъ и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на унизительное положеніе сего временщика, который нѣкогда въ Россіи незналъ мѣры своей надмѣнности. Императоръ провелъ съ нимъ болѣе часа и, по смущенному виду Коленкура при выходѣ, можно было заключить, что предложенія его были отвергнуты. Ровно въ восемь часовъ подвели Государю сѣрую лошадь, называемую Марсомъ, и мы поѣхали; на дорогѣ встрѣтили мы Короля Прусскаго, а въ нѣкоторомъ разстояніи гвардію: никакое перо не дерзнетъ выразить восторга, съ коимъ она приняла Государя. Версты за три отъ города начали показываться Парижане; они спрашивали: »гдѣ Императоръ Александръ?«

Многочисленныя зданія Парижа болѣе и болѣе становились видны; нѣкоторые изъ офицеровъ ѣздили рано по утру въ

Парижъ и, возвратясь, разсказами своими, удвоивали желаніе быть скорѣе въ ономъ. Воины, порываемые любопытствомъ, едва оставались въ рядахъ своихъ; они горѣли нетерпѣніемъ войти въ городъ, который долгое время давалъ уставы во вкусѣ, въ модахъ и въ просвѣщеніи, въ которомъ хранились сокровища наукъ и художествъ, который вмѣщалъ въ себѣ всѣ утонченныя наслажденія жизни, гдѣ недавно писали законы народамъ и ковали для нихъ цѣпи, откуда выступали ополченія, проходившія всѣ концы Европы и, который, однимъ словомъ, почитался столицею міра. Къ довершенію двухлѣтнихъ побѣдъ недоставало Русскимъ только быть въ Парижѣ; до сей желанной минуты нельзя еще было насладиться плодами толь многихъ кровопролитныхъ битвъ, завоеванныхъ крѣпостей и неспровержимыхъ царствъ. Каждый шагъ, отъ онаго отдѣлявшій, не позволялъ вкусить въ полной мѣрѣ чувства, что Россія отомщена. Еще минута, и сокрушалась въ основаніяхъ своихъ могущественная Имперія, простиравшаяся отъ Балтійскаго моря до устья Тибра. Паденіе сильныхъ державъ подобно кончинѣ великихъ мужей: оно оставляетъ

на время пустоту въ мірѣ; спрашиваютъ: кто замѣнитъ мѣсто того, котораго не спало? и жаждутъ знать, какія изъ онаго произойдутъ послѣдствія.

Въ девять часовъ утра мы прибыли къ предмѣстіямъ Парижа; впереди шла легкая конная гвардейская дивизія, имѣя въ головѣ лейбъ-казаковъ; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ оной ѣхалъ Государь, окруженный блестящею свитою, а позади слѣдовали сперва гренадеры, потомъ пѣшая гвардія, кирасиры и нѣсколько баталіоновъ Австрійцевъ, Прусаковъ и Баденцовъ. Утро было прекрасное и часъ отъ часу воздухъ становился яснѣе и благораствореннѣе. Необозримыя толпы народа наполняли улицы, кровли и окна домовъ; сначала казалось, будто жители чего-то опасаются, ибо радостныя восклицанія не были еще общими; изумленіе ихъ продолжалось нѣсколько минутъ, въ теченіи которыхъ они спрашивали безпрерывно у насъ и другъ у друга: »гдѣ Государь?« — »Вотъ онъ, »вотъ Александръ«, взывали они, »какъ Онъ «милостиво кланяется, съ какою ласкою »Онъ съ нами говоритъ!« Воображавши найти въ Русскихъ, людей полудикихъ, изнуренныхъ походами, говорящихъ язы-

комъ для нихъ непонятнымъ, въ странныхъ одеждахъ, они едва вѣрили глазамъ своимъ, видя красоту Русскихъ мундировъ, блескъ оружія, веселую наружность воиновъ, здоровый цвѣтъ лица ихъ, ласковое обращеніе офицеровъ и, слыша остроумные отвѣты ихъ на Французскомъ языкѣ. »Вы не Русскіе, говорили они намъ, »вы вѣрно эмигранты.« Они скоро удостовѣрились въ противномъ, и вѣсть о невѣроятныхъ свойствахъ ихъ побѣдителей перелетала изъ устъ въ уста, похвалы Русскимъ загремѣли повсюду, женщины изъ оконъ и съ балконовъ махали бѣлыми платками, привѣтствовали насъ движеніемъ рукъ, и мгновенно раздалось отъ одного конца Парижа до другаго восклицаніе: »да здравствуетъ Александръ! да здравствуютъ Русскіе!« произносимое милліономъ голосовъ.

Между тѣмъ мы прошли Монмартрское предмѣстіе и поворотили на право по булеварамъ, гдѣ ликованія, возрастая безпрестанно, превзошли всякую мѣру. Съ трудомъ можно было ѣхать верхомъ, жители останавливали на каждомъ шагу лошадей нашихъ и, превознося Александра и Русскихъ, они почти вовсе неупоминали о прочихъ союзникахъ, изрѣдка

только слышно было: »да здравствуетъ »Францъ или Фридрихъ!« Ободренные привѣтливостію Императора, они начали желать перемѣны правительства и провозглашать Бурбоновъ; появились бѣлыя кокарды на шляпахъ и бѣлые платки въ воздухѣ; многіе, тѣснясь около Государя, просили, чтобы Его Величество остался во Франціи: »Царствуйте надъ »нами«, говорили они, »или дайте намъ »Монарха, который бы былъ на васъ по»хожъ!«

Слѣдуя мимо великолѣпныхъ зданій и памятниковъ, воздвигнутыхъ во славу Французскаго оружія, мы достигли наконецъ Елисейскихъ полей, гдѣ Императоръ остановился и смотрѣлъ проходившія церемоніальнымъ маршемъ войска. Сюда устремились всѣ Парижане, привлеченные новостію зрѣлища; Француженки просили насъ сойти съ лошадей и позволить имъ встать на сѣдла, чтобы удобнѣе видѣть Государя. Сначала шли Австрійцы; жандармы никакъ не могли удержать народа, чтобы онъ не входилъ въ ряды войскъ, любопытные Парижане тѣснили Австрійскіе взводы; но коль скоро показались Русскіе гренадеры и пѣшая гвардія, то Французы

были столь поражены ихъ воинскою осанкою, что не токмо не надобно было говорить имъ, что бы они сторонились, но они всѣ единодушно, какъ бы по нѣкоторому тайному согласію, отступили назадъ гораздо далѣе той черты, которая назначена была для зрителей. Они взирали съ безмолвнымъ удивленіемъ на гвардейскіе и гренадерскіе корпуса и сознались, что армія ихъ, въ блистательное время Французской Имперіи, не была въ столь цвѣтущемъ положеніи, какъ сіи корпуса послѣ трехъ безсмертныхъ походовъ.

Смотръ кончился въ пятомъ часу по полудни и Государь отправился въ домъ Талейрана, гдѣ Его Величество на первое время имѣлъ свое пребываніе. Часть войскъ заняла караулы, а прочіи пошли въ назначенныя для нихъ въ городѣ квартиры. Въ сіе время чернь ругалася надъ памятниками, сооруженными въ честь прежнему обладателю ихъ, но большая часть жителей казались погруженными въ недоумѣніе, какъ бы не довѣряя тому, что совершилося въ ихъ глазахъ и спрашивали сами себя: правдали, что они видѣли побѣдителей милосердыми и просвѣщенными? правдали, что Александръ

ограничиваетъ плоды торжества своего щастіемъ покоренной страны? Наступалъ вечеръ: побѣдителямъ и побѣжденнымъ необходимо было спокойствіе; улицы начали пустѣть и мало по малу водворилась всеобщая тишина, тѣмъ болѣе ощутительная, что въ теченіи предъидущихъ дней грудь каждаго волновалася отъ разнообразныхъ ожиданій и надеждъ, увѣнчанныхъ потомъ щастливѣйшими событіями. Все, что мы видѣли и чувствовали, было столь изящно и велико-что воображенію ничего не оставалось прибавить или украсить: мы были обез, силены радостію.

Сонъ бѣжалъ моихъ глазъ. Почти въ полночь я вышелъ изъ дома; никого изъ жителей небыло видно на улицахъ; тамъ, гдѣ остановился Государь, расположенъ былъ баталіонъ Преображенскаго полка. Огни въ домахъ угасли, въ Тюльерійскомъ дворцѣ не было также свѣта, у сего древняго зданія, служившаго попеременно жилищемъ Бурбоновъ, мѣстомъ засѣданій республиканскихъ правленій и дворцомъ обладателя изобильнѣйшихъ странъ Европы,— но котораго Александръ не удостоилъ своего пребыванія,— находился Русской караулъ. Посреди ночной

тишины я достигъ непримѣтно до Пале-Рояля, гдѣ всѣ партіи, господствовавшія во Франціи въ теченіи двадцати пяти лѣтъ, испытывали первыя свои силы. Въ саду и въ галлереяхъ ощаго волновались тысячи народа, обуреваемаго различными страстями: иные смотрѣли на небо и тяжко вздыхали, но большая часть толпилась около стоявшихъ въ разныхъ мѣстахъ ораторовъ, изъ коихъ одни славили Бурбоновъ, подъ скипетромъ которыхъ предки ихъ жили нѣсколько столѣтій, а другіе, превознося прежнія побѣды свои, полагали не предпринимать ничего рѣшительнаго въ ожиданіи прибытія Наполеона съ арміею. То, что я тутъ видѣлъ, дало мнѣ первое, настоящее понятіе о революціонныхъ явленіяхъ и народныхъ совѣщаніяхъ. Сколь ни разнообразны были излагаемыя ими мнѣнія, но они всѣ почтили Русской мундиръ: я ходилъ по всему Пале-Роялю, становился въ толпы Парижанъ и былъ повсюду принимаемъ съ вѣжливостію. Я вошелъ въ кофейный домъ и не успѣлъ сѣсть, какъ присутствовавшіе начали пить единогласно за здоровье Русскаго офицера. Наконецъ я возвратился домой. Порядокъ нашею арміею былъ соблюденъ

до того, что никакое безчиніе не напоминало, что въ Парижѣ находилося болѣе ста тысячь иностранныхъ войскъ; глубокое безмолвіе на улицахъ прерывалось только окликами Русскихъ часовыхъ.

ГЛАВА IV.

Прокламацій Государя и Французскихъ префектовъ.— Назначеніе Генерала Сакена Губернаторомъ Парижа.— Милосердое обращеніе въ Парижѣ.— Отвѣтъ Государя Сенаторамъ.— Изреченія Государя.— Памятникъ на Вандомской площади.—Аполлонъ Бельведерскій.—

На другой и послѣдующіе дни всѣ предавались радостному упоенію; съ ранняго утра улица Сенъ-Флорентинъ, площадь Людовика XV и Тюльерійскій садъ, какъ мѣста прилежащія къ дому Талейрана, гдѣ жилъ Государь, покрывались множествомъ народа. Французы жаждали знать ходъ политическихъ дѣлъ; пріобыкшіе къ печальнымъ объ оныхъ извѣстіямъ, посредствомъ которыхъ каждое изъ эфемерныхъ правительствъ, существовавшихъ съ начала революціи, спаралося привлекать народъ на свою сто-

рону, они толпами собирался предъ нашими окнами, прося, чтобы имъ раздавали печатные листки. На сей разъ любопытство ихъ имѣло основательную причину, потому что они могли надѣяться найти въ оныхъ рѣшеніе своей участи.

Нѣсколько прокламацій, обнародованныхъ въ сіе время, были всѣ отъ имени Государя, а не отъ имени Прусскаго Короля или Австрійскаго Императора; онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ возвышенныхъ чувствъ Александра и, невзирая на умѣренныя и скромныя выраженія, въ коихъ оныя сочинены, въ нихъ видно повелителя Европы. Первая и, по содержанію своему, самая важная прокламація, подписанная Его Величествомъ, издана была въ самой день вступленія въ Парижъ въ три часа по полудни. Императоръ, приглашая въ оной Французовъ избрать временное правительство для составленія конституціи, объявляетъ, »что ни Онъ, ни союзники Его не войдутъ »болѣе въ переговоры съ Наполеономъ и »членами его семейства и что области, принадлежавшія Франціи при прежнихъ Короляхъ, будутъ неприкосновенны.«

Въ тотъ же день префекты полиціи Пакіе и Сейнскаго Департамента Шаброль повѣстили жителей, что Французскія войска должны были уступить превосходному числу союзныхъ армій, что всякое дальнѣйшее сопротивленіе съ ихъ стороны было бы пагубно и что въ слѣдствіе того Парижъ сданъ. Вотъ между прочимъ собственныя выраженія ихъ: »безопасность лицъ вашихъ и имущества »ограждена договоромъ и обѣщаніемъ Им»ператора Всероссійскаго, Который сего »утра изволилъ увѣрить городское пра»вительство въ защитѣ своей и въ ми»лости къ обывателямъ сей столицы.« Слѣдовательно никто другой, кромѣ Государя, не обезпечивалъ въ то время Парижанъ на счетъ единственныхъ благъ, оставшихся побѣжденнымъ, — существованія ихъ и собственности Тогда же Статсъ-Секретарь Графъ Н*** объявилъ начальнику полиціи Пакіе Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи изъ тюрьмы Французовъ, содержавшихся въ оной за то, что они запрещали крестьянамъ стрѣлять по нашимъ войскамъ и были преданы Королевской фамиліи. Но мы увидимъ въ послѣдствіи, что заступленіе Императора распространялося и на при-

верженныхъ людей къ Наполеону. Покровительствуя такимъ образомъ всѣмъ сословіямъ вообще, Онъ устранялъ себя однакожс отъ дѣлъ частныхъ людей и велѣлъ извѣстить подававшихъ къ нему во множествѣ прошенія, что, находяся во Франціи для водворенія мира и счастія, Его Величество поставилъ себѣ долгомъ не вступаться въ ходъ и въ исполненіе законовъ, и приглашалъ по сему просителей обратиться къ временному правительству, или къ тѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, коихъ сужденію дѣла ихъ подлежали.

Въ Парижѣ назначили комендантовъ: Русскаго, Австрійскаго, Прусскаго и Французскаго, а Генералъ-Губернаторомъ Саксна. Трудно было избрать на сіе мѣсто Генерала, который бы умѣлъ заставить болѣе его уважать имя Русскихъ и пріобрести любовь жителей, ибо онъ соединялъ съ глубокою ученостію, твердый характеръ и привлекательное обращеніе. Лестное званіе, въ которое его возвели, было достойнымъ возмездіемъ за подвиги его въ минувшихъ походахъ: онъ рѣшилъ побѣду подъ Кацбахомъ и Бріенномъ и твердостію своею спасъ опъ погибели Силезскую армію при Шампоберѣ и

Моммиралѣ. По вступленіи въ должность онъ запретилъ превожнть и оскорблять кого бы то ни было за политическія мнѣнія, или за наружные, кѣмъ либо носимые знаки. Соблюдая строго подчиненность между войсками и порядокъ въ городѣ, онъ привязалъ къ себѣ Парижанъ до такой степени, что повсюду былъ принимаемъ съ рукоплесканіями; при его появленіи воздухъ оглашался восклицаніями: »да здравствуетъ Генералъ Сакенъ! « Когда онъ пріѣзжалъ въ театръ и занавѣсъ былъ уже поднятъ, то зрители требовали, чтобы акторы снова начинали представленіе. Слѣдующій, отданный имъ приказъ, можетъ служить лучшимъ свидѣтельствомъ правилъ, коими онъ, въ управленіи своемъ, руководствовался: »осмотрѣвъ временный гошпиталь, учрежденный въ предмѣстіи Руля, я свидѣтельствую начальникамъ онаго и чиновникамъ мою особенную благодарность за стараніе ихъ въ облегченіи »скорби храбрыхъ воиновъ. Меня истинно »трогула признательность больныхъ »къ нѣмъ лицамъ, коимъ ввѣрено о нихъ »попеченіе; да благословитъ также небо »народъ, оказывающій вспомоществованіе

»раненымъ и больнымъ, безъ различія, »къ какой землѣ они принадлежатъ.«

Со втораго дня занятія Парижа въ театрахъ начался представленія, почты воспріяли свое дѣйствіе и разослали по принадлежности сотни тысячъ писемъ, назначенныхъ за границу, а также привезенныхъ изъ чужихъ краевъ, но при года задержанныхъ въ почтовомъ управленіи; отворили городскіе ворота, позволили всѣмъ по произволу изъ города уѣзжать, дороги въ окрестностяхъ столицы приведены въ безопасность и въ самомъ скоромъ времени банкъ производилъ по прежнему платежъ Государственнаго долга и выдачу пенсіоновъ. Словомъ сказать, предприняты всѣ мѣры къ возстановленію общаго спокойствія; даже приглашали жителей приносить жалобы на притѣсненія, неразлучныя съ военнымъ постоемъ.

Никто не могъ вообразить, чтобы съ Парижемъ поступлено было такъ снисходительно, потому что обиды, нанесенныя Французами каждому изъ союзниковъ, были столь чувствительны и поведеніе ихъ въ завоеванныхъ ими столицахъ столь оскорбительно, что всякое мщеніе съ нашей стороны, хотя не

справедливое, могло быть извинительно. Таковое милосердіе имѣло главною причиною благородный образъ мыслей Государя; Ему одному должно приписать торжество благости, покрывшее на всегда Русское имя неувядаемою славою. Въ послѣдствіи мнѣ случалось слышать неоднократно изъ устъ Его правило: »чтобы »крутыми мѣрами не достигать до сво»ей цѣли;« а потому Онъ обыкновенно избиралъ средства, которыя не только никого не вооружали, но напротивъ привязывали къ Нему сердца даже тѣхъ людей, которыхъ мнѣнія не согласовались съ Его образомъ мыслей.

Чиновники различныхъ присутственныхъ мѣстъ на перерывъ просили позволенія представиться Государю, выходя же отъ Его Величества, не могли скрывать своего восхищенія. Его отвѣтъ Сенаторамъ произвелъ неописанную, общую радость. Императоръ сказалъ имъ: »человѣкъ, называвшійся моимъ союзникомъ, »напалъ на мое Государство не справед»ливымъ образомъ; а по сему я веду вой»ну съ нимъ, а не съ Франціею; я другъ »Французовъ. Настоящій вашъ поступокъ, коимъ вы лишили престола На»полеона и его семейство, соединяетъ

»меня еще болѣе съ вами; благоразуміе »пребуетъ, чтобы учреждено было во »Франціи правительство на основаніяхъ »твердыхъ и согласныхъ съ настоящимъ »просвѣщеніемъ сего Государетва. Союз»ники мои и я будемъ покровительст»вовать свободѣ вашихъ засѣданій.« Остановясь на минуту, Императоръ продолжалъ: »въ доказательство прочной »связи, которую я намѣренъ заключить »съ вами, я возвращаю всѣхъ Француз»скихъ плѣнныхъ, находящихся въ Россіи; »временное правительство меня уже объ»нихъ просило, но я ихъ уступаю Сена»ту въ уваженіе сдѣланнаго имъ сего дня »опредѣленія.« Сенатъ положилъ записать слова сіи въ журналъ и обнародовать оныя во всеобщее свѣденіе, что немедленно и было исполнено посредствомъ вѣдомостей и печатныхъ объявленій, прибитыхъ на стѣнахъ домовъ. »Воздадимъ вѣчную благодарность,« такъ отзывается одно изъ верховныхъ присутственныхъ мѣстъ, »за великодушнѣйшій »поступокъ, о которомъ лѣтописи міра »упоминаютъ. Императоръ Всероссійскій »утѣшаетъ двѣсти тысячь семействъ, »даруя свободу несчастнымъ Французамъ, »коихъ жребій войны предоставилъ во-

»власть Его, и Его Величество уско-
»рлетъ ту счастливую минуту, въ ко-
»торую мы увидимъ братьевъ, друзей
»нашихъ и сыновей.«

Ежедневныя вѣдомости были напол-
нены только объ одномъ Государѣ; каза-
лося, что прочіе союзники были чужды
для Парижа. Слѣдующія изрѣченія Его
Величества находились во всѣхъ газетахъ:
при въѣздѣ въ Парижъ Государь сказалъ
толпившемуся около Него народу: »Я
»вступаю не врагомъ, а возвращаю вамъ
»миръ и торговлю.« — »Мы уже давно о-
»жидали прибытія Вашего Величества,«
сказалъ одинъ Французъ, на что Импе-
раторъ отвѣчалъ: »Я бы ранѣе къ вамъ
»прибылъ, но обвиняйте въ моей медлен-
»ности храбрость вашихъ войскъ.« Про-
ѣзжая по Вандомской площади, на кото-
рой воздвигнута огромная колонна со
статуею Наполеона, Государь произнесъ
сіи слова: »еслибъ я стоялъ такъ высо-
»ко, то боялся бы, что у меня закру-
»жится голова.« —

Одна изъ любопытныхъ статей, об-
народованныхъ когда либо правительст-
вомъ покоренной страны, есть слѣдую-
щая: »отъ полиціи объявляется, что
»памятникъ на Вандомской площади, со-

»стоитъ подъ покровительствомъ вели-
»кодушія Его Величества Императора
»Всероссійскаго и союзниковъ Его. Нахо-
»дящееся на верху изваяніе, при тепереш-
»нихъ обстоятельствахъ, не можетъ бо-
»лѣе тамъ оставаться, по чему оное за-
»мѣнятъ изображеніемъ мира.« На ко-
лоннѣ сей, сооруженной въ честь побѣдъ
Французскихъ войскъ, поставлена была,
какъ упомянуто, статуя Наполеона, къ
которой народъ привязывалъ неоднократ-
но веревку и тащилъ ее внизъ при ужас-
ныхъ крикахъ; одинъ смѣльчакъ влѣзъ
на плеча оной и билъ ее по щекамъ, а
что она во все не истреблена разъярен-
ною чернью, за то Парижане обязаны
Монархамъ, въ столицахъ коихъ, Наполе-
онъ руководствовался совсѣмъ другими
правилами.

Въ сіе время союзники наши, по пра-
ву побѣдителей, отбирали то, что Фран-
цузы увозили нѣкогда изъ Германіи и
Италіи; Русскіе глядѣли на сіи поступ-
ки какъ посторонніе и безпристрастные
зрители; имъ нечего было требовать
обратно, потому что они расчитались
съ непріятелями еще въ нѣдрахъ своего
отечества. Я вспрѣтилъ однажды въ
такъ называвшемся Наполеоновомъ музе-

умѣ, вмѣщавшемъ въ себѣ истинныя сокровища художествъ, Государя, сопровождаемаго извѣстнымъ въ ученомъ свѣтѣ Деномъ, бывшимъ главнымъ начальникомъ сего музеума. Государь замѣтилъ, что на нѣкоторыхъ подножіяхъ не было статуй и, показывая на одно изъ нихъ, спросилъ: »что на ономъ прежде стояло?— »Аполлонъ Бельведерскій, отвѣчалъ Де»нонъ.« — »Гдѣ же онъ теперь?« продолжалъ Императоръ. — »При угрожавшей »Парижу опасности, сказалъ униженно »Денонъ, мы отправили его къ Орлеану.« — »Если бы оставили его въ Парижѣ,« возразилъ Александръ, »то я увѣряю васъ, »что никто бы къ нему не прикоснулся, »но теперь, если казаки его возьмутъ на »дорогѣ, то это будетъ законная добыча.«

ГЛАВА V.

Замыселъ Наполеона.— Переговоры съ Маршаломъ Мармономъ.— Отреченіе Наполеона.— Покровительство приверженцовъ Наполеона.— Французскіе военные.— Награжденія Французовъ.— Молебенъ.— Лагарпъ.— Александръ въ Елисейскомъ дворцѣ.

По занятіи Парижа война была прекращена, ибо ничто уже немогло противиться могуществу Александра; оставалося только обезоружить Наполеона, котораго Сенатъ и временное правительство, учрежденное 20-го Марта, лишили престола. Однако же крутой нравъ и несумѣренное властолюбіе бывшаго обладателя Франціи, подавали поводъ думать, что онъ будетъ всѣми мѣрами стараться продлить войну, и хотя онъ не могъ надѣяться на успѣхъ съ горстью изнуренныхъ войскъ, коими онъ еще располагалъ,

но преданность ихъ къ нему была толь неограниченна, что они послѣдовали бы повсюду за своимъ, нѣкогда побѣдоноснымъ, вождемъ. Въ день нашего вступленія въ столицу Франціи, онъ подъѣзжалъ къ ней на нѣсколько верстъ и остановился въ мѣстечкѣ Виль-Жвифъ, гдѣ узналъ, что въ Парижѣ уже властвовалъ Александръ: что́ происходило въ сіе мгновеніе въ душѣ его, того никакая кисть изобразить не въ состояніи. Съ сего времени онъ удалился въ Фонтенебло, гдѣ еще нѣсколько дней вращалъ въ мысляхъ средства изторгнуть побѣду изъ рукъ союзниковъ: это были судорожныя движенія отчаянія. Онъ думалъ отступить за Лоару, или соединиться съ Маршаломъ Ожеро, стоявшимъ близъ Ліона, и притянуть къ себѣ изъ Ломбардіи корпусъ Вице-Короля Италійскаго; но болѣе чѣмъ сіи соображенія, занимала его мысль ударить прямо на Парижъ, въ надеждѣ, что союзники не примутъ сраженія, имѣя въ тылу сей обширный городъ и, что жители онаго, воспламенясь при видѣ отечественныхъ знаменъ, бросятся къ оружію, чтобы возвратить свою утраченную славу. Чувство народной чести бываетъ сильнѣе чувства граж-

данскихъ бѣдствій; можетъ быть, что истина сія исизмѣнилася бы въ Парижѣ, коего большая часть обывателей, одаренныхъ быстрымъ воображеніемъ, находилися прежде въ военной службѣ, въ такое время, когда щастіе постоянно имъ сопутствовало. Разсматривая сіи обстоятельства, видимо было, что они не могли поколебать могущества союзниковъ, а произвели бы только одно напрасное пролитіе крови; почему, для избѣжанія онаго, намъ приказали черезъ три дня послѣ занятія Парижа готовиться къ походу, чтобы истребить послѣднія силы Наполеона; на случай отсутствія Государя назначенъ былъ Генералъ Поццо-ди-Борго повѣреннымъ въ дѣлахъ при временномъ правительствѣ.

Между тѣмъ вступили въ тайныя сношенія съ Маршаломъ Мармономъ, стоявшимъ впереди Фонтенебло, и послали къ нему находившагося издавна съ нимъ въ связяхъ Г-на Монтессю, съ извѣщеніемъ о непремѣнной волѣ союзныхъ Монарховъ — положить конецъ владычеству Наполеона. Господинъ Монтессю, выполнивъ порученіе сіе самымъ удачнымъ образомъ, возвратился на другіе сутки съ письменнымъ отвѣтомъ

Маршала Мармона, который обѣщалъ перейти на нашу сторону съ нѣкоторыми условіями, касавшимися до сохраненія жизни и состоянія прежняго своего повелителя. Не теряя времени согласился на его требованія, и онъ, съ двѣнадцати-тысячнымъ корпусомъ, оставилъ Французскую армію, прошелъ ночью сквозь нашу цѣпь и расположился около Версали.

Сей поступокъ убѣдилъ Наполеона въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія; онъ отправилъ въ Парижъ Коленкура и маршаловъ Нея и Макдональда, съ предложеніемъ отречься отъ престола въ пользу сына своего; ему отказали, и онъ явилъ въ несчастіи столько же покорности, сколько былъ неумолимъ во дни своихъ успѣховъ. Онъ принялъ безоговорочно островъ Эльбу и нѣсколько милліоновъ годоваго дохода для себя и для родственниковъ своихъ. Примѣчательно, что въ переговорахъ объ участи лютаго врага Россіи, мечтавшаго нѣкогда отодвинуть предѣлы ея до Днѣпра и Двины, посланные изъ Фонтенебло относился къ Государю, а не къ другому кому изъ союзныхъ Монарховъ, вмѣсто которыхъ Его Величество говорилъ и

*

дѣйствовалъ. Должно предоставить Исторіи рѣшить вопросъ, кто заслуживаетъ болѣе удивленія, Александръ ли, обезпечивающій, вопреки многихъ дѣланныхъ ему представленій, существованіе Наполеона, или сей послѣдній, пріемлющій дары отъ своего соперника? Когда такимъ образомъ оградили судьбу Наполеона съ его семействомъ, то пребываніе ихъ во Франціи не было уже совмѣстно съ обстоятельствами, собственная ихъ безопасность требовала, чтобы они отправилися за границу. Почти всѣ они выѣхали изъ Парижа съ Русскими паспортами, и въ сопровожденіи Адъютантовъ Государя: Наполеону сопутствовалъ Графъ Шуваловъ, который нѣсколько разъ спасалъ жизнь его отъ народной ярости.

Хотя новый порядокъ вещей, установленный во Франціи, обѣщалъ ей миръ и кротkое правленіе, однако же тамъ находилося еще много людей, привержепныхъ къ развѣнчанному герою; одни одолжены ему были мѣстами и почестями, а другіе, какъ напримѣръ, покупщики дворянскихъ и духовныхъ имѣній, видѣли въ немъ залогъ прочнаго обладанія своею собственностію; наболѣе сожалѣли о

кумиръ своемъ военные. По сей причинѣ милости, оказываемыя Государемъ сму и членамъ его фамиліи, привлекали на нашу сторону многочисленное сословіе его почитателей, между тѣмъ какъ прочіе союзники, являя къ нимъ очевидную холодность, удаляли ихъ отъ себя. Скажутъ, можетъ быть, что Александръ въ поступкахъ съ низверженнымъ противникомъ своимъ руководимъ былъ пищеславіемъ, и, что онъ въ семъ случаѣ платилъ свойственную великимъ душамъ дань желанію пріобрѣсть лишнюю страницу въ Исторіи, зная что каждое дѣйствіе его — принадлежность потомства. Но въ опроверженіе сего мнѣнія я приведу происшествіе, о которомъ нельзя было полагать, чтобы оно когда нибудь сдѣлалося гласнымъ, по совершенной ничтожности своей въ сравненіи съ великими событіями, тогда совершавшимися: оно послужитъ также доказательствомъ, сколько сердце Александра чуждалося мщенія. Однажды Онъ получилъ отъ одной Француженки письмо слѣдующаго содержанія: »мы лишились въ Наполеонѣ нашего благодѣтеля, а съ нимъ вмѣстѣ способовъ »существованія; хотя Ваше Величество »вели противъ его войну, но Французы

»почитаютъ Ваше великодушіе. Основы»вался на семъ общемъ мнѣніи, я прибѣ»гаю съ просьбою, снабдить меня такимъ »количествомъ денегъ, чтобы я могла »безпрепятственно доѣхать до Тосканы »и поселиться проливъ береговъ остро»ва Эльбы; тамъ я буду имѣть въ виду »мѣста, гдѣ обитаетъ человѣкъ, на ко»тораго взоры мои были и будутъ устре»млены. « Мнѣ приказали, отыскавъ просительницу, неподписавшую имени своего, вручить ей потребныя на проѣздъ ея деньги.

Во время переговоровъ объ отреченіи Наполеона, офицеры его арміи начали пріѣзжать изъ Фонтенебло въ Парижъ; но когда участь его рѣшилась, столица наполнилась ими. Какъ миръ еще не былъ подписанъ, но они не знали, будетъ ли присутствіе ихъ тамъ терпимо, а потому скрывались, не осмѣливаясь показываться въ мундирахъ и въ публичныхъ мѣстахъ. Когда сіе дошло до свѣденія Государя, то Онъ приказалъ обнародовать слѣдующее объявленіе: »Узнавъ, что многіе изъ Французскихъ военныхъ всѣхъ чиновъ находятся нынѣ въ Парижѣ, или »по поводу теперешнихъ обстоятельствъ, »или для поправленія здоровья, разспро-

»еннаго походами и ранами, полученны»ми на полѣ чести, Его Величество ни»какъ не полагаетъ, чтобы они почита»ли нужнымъ скрываться. Во всякомъ слу»чаѣ Ему пріятно объявить имъ, что »они свободны, совершенно свободны и, »что имъ, какъ и прочимъ Француз»скимъ гражданамъ, предстоитъ обязан»ность способствовать къ тѣмъ мѣрамъ, »которыя надлежитъ принять для бла»годенствія Франціи.«

Можно было узнать Французскихъ офицеровъ столько же по мрачному виду, сколько и по мундирамъ. Вникая въ свойство военныхъ, нельзя было требовать, чтобы они съ самаго начала обошлись съ нами ласково: они могли не иначе, какъ постепенно, признать спасителей своего отечества въ людяхъ, противъ которыхъ долгое время сражались. Они обращались съ Русскими вѣжливѣе, нежели съ прочими союзниками, съ коими бывали у нихъ не рѣдко поединки; особенно къ Прусакамъ они питали отличную ненависть такъ, что между ними почти ежедневно проливалася кровь. Нѣмецкіе офицеры, хотя и сосѣди Франціи, но привыкаютъ труднѣе къ Французскимъ нравамъ, языку и обхожденію,

чѣмъ Русскіе. Въ сіе время намъ позволили бывать во фракахъ, въ которыхъ мы являлися уже въ обществахъ, какъ мирные граждане. Прусаки и Австрійцы не переставали ходить въ мундирахъ, къ тому же они не старалися скромностію поведенія возвысить, такъ сказать, свое торжество. У Австрійцевъ есть обыкновеніе носить въ военное время на киверахъ и шляпахъ зеленыя вѣтви, которыми Французы обижалися, принимая оныя за изображеніе лавровъ, и отъ сего случалися ссоры и даже убійства. Напротивъ того Парижанамъ правилося чрезвычайно, что мы носили бѣлую повязку на лѣвой рукѣ и, что присовокупили бѣлую кайму къ нашимъ кокардамъ на шляпахъ. Сіе, повидимому маловажное обстоятельство, обращало въ нашу пользу общее мнѣніе, господствовавшее тогда во Франціи, и содѣлывало тѣснѣе связь между нами, потому что всѣ почти Французы, безъ изъятія, украшалися бѣлымъ цвѣтомъ въ знакъ привязанности своей къ Бурбонамъ и желанія скораго ихъ возвращенія.

Награждая щедро Русскихъ и офицеровъ союзныхъ армій, Императоръ поч-

нилъ равномѣрно и Французскихъ чиновниковъ своими милостями. Такимъ образомъ онъ пожаловалъ орденъ Господину Монтессю, которой первый ѣздилъ къ Маршалу Мармону, съ предложеніемъ перейши на нашу сторону; полковнику Лескуру, которой спасъ Парижъ, не исполнивъ даннаго ему приказанія отъ Наполеона взорвать пороховый магазейнъ, находившійся на Гренельскомъ полѣ; Архитектору Перу, захваченному нашими разъѣздами на канунѣ Монмартрскаго сраженія и успѣшно исполнившему порученіе, данное ему Императоромъ къ генералу Французскому, начальствовавшему войсками въ Парижѣ, и разнымъ другимъ особамъ, а особенно Французскимъ врачамъ, имѣвшимъ попеченіе о нашихъ больныхъ. Однажды Парижскіе банкиры пожертвовали въ пользу нашихъ раненыхъ восемь тысячь франковъ, вырученныхъ ими отъ промѣна Русскихъ ассигнацій. Государь, изъявивъ имъ свое благоволеніе, приказалъ деньги сіи раздѣлить на четыре части, изъ коихъ одну оставить для Русскихъ, а остальныя отдать Австрійцамъ, Прусакамъ и Французамъ. Деньги, назначенныя послѣднимъ, отосланы Генераломъ Саксомъ къ военному Министру

Дюпону, при письмѣ, заключавшемся сими словами: »Я почитаю себя щастливымъ, »что Его Величеству угодно было избрать »меня для объявленія вамъ сей Монаршей »милости, изливаемой на вашихъ соотече- »ственниковъ, коихъ храбрости я имѣлъ »много случаевъ быть свидѣтелемъ.«

Одинъ изъ незабвенныхъ дней было свѣтлое воскресенье, въ которое пѣли молебенъ на площади Лудовика XV; для Богослуженія сооруженъ былъ престолъ на мѣстѣ казни послѣдняго Короля Французскаго. Съ ранняго, прекраснаго утра разставлены были наши войска на улицахъ и на площади, и необозримыя толпы народа покрывали оныя и примыкающія къ нимъ аллеи Тюльерійскаго сада и Елисейскихъ полей. Государь, въ сопровожденіи множества иностранцевъ, въ числѣ которыхъ находилися нѣсколько Французскихъ Маршаловъ и Генераловъ, объѣхалъ войска и, прибывъ на площадь, на которой служили молебенъ, преклонилъ со всѣми окружавшими его колѣна тамъ, гдѣ за двадцать лѣтъ пролита была кровь добродѣтельнаго Монарха. Молитва всегда возвышаетъ душу, но она исполнила насъ изъяснимыми чувствами, когда мы изливали благодареніе

наше Всевышнему посреди Парижа. Сей день былъ днемъ торжества благочестія Александра. Въ древнія и въ новыя времена покоряли Царства, но не бывало примѣра, чтобы посреди плѣненной столицы побѣдитель именовалъ себя только орудіемъ Провидѣнія и успѣхи свои приписывалъ одному Богу. Когда молебствіе кончилося, то гулъ Русскихъ пушекъ раздался по Парижу; громъ орудій, заступившій мѣсто тишины во время служенія, потрясъ глубину сердецъ нашихъ.

Въ тотъ же день Государь пожаловалъ бывшему своему наставнику Лагарпу, находившемуся въ чинѣ полковника, орденъ святаго Андрея Первозваннаго. Уже на другое утро, по занятіи Парижа, меня посылали къ супругѣ Лагарпа извѣстить ее, отъ имени Императора, что мужъ ея находится въ безопасности въ главной квартирѣ Австрійцевъ, предложить ей отъ Его Величества всѣ возможныя услуги, караулъ въ загородной домъ ея и деньги, ежели ей оныя нужны; сверхъ того приказано было мнѣ ей сказать, что Государь не имѣлъ еще ни одной минуты, чтобы ее посѣтить, но что въ самомъ скоромъ времени будетъ

лично у ней. Я нашелъ у госпожи Лагарпъ многочисленное собраніе, и когда сообщилъ ей о волѣ Императора, но она, заплакавъ, отвѣчала: »вы видите мои слезы, вотъ мой отвѣтъ.«

Черезъ нѣсколько дней, послѣ праздника Пасхи, Государь переѣхалъ изъ дома Талейрана въ Елисейской дворецъ. Въ скоромъ времяни прибылъ въ Парижъ Императоръ Францъ, который, во время движенія Наполеона на Сенъ-Дизіе, отправился въ Дижонъ къ Австрійской арміи и съ тѣхъ поръ находился при оной. Въ день пріѣзда Государь встрѣтилъ его при Русскихъ войскахъ, стоявшихъ въ парадѣ, и отдань былъ пароль: Вѣна, а Лозунгъ: Францъ. Начался о мирѣ переговоры, которые Государь велъ лично, а въ свободные часы осматривалъ достопримѣчательныя заведенія, находящіяся въ Парижѣ, посѣщалъ членовъ Королевской фамиліи, Императрицъ Марію Луизу и Іосефину, дочь ея, Принца Евгенія и нѣкоторыхъ сановниковъ, и приглашалъ къ своему столу знаменитыхъ людей всѣхъ сословій, безъ различія партій, къ которымъ они принадлежали.

ГЛАВА VI.

Набожность Русскихъ. — Солдаты. — Ласковое обращеніе Парижанъ. — Пріемъ Государя въ театрѣ. — Похвалы Государю. — Рѣчи членовъ Института. — Засѣданіе Института.

Французы, которыхъ знаменитѣйшіе соотечественные писатели проповѣдывали безвѣріе въ шестнадцатомъ столѣтіи, были крайне удивлены набожностію Государя и Русскихъ. Поколѣніе, образованное въ правилахъ Вольтера и Дидерота, бывшее въ зрѣломъ возрастѣ своемъ свидѣтелемъ, что народный конвентъ, директорія и Наполеонъ почитали вѣру единственно необходимымъ зломъ и орудіемъ къ достиженію власти и удержанію ея, не могло не быть изумлено, взирая на благочестіе своихъ побѣдителей, коего признаки поражали его даже въ самыхъ медаляхъ, установленныхъ въ па-

мять отечественной войны. Вотъ что помѣщено о семъ предметѣ въ одномъ изъ лучшихъ журналовъ тогдашняго времени, а періодическія сочиненія во Франціи суть отголоски общаго мнѣнія: »Ни»кто не можетъ придти въ себя, видя, »что Монархи Европы, которые имѣли »право мстить за столько причиненныхъ »имъ оскорбленій и требовать вознагра»жденій разнаго рода, являются посреди »насъ избавителями, вмѣсто враговъ и »завоевателей, которыхъ мы устраша»лися. Спрашивается, что внезапно от»вратило отъ насъ грозу, которая по »собственной винѣ нашей должна была раз»разиться надъ нами, что смягчило спхъ »храбрыхъ воиновъ, которыхъ мы ожес»точали и возстановляли противъ себя? »Надобно сознаться, что это религія, »она образовала священный союзъ ихъ для »блага человѣческаго рода, всѣ воины ихъ »носятъ знаки ея на своей одеждѣ. Ни»какая другая человѣческая причина, не »могла подвигнуть ихъ къ тѣмъ по»жертвованіямъ, которымъ нѣтъ при»мѣра въ Исторіи.« »Мы слышали,« говоритъ другой журналистъ, »что моло»дые Русскіе офицеры разсказывали, въ »самый день торжественнаго вступленія

»своего въ Парижъ, о подвигахъ своихъ »отъ Москвы до Сейны, какъ о дѣлахъ, »въ которыхъ они были предводимы про- »мысломъ Божіимъ; себѣ они предоставля- »ли только ту славу, что они были »избраны орудіемъ Его милосердія. Они »описывали побѣды свои безъ восторга »и въ такихъ простыхъ выраженіяхъ, »что мы думали, что они о семъ усло- »вилися изъ особенной учтивости. Они »намъ показали серебреную медаль, ко- »торую Генералы и солдаты носятъ въ »видѣ знака отличія. На одной сторонѣ »сей медали изображено око провидѣнія, »а на другой слова изъ священнаго писа- »нія: не намъ, не намъ а имени твоему.«

Наши солдаты, которыхъ содержали въ такой же подчиненности, какъ и въ Россіи, обходились самымъ дружескимъ образомъ съ обывателями городовъ и деревень. Въ Парижѣ расположены были только отборныя войска; ростъ ихъ, сила, простота образа жизни, и самое невѣденіе мѣстъ, куда они были заведены службою, все сіе возбуждало любопытство Французовъ. Одинъ писатель ихъ изображаетъ въ сихъ словахъ нашъ лагерь: »Множество Парижанъ бываютъ въ Ели- »сейскихъ поляхъ, чтобы видѣть бива-

»ки конныхъ полковъ Россійской гвардіи,
»въ которыхъ люди необыкновенной ве-
»личины и тѣлесной крѣпости; иные ка-
»жутся въ сажень. Достойно удивленія,
»какъ люди и лошади сохранились въ толь
»хорошемъ состояніи, потому что они
»пришли изъ отдаленныхъ земель, были
»въ частыхъ сраженіяхъ, и претерпѣли
»жестокую и продолжительную зиму.
»Парижане, почитавшіе Бельвиль и Ар-
»жантейль, Сенклу и Медонъ границею
»свѣта, они, которымъ военные станы
»извѣстны только по разсказамъ сыно-
»вей ихъ, смотрятъ съ удовольствіемъ на
»биваки, устроенные посреди ихъ горо-
»да. Остатки сѣна, котораго лошади не
»съѣли, служатъ солдатамъ постелью.
»Пуки соломы покрываютъ копья ихъ,
»приставленныя къ деревьямъ, что обра-
»зуетъ родъ кровли, а подъ оною похо-
»дятся всадники и имущество ихъ. Пе-
»редъ каждымъ бивакомъ разложены огни,
»гдѣ варятъ пищу; здѣсь видите воина,
»которой рѣжетъ мясо, другой рубитъ
»дрова, иной чиститъ оружіе или от-
»дыхаетъ, имѣя изголовьемъ сѣдло своей
»лошади. Многіе изъ нихъ слушаютъ съ
»удовольствіемъ, какъ бы разумѣя, замѣ-
»чанія прогуливающихся на счетъ обы-

»часвъ ихъ; отвѣтовъ же, дѣлаемыхъ ими »на наши вопросы, мы или не понимаемъ »во все, или только отчасти по шѣлодви»женіямъ, въ которыхъ видно добродушіе »ихъ и искреннее съ нами согласіе.«

Не возможно и намъ забыпь ласкового обращенія Парижанъ, которыхъ дома и сердца были открыпы для Русскихъ; появленіе нашихъ офицеровъ возбуждало не рѣдко рукоплесканія въ театрахъ, которые, особенно въ первое время, оглашались восклицаніями: да здравствуютъ Русскіе! Тоже случалося и въ кофейныхъ домахъ, гдѣ сначала хозяева не хотѣли брать съ Русскихъ денегъ. Что признательность къ намъ Французовъ была искренная, а непритворная, тому видны были ежедневно доказательства; между прочимъ многія селенія просили изъ милости о перевозкѣ къ нимъ нашихъ офицеровъ, дабы имѣть возможность оказать имъ всякое зависящее отъ нихъ вспомоществованіе. Русскіе вообще обязаны признательнымъ воспоминаніемъ Парижанамъ, за то, что они болѣе прочихъ чужестранныхъ народовъ цѣнили доблести Александра и подвиги нашихъ войскъ.

Можно удобнѣе вообразить, нежели описать стеченіе народа, когда Государь въ первый разъ посѣтилъ театръ. Назначено было представлять Траяново торжество; но передъ самымъ прибытіемъ Императора поднялся занавѣсъ и объявили, что Его Величеству не угодно принять на свой счетъ похвалъ, коими исполнена сія опера и, посредствомъ которыхъ Французы желали принести побѣдителю дань своей благодарности, почему представляли Весталку. При появленіи Государя ликованія, которыя, казалося, потрясали огромное зданіе театра, продолжалися болѣе четверти часа и были повторяемы во весь вечеръ. Во время междудѣйствій зрители, недовольствуясь, что музыканты играли народную пѣсню Генриха четвертаго, желали, чтобы извѣстный актеръ Ланъ ее пропѣлъ. Онъ вышелъ съ бумагою въ рукахъ, и на сей голосъ раздался въ честь Государя стихи, которые сдѣлались въ скоромъ времени общенародными.

Такимъ образомъ протекало время въ Парижѣ; Французы и Русскіе предавалися искренней радости; первые, потому, что избавилися отъ ига, ихъ угнетавшаго, а вторые, что отмстили за оте-

чество и достигли окончанія войны самымъ блистательнымъ путемъ. Весеннее солнце не сходило съ небосклона, улицы и гулянья наполнены были съ утра до вечера множествомъ народа; смѣло можно сказать, не опасаясь упрека въ лести, что предметомъ общихъ разговоровъ было великодушіе Государя, прославляемое художниками и писателями. Не проходило дня, чтобы живописцы и ваятели не являлися съ Его изображеніемъ, а стихотворцы съ произведеніями пера своего въ честь Его Величества. Не было сословія въ Парижѣ и Франціи, которое бы не превозносило Государя при всякомъ случаѣ. Въ главномъ уголовномъ судѣ происходило въ то время первое публичное засѣданіе; извѣстный краснорѣчіемъ своимъ Белларъ, прежде нежели приступилъ къ изложенію тяжбы, сказалъ: »Герой »почти баснословный, отличный своимъ »плѣнительнымъ обращеніемъ, столько »же какъ и рыцарскими добродѣтеля»ми; Онъ, коего имя, покрытое уже »съ давнихъ вѣковъ другаго рода славою, »украшается нынѣ единственною и новою »славою въ Исторіи, научал Европу, что »сила оружія, которая покровительству-

»ешъ и милуетъ, можетъ исторгать »слезы умиленія.«

Во Французскомъ Институтѣ профессоръ краснорѣчія Виллемсъ говорилъ: »Александръ, по великодушію своему, яв»ляетъ взорамъ нашимъ одно изъ тѣхъ »лицъ, каковыя находимъ въ древней Ис»торіи, исполненное страстію къ славѣ. »Могущество Его и лѣпа ручаются за »продолжительный миръ въ Европѣ. Ге»ройскій характеръ Его, совокупяся съ »просвѣщеніемъ, свойственнымъ новѣй»шимъ народамъ, упрочитъ оный; Онъ »воскреситъ въ большемъ блескѣ образъ »Монарха-Философа, представленный Мар»комъ Авреліемъ, и мы наконецъ увидимъ »на престолѣ мудрость, вооруженную »властію, стольже обширною, какъ и же»ланія, дѣлаемыя сю для блага человѣче»ства.« Когда Государь принималъ членовъ сего ученаго сословія, то Предсѣдатель онаго сказалъ: »щастіе наше есть плодъ »Вашихъ благодѣяній и побѣдъ. Вы нау»чили побѣдителей новому способу тор»жествовать. Бѣдствія вселенной дока»зываютъ, что до сихъ поръ не знали, »въ чемъ состоитъ настоящее величіе; »отнынѣ не будутъ удивляться величію, »сопутствуемому ужасомъ; оно тогда

»только можетъ быть признано справед-
»ливымъ, когда соединено съ любовію.
»Удивленіе наше совершенно; мы не хва-
»лимъ, Государь, но мы благословляемъ.«

Мнѣ случилось быть въ засѣданіи сего Института, происходившемъ въ присутствіи Государя и многочисленнаго, блестящаго собранія. Историкъ Лакретель привѣтствовалъ Государя рѣчью, въ которой, упомянувъ о томъ славномъ времени для наукъ, когда Петръ Великій углублялся въ оныя во Франціи, сказалъ: »Съ какимъ успѣхомъ созрѣли плоды про-
»свѣщенія, которое Петръ здѣсь почер-
»палъ! съ какою мздою Александръ воз-
»даетъ намъ то, что Предокъ Его, пре-
»образовавшій свое Царство, заимство-
»валъ у насъ.« Лакретель заключилъ рѣчь сими словами: »Въ тотъ день, который
»могъ быть для насъ столь ужасенъ, но
»который не произвелъ никакого смяте-
»нія, мы говорили какъ Филоктетъ Со-
»фоклову: Воины, не являющіе въ себѣ
»враговъ нашихъ! сколь намъ сладостно
»слышать изъ вашихъ устъ звуки на-
»шего природнаго языка.«

Слѣдующая статья, помѣщенная въ позже время въ одномъ журналѣ, предлагается здѣсь въ переводѣ. Читатели

усмотрятъ изъ оной лучше всякихъ похвалъ, которыя подъ перомъ Русскаго могутъ показаться пристрастными, чувства, одушевлявшія къ Александру народъ, Имъ покоренный: »какое величественное »зрѣлище являютъ нынѣ сіи Монархи, »которые пришли сюда съ оружіемъ въ »рукахъ, чтобы обезпечить спокойствіе »наше и благополучіе! И такъ Франція, »изнемогающая подъ тяжкими ранами, »которыя не могли сокрыться въ блескѣ »побѣдъ, и удрученная своими завоеваніями, должна была найти въ бѣдствіяхъ »своихъ конецъ злополучіямъ. Кто бы »подумалъ, и могла ли она надѣяться, »что ея спасеніе изойдетъ изъ странъ, »которыя она разоряла? Могла ли она »ожидать, что вмѣсто мщенія увидитъ »въ ожесточенныхъ сю и торжествующихъ врагахъ своихъ, кротость и »милосердіе, соединенныя съ привѣтливостію, которая украшаетъ человѣчество и удвоиваетъ цѣну благодѣяній?»

»Съ давнихъ лѣтъ мы отвыкли видѣть верховную власть, окруженную прелестями добродѣтели; давно уже мы не »слыхали сихъ утѣшительныхъ рѣчей, »которыя, будучи произнесены на престолѣ, проливаютъ въ сердца радость, сихъ

»словъ кротости и любви, составляю»щихъ настоящее краснорѣчіе Монарховъ, »потому что они суть самое убѣдитель»ное выраженіе могущества ихъ. О Титъ! »успѣха рода человѣческаго! о добрый »Генрихъ, великій Людовикъ XIV, и ты, »несчастный Монархъ, который на лоб»номъ мѣстѣ говорилъ о прощеніи! Нѣ»сколько словъ, сказанныхъ вами, повто»ряются по нынѣ въ потомствѣ и, слы»ша ихъ, мы проливаемъ сладкія слезы въ »сіи времена, когда привыкли только »плакать отъ горести.«

»Некогда Исторія напишетъ имя Твое »подлѣ сихъ славныхъ именъ, о велико»душный Александръ, соединившій съ »изящностію великаго подвига, плѣни»тельность выраженія и, который дока»залъ, что Ты не токмо умѣешь дѣлать »добро, но что Ты прекрасно оное твo»ришь. Ты насъ мгновенно переселилъ, такъ »сказать, въ другія времена, Ты намъ »далъ дышать новымъ воздухомъ, воз»вратилъ тѣ ощущенія, которыхъ не»щастія, продолжавшіяся слишкомъ дол»го, по видимому уже насъ навсегда ли»шали. Прими награду за сіи щедроты; »мы Тебя поняли; Ты говорилъ съ наро»домъ, Тебя постигающимъ. Завоеватель,

»посивший въ древности Твое имя, окро-
»вавилъ вселенную, чтобы его похвалили
»въ Аѳинахъ; одно движеніе Твоего серд-
»ца было достаточно, чтобы возбудить
»восторгъ въ Парижѣ и Франціи. На-
»слаждайся здѣсь, въ сихъ новыхъ Аѳи-
»нахъ, славнѣйшихъ нежели древнія, ща-
»сливыми дарами, коими природа Тебя
»наградила, наслаждайся любовію къ ис-
»кусствамъ, которыя будутъ соревновать
»къ прославленію Твоему, уваженіемъ Тво-
»имъ къ памятникамъ генія, которымъ
»побѣдоносная рука Твоя покровитель-
»ствовала, симъ удивительнымъ примѣ-
»ромъ просвѣщенія, подаваемымъ Тобою
»воспитанному юношеству, слѣдующе-
»му за Твоими знаменами и, которое
»благородными поступками въ сѣчахъ
»нашихъ явило себя достойнымъ имѣть
»Тебя своимъ Царемъ, наслаждайся со-
»вершенною нашею признательностію.
»Изгладятся слѣды бѣдствій, которыя,
»можетъ быть, причинило Твое оружіе
»въ нашемъ отечествѣ по жестокой
»необходимости войны; но память Тво-
»ихъ благодѣяній навсегда запечатлѣ-
»лась въ сердцахъ нашихъ. Силла, какъ
»варваръ, сжегъ столицу Аѳинки и Ге-

»нія, не внимая взываемой памяти вели-
»кихъ мужей, которые ее увѣковѣчили; но
»Тебѣ не нужно было указывать на зна-
»менитыя тѣни, коимъ мы обязаны
»нашею славою: краснорѣчивый и тайный
»голосъ говорилъ Тебѣ въ глубинѣ души:
»вотъ отечество Корнеля и Расина, Бос-
»сюета и Бюффона.«

Въ исходѣ Апрѣля мѣсяца прибылъ въ Парижъ Лудовикъ XVIII, и былъ встрѣченъ за нѣсколько станцій Государемъ, который возвратилъ ему неприкосновенными достоянія предковъ его, избавивъ Францію отъ раздѣла. Примѣчательно, что ни одинъ Французскій писатель не упоминаетъ о семъ благодѣяніи, оказанномъ Александромъ отечеству ихъ; полагать должно, что они дѣлаютъ это по невѣдѣнію, потому что нѣтъ другой причины умалчивать о поступкѣ, которому они обязаны величайшимъ счастіемъ, то есть, быть народомъ независимымъ, и самостоятельнымъ. 18 Мая подписали миръ и пушечные выстрѣлы возвѣстили, что для Европы настала новая эпоха. Доведя войну до желаннаго конца, Государь осмотрѣлъ въ послѣдній разъ войска свои и отправился въ Лондонъ,

черезъ четыре дня послѣ заключенія мира, обѣщавъ союзникамъ пріѣхать осенью въ Вѣну для совѣщанія о дѣлахъ всѣхъ державъ, ибо всѣ, болѣе или менѣе, пострадали отъ переворотовъ и продолжительныхъ войнъ. Тогда же караулы сданы были національной гвардіи, и наша армія предприняла обратный походъ изъ Франціи; Сакенъ сложилъ съ себя званіе Генералъ-Губернатора и городовое правленіе поднесло ему въ знакъ признательности шпагу.

Такимъ образомъ совершилося пребываніе Русскихъ въ Парижѣ, которое исполнило позднихъ потомковъ благоговѣніемъ къ имени Александра. Онъ забылъ грабежи и пожары въ своемъ Царствѣ, уважилъ памятники враговъ своихъ, избавилъ ихъ отъ порабощавшаго ига, пригласилъ на престолъ древній родъ Королей, возвратилъ двѣсти тысячъ плѣнныхъ, почтилъ воиновъ, сражавшихся въ непріятельскихъ рядахъ, обезпечилъ бытіе и состояніе падшаго своего соперника и возвесъ Россію на такую степень славы, на которой она прежде никогда не бывала. А вы, поржествовавшіе въ то время подъ знаменами Александра и, ко-

порыхъ уже такъ не много остается въ рядахъ нашихъ, сколь утѣшительно для васъ помышлять, что время сіе будетъ навсегда украшеніемъ Исторіи Россіи!

ГЛАВА VII.

Дюсисъ.— Лафаетъ.— Рамель.— Планъ возвращенія въ Петербургъ.— Мнѣнія во Франціи и Германіи.— Геттингенъ.— Морское путешествіе.— Возвращеніе Государя въ Петербургъ.— Праздникъ въ Павловскѣ.— Отъѣздъ въ Вѣну.— Варшавское герцогство.— Вѣна.

Изъ числа многихъ извѣстныхъ людей, находившихся тогда въ Парижѣ, упомяну здѣсь о трехъ, съ коими я имѣлъ случай познакомиться, а именно: о Дюсисѣ, Лафаетѣ и Рамелѣ.

Я нашелъ въ Дюсисѣ одного изъ тѣхъ щастливцевъ, которые въ маститой старости сохраняютъ душевныя способности зрѣлаго возраста; страстнаго любителя природы, нѣжнаго отца семейства и равнодушнаго къ почестямъ и богатствамъ. Нельзя было слушать безъ восхищенія сего Нестора словесности,

когда онъ читалъ наизусть вдохновенное посланіе, сочиненное имъ на восемьдесятъ первый годъ своего рожденія, и когда разсказывалъ о своей жизни, исключительно посвященной служенію Музъ, коихъ онъ почитался тогда во Франціи первосвященникомъ. Бесѣда его украшалася множествомъ любопытныхъ анекдотовъ объ ученыхъ, съ коими онъ находился въ дружескихъ связяхъ, и отличнѣйшихъ путешественникахъ, которые въ теченіи полувѣка пріѣзжали въ Парижъ и искали его знакомства. Онъ жилъ при дворѣ Бурбоновъ, видѣлъ ужасы революціи и владычество Наполеона, неоднократно старавшагося склонить его на принятіе Сенаторскаго званія; но Діосись не рѣшался промѣнять на оное уединенныхъ своихъ прогулокъ въ окрестностяхъ Версали и независимости, цѣнимой имъ выше всего на свѣтѣ. — »Какія »были самыя щастливыя минуты вашей »жизни,« спросилъ я его? — »Я почитаю, »отвѣчалъ онъ, высшею наградою моего »поэтическаго поприща, когда я увидѣлъ »мою мать въ слезахъ при представленіи »одной изъ моихъ трагедій «. — »Другое »происшествіе, случившееся недавно, »продолжалъ онъ, пронуло меня до глу-

»бпвы души. Лудовикъ XVIII, по возвра»щеніи въ Парижъ, послалъ за мною; «когда я вошелъ въ его кабинетъ, онъ »вспрѣтилъ меня, произнеся четыре сти»ха изъ моего Эдипа. Государь, сказалъ я »ему, Буало и Расинъ имѣли честь чи»тать произведенія свои вашему дѣду, »а мнѣ суждено безпримѣрное щастіе слы»шать стихи мои изъ устъ моего Короля.«

Лафастъ, по ловкости своей, самый любезный человѣкъ въ общежитіи, за обѣдомъ онъ говорливъ какъ Французъ; но разсматривая внимательно рѣчи его и поступки, я нашелъ въ немъ разительное сходство съ фанатиками среднихъ вѣковъ, съ тою разницею, что сіи, проповѣдуя кротость и милосердіе, сожигали противниковъ своихъ на кострахъ, а онъ, ополчаясь за мнимую независимость народовъ въ обоихъ полушаріяхъ, ниспровергаетъ существующій порядокъ вещей и, подъ личиною любви къ человѣчеству, вовлекаетъ въ гибель несчетное множество семействъ. Не взирая на преклонныя свои лѣта и многотрудныя приключенія, случавшіяся въ его жизни, онъ защищаетъ свои правила съ жаромъ юности, котораго не ослабили старость и нещастія его отечества. Однажды мы

ѣхали съ нимъ въ каретѣ; дорогою онъ завелъ рѣчь о свободѣ писанія и на опроверженія мои о пагубныхъ послѣдствіяхъ, отъ оной происходящихъ, сослался на сѣверную Америку. »Не блиожели, сказалъ я, опуская стекло кареты, »взглянуть на улицы этаго города, въ »которомъ сотни тысячь людей запла»тили жизнію за невозможность приве»сти писоріи ваши въ исполненіе?«

Рамель управлялъ три года финансами при народномъ конвентѣ и директоріи; когда ассигнаціи потеряли совершенно свое достоинство и наличныя деньги только что начали показываться въ обращеніи. Онъ оживилъ Государственный кредитъ, потрясенный насильственными мѣрами Якобинцевъ, а что не менѣе важно, оставилъ память своихъ дѣйствій въ сочиненіи своемъ о финансахъ Французской республики, заслуживающемъ тѣмъ большее вниманіе, что въ новѣйшія времена рѣдко Государственные люди передаютъ грядущимъ поколѣніямъ наблюденія, сдѣланныя ими въ отправленіи своихъ должностей: покрайней мѣрѣ они не могутъ отозваться недостаткомъ времени, послѣ твореній Сюлли, Неккера и Гарденберга. Будучи въ ду-

мѣ республиканцемъ, Рамель простъ и скроменъ въ обращеніи. Онъ принадлежитъ къ немногому числу Министровъ Финансовъ, которые отдаютъ полную справедливость Адаму Смиту и Физіократамъ, за исключеніемъ однакоже такъ называемаго сими послѣдними, единственнаго налога. »Свобода промысловъ,« сказалъ онъ мнѣ, »есть лучшее ободре»ніе для оныхъ и уничтоженіе тамо»женъ нужно для благосостоянія Фран»ціи. Если бы Наполеонъ,« продолжалъ онъ, »вмѣсто континентальной системы, »допустилъ совершенную свободу тор»говли въ подвластныхъ ему земляхъ, то »довелъ бы Англію до крайности.«

По выступленіи войскъ нашихъ изъ Парижа я былъ въ нерѣшимости, какимъ образомъ устроить обратное мое путешествіе въ Петербургъ. Сперва я располагалъ ѣхать въ Англію, но помышляя, что тамъ надобно быть въ безпрерывной дѣятельности для обозрѣнія множества любопытныхъ предметовъ, которые находятся въ семъ Государствѣ, отложилъ сіе намѣреніе, ибо послѣ трехъ походовъ чувствовалъ необходимость отдыха. Я какъ теперь помню радость мою, когда оставшись въ Парижѣ одинъ и безъ

занятій по службѣ, я сѣлъ въ Тюльерійскомъ саду подъ тѣнь вѣтвистаго дерева, въ увѣреніи, что меня никто не потревожитъ. Потомъ я думалъ плыть изъ полуденной Франціи въ Италію, посѣтить грознаго узника на островѣ Эльбѣ и поклониться гробу Виргилія. Изъ Италіи я хотѣлъ направиться къ островамъ Архипелага, взглянуть на Аѳины, Спарту и Константинополь и возвратиться въ Россію чрезъ Балканы, не предполагая, что въ послѣдствіи судьба приведетъ меня по сей дорогѣ съ Россійскими орлами къ вратамъ Византіи. Сіе прекрасное предначертаніе нѣсколько дней меня занимало, но опасаясь противныхъ вѣтровъ и остановки въ карантинахъ, я избралъ другой планъ, который хотя менѣе тѣшилъ мое воображеніе, но болѣе удовлетворялъ потребностямъ сердца. Я вознамѣрился ѣхать въ незабвенный для меня Геттингенъ, а потомъ моремъ изъ Любека въ Кронштатъ.

Въ исходѣ Маія я простился съ Парижемъ: путь сокращали разговоры съ двумя товарищами о необыкновенныхъ событіяхъ, кои совершились въ нашихъ глазахъ, о разныхъ приключеніяхъ въ по-

ходахъ, роскошномъ Парижѣ и торжествѣ Россіи. Дорогою Французы смотрѣли на насъ ненавистнымъ окомъ, а особенно военные, ибо съ возстановленіемъ Бурбоновъ исчезли мечты ихъ о пріобрѣтеніи почестей, богатствъ и славы, которыми прежній обладатель льстилъ ихъ легкомыслію. Сіи люди, порожденіе многолѣтнихъ войнъ, возросшіе въ праздности бивуковъ, не знавшіе другаго отечества, кромѣ своего полковаго штаба, другихъ успѣхъ, кромѣ злоупотребленія права сильнаго, готовы были, для наполненія пустоты своего существованія, возжечь снова пламень всемірной войны. Но едва мы переѣхали Рейнъ, какъ были свидѣтелями совсѣмъ иныхъ явленій: Нѣмцы постигали благодѣянія, долженствовавшія послѣдовать отъ заключенія мира. Блескъ, которымъ покрылося Россійское оружіе, и подвиги Александра, избавившаго Германію отъ ига, были ими въ полной мѣрѣ признаваемы; они повсюду насъ принимали самымъ радушнымъ образомъ; названіе Русскаго офицера было иногда лестнѣе всякаго громкаго имени.

Да позволено мнѣ будетъ посвятить нѣсколько строкъ признательности мѣс-

шу, въ которомъ я получилъ образованіе. Я пріѣхалъ въ Геттингенъ уже поздно вечеромъ и почти побѣжалъ по городу, гдѣ провелъ три счастливѣйшихъ года въ такомъ возрастѣ, который можно назвать цвѣтомъ нашего бытія. Каждый домъ, каждое дерево, все говорило мнѣ знакомымъ, привѣтнымъ языкомъ. Случалось мнѣ встрѣчать ночную звѣзду на берегахъ Лемана, въ развалинахъ Помпеи и на Капитолійскомъ холмѣ, но сколь ни велико было наслажденіе посреди сихъ классическихъ мѣстъ, однако же оно уступало удовольствію, которое я ощущалъ почью, увидя себя вновь посреди уединеннаго Геттингена. Въ слѣдующіе дни я посѣтилъ Венде, Плессу, Маріенштернъ; все въ нихъ сохранило прежній цвѣтущій видъ свой, но я грустилъ, ибо видѣлъ, что измѣнился только одинъ я, что прошло уже время независимости, посвященной исключительно наукамъ и природѣ, и что не было уже болѣе вокругъ меня друзей юности, съ коими здѣсь мы пивали чашу невинныхъ радостей, не вѣдая, что каждый изъ насъ будетъ, болѣе или менѣе, увлеченъ вихремъ политическихъ происшествій, которыя были для насъ тогда покрыты непро-

ницаемою завѣсою. Какъ сильно заблуждаются порицатели Германскихъ Университетовъ, представляющіе сіи святилища музъ вертепами разврата! Они основываютъ сужденія свои на словахъ путешественниковъ, видающихъ мимоѣздомъ студентовъ, которые въ странныхъ одеждахъ, съ усами и звонкими шпорами ходятъ по улицамъ; но сіи путешественники, встрѣчая повѣсъ, не могутъ видѣть несравненно большее число тѣхъ молодыхъ людей, которые съ ранняго утра до поздней ночи трудятся въ своихъ скромныхъ кабинетахъ. Ежели и выходятъ изъ Университетовъ юноши безнравственные, какъ и изъ другихъ учебныхъ заведеній, то число ихъ ничтожно въ соразмѣрности къ тѣмъ, которые съ непоколебимою вѣрностію служатъ своимъ Государямъ и дѣйствуютъ съ просвѣщеннымъ умомъ къ пользѣ общей, въ кругу, для нихъ судьбою назначенномъ.

Неблагопріятный вѣтеръ задержалъ насъ нѣсколько времени въ Травеминдѣ, гдѣ единственная отрада моя состояла въ прогулкахъ вдоль песчанаго берега моря. Неизмѣримое пространство онаго, глухій ревъ раздроблявшихся валовъ и со-

вершинное безмолвіе, царствовавшее повсюду, располагали меня еще болѣе къ помышленію о шумномъ Парижѣ, который я такъ недавно оставилъ, о золотыхъ дняхъ, проведенныхъ въ Геттингенѣ и свѣтлыхъ надеждахъ, представлявшихся тогда для будущности Россіи. Наконецъ распустили паруса и дня черезъ два мы увидѣли Борнгольмъ, котораго имя, со времени Карамзина, сдѣлалося принадлежностію Русской словесности; Финской заливъ усѣянъ былъ кораблями; великое число ихъ свидѣтельствовало объ оживленіи торговли.

Государь возвратился въ Іюлѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ, послѣ полуторогодичнаго отсутствія, и черезъ нѣсколько дней, окруженный Генералами, вмѣстѣ съ Нимъ подвизавшимися, ѣхалъ верхомъ, въ Казанскій соборъ, служить благодарственный молебенъ. Безчисленное множество подданныхъ толпились вокругъ обожаемаго Монарха, Который первый, послѣ Петра Великаго, лично предводительствовалъ своими войсками, а когда Онъ преклонилъ колѣна, то казалось, что добрая, Ангельская душа Его парила къ небесамъ. Вскорѣ прибыла гвардія и начались праздники, изъ коихъ примѣчатель-

нѣйшій былъ въ Павловскѣ, гдѣ на открытомъ воздухѣ акперы представляли различныя дѣйствія, относившіяся до минувшей войны. Послѣ театра данъ балъ, а потомъ ужинъ, приготовленный въ палаткѣ, на которой большими, ярко освѣщенными буквами, было написано: «побѣдителямъ.« Во время стола пѣли Лабанова пѣсню:

Ѣздилъ Русской Бѣлой Царь
Изъ своей земли далеко,

которая была принята военными съ восторгомъ, изъявленнымъ рукоплесканіями, и требованіемъ, чтобы ее повторили.

31-го Августа я получилъ приказаніе отправиться въ Вѣну, гдѣ назначался конгрессъ для общаго примиренія Европы. Въ Петербургской и Псковской губерніяхъ, чрезъ которыя я ѣхалъ, не было никакихъ приготовленій для пріема Государя, но далѣе я встрѣчалъ на каждой почтѣ дворянскихъ предводителей и гражданскихъ чиновниковъ и находилъ обѣды и завтраки, на которые временные хозяева приглашали меня самымъ уч-

тивымъ образомъ. Казалося, будто въ привѣтствіяхъ ихъ слышны были слова: »забудьте прошедшее.« Въ Витебскѣ собрался вокругъ меня люди разнаго званія; на вопросъ мой: много ли жителей вышло изъ города при приближеніи непріятеля? одинъ молодой купецъ, взглянувъ съ презрѣніемъ на стоявшихъ вблизи Евреевъ и другихъ, отвѣчалъ съ жаромъ: »ни одинъ Русской въ то время въ »городѣ не остался.« Вскорѣ я переѣзжалъ черезъ Березину, которую мы такъ часто разсматривали на картѣ въ Тарутинскомъ лагерѣ, полагая, что на оной должны кончиться бѣдствія Россіи. Вообще отъ Двины до Нѣмана рѣдкой городъ не ознаменованъ какимъ либо происшествіемъ отечественной войны. Если Лаціумъ и Пелопоннисъ причисляютъ къ классическимъ странамъ, то почему не именовать таковымъ край, гдѣ Россія боролася съ Европою? Преданіе о сей брани должно переходить, какъ драгоцѣнное наслѣдство, изъ рода въ родъ, и если бы когда нибудь облака помрачили горизонтъ Россіи, то пусть потомки, освѣжа въ памяти своей событія роковаго года, воскресятъ славу нашего отечества!

Н*** ожидалъ прибытія Государя въ Брестѣ Литовскомъ, чтобы предварить Его Величество о посланныхъ Варшавскаго Герцогства, остановившихся въ мѣстечкѣ Бѣломъ, гдѣ они между собою поссорились за то, что не соглашались, кому изъ нихъ привѣтствовать Императора. Жители Герцогства, съ которыми я имѣлъ случай дорогою разговаривать, ожидали съ нетерпѣніемъ опредѣленій Конгресса, полагая на вѣрное, что отечество ихъ будетъ возстановлено. Какъ побѣжденные, они не имѣли на то никакихъ правъ; даже и въ такомъ случаѣ, ежели бы Конгресъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность возобновить политическое бытіе разныхъ народовъ, упрашивших оное со времени Французской революціи, то ему слѣдовало бы предпочтительно заняться участію Венеціанской и Генуезской республикъ, издревле славныхъ науками, художествами и торговлей. Что касается до того обстоятельства, будто бы раздѣлъ Польши нарушилъ политическое равновѣсіе Европы, то и сіе несправедливо, ибо съ послѣдняго десятилѣтія прошедшаго вѣка, положеніе всѣхъ державъ измѣнилося; одинъ

лишились своей независимости, другія ослабѣли, иныя распространили предѣлы свои, и возстановленіе равновѣсія въ такомъ видѣ, какъ оно существовало до революціи, сдѣлалося нынѣ одною мечтою, а раздѣлъ Польши, политическою древностію, неимѣющею болѣе ни малѣйшей практической важности.

Дорогу мою по Галлиціи и Моравіи я уподоблю прогулкѣ; красивыя мѣстоположенія начинаются отъ Бѣрска и продолжаются до самой Вѣны; мудрое Австрійское правительство благодѣтельствуетъ странамъ, ономуподвластнымъ, и вездѣ видны слѣды благоразумныхъ законовъ, которыхъ неприкосновенность ограждается коллегіальными обрядами. 12-го Сентября я пріѣхалъ въ Вѣну и поселился въ Императорскомъ дворцѣ, гдѣ засталь все въ большой суматохѣ, подобно тому какъ въ частномъ домѣ наканунѣ какого нибудь пиршества. Въ это время уже находилось въ Вѣнѣ болѣе семидесяти особъ, принадлежащихъ къ владѣтельнымъ домамъ, многія изъ нихъ жили во дворцѣ; въ длинныхъ коридорахъ и огромныхъ залахъ онаго, встрѣчались лица всѣхъ Европейскихъ странъ,

слѣдовательно говорящія на всѣхъ языкахъ и во всѣхъ возможныхъ мундирахъ, такъ что въ первые дни это казалося настоящимъ маскерадомъ: не доставало только Папы и Султана.

ГЛАВА VIII.

Пріѣздъ Государя въ Вѣну. — Австрійское дворянство. — Великія Княгини. — Принцъ де Линь. — Эрцгерцогъ Карлъ. — Прибытіе на Конгресъ разныхъ лицъ. — Талейранъ. — Императрица Елисавета Алексѣевна. — Представленіе Принцовъ. — Александръ въ дѣлахъ Конгреса. —

13 Сентября громъ пушекъ возвѣстилъ прибытіе Государя; я поспѣшилъ въ назначенныя для Его Величества комнаты, которыя наполнены были вельможами Австрійскаго двора и иностранцами, желавшими увидѣть Миротворца Европы. По знатности фамилій сихъ вельможъ и пріемамъ ихъ, легко можно было заключить, что они принадлежатъ къ древнѣйшему двору Европы. Австрія такое Государство, въ которомъ менѣе нежели въ какомъ либо другомъ, поселился духъ нововведеній;

тамъ старинные дворянскіе роды пользуются особеннымъ уваженіемъ, справедливо стяжаемымъ на поприщѣ воинномъ и гражданскомъ, и истинно барскимъ образомъ жизни въ своихъ-помѣстьяхъ, въ коихъ они проводятъ большую часть года.

Присутствовавшія тутъ же великія Княгини Марія Павловна и Екатерина Павловна, какъ бы посреди собственныхъ дворцовъ своихъ, угощали Эрцгерцоговъ и дамъ. Принцъ де Линь сказалъ: »Великая »Княгиня Марія привязываетъ къ себѣ »сердца, а Екатерина берегитъ ихъ при»ступомъ.« При Ихъ Высочествахъ находились посланники наши Графъ Головкинъ и Хапыковъ. Первый извѣстенъ болѣе умомъ своимъ, нежели посольствомъ въ Китай, а второй сочинялъ прекрасные стихи на Французскомъ и Русскомъ языкахъ. Такъ въ Римѣ, въ царствованіе Августа, вельможи писали съ одинаковою легкостію стихи Греческіе и Латинскіе.

Генералъ Жоминн представилъ меня Принцу де Линь, вкусу и дарованіямъ котораго Европа отдавала справедливость болѣе пятидесяти лѣтъ. Но я видѣлъ въ немъ, такъ сказать, остатки того

необыкновеннаго человѣка, который былъ душею общества Екатерины и Фридриха, Маріи-Антуанеты и Іосифа, и, который для Русскихъ останется незабвеннымъ, потому что, постигнувъ геній великой законодательницы Россіи, онъ изобразилъ его съ благоговѣніемъ подданнаго и безпристрастіемъ иностранца. Видъ его столь важенъ, что я, незная его, спросилъ: Кто этотъ почтенный старецъ? — Ему тогда было около восьмидесяти лѣтъ, онъ былъ росту высокаго, имѣлъ уста краснорѣчивыя, глаза быстрые. Говоря съ нимъ о пребываніи его въ Россіи, я мысленно переносился во дни плаванія Екатерины по Днѣпру и воображалъ, какъ Она, съ высокихъ горъ Тавриды, показывая на страны, воспѣтыя Овидіемъ и увѣковѣченныя именемъ Ифигеніи, говорила Принцу де-Линь: »этотъ берегъ Чернаго моря я жалую вамъ.« Я сдѣлалъ ему нескладное привѣтствіе, ибо мнѣ страшно было объясняться съ нимъ на томъ языкѣ, на которомъ онъ бесѣдовалъ съ Жанъ Жакомъ и Вольтеромъ. Примѣтя мое замѣшательство, онъ началъ говорить о нашей словесности. »Россія непостижима!« сказалъ онъ, »Ломоносовъ и Державинъ соединяютъ

»съ Европейскимъ образованіемъ поня»тія восточныхъ народовъ, а сочине»нія Шувалова, Головкина и Уварова спо»ятъ на ряду съ произведеніями лучшихъ »Французскихъ писателей.« Отъ спихотворцевъ рѣчь перешла къ прозаикамъ, и Принцъ де Линь, узнавъ отъ Генерала Жомини, что я писалъ исторію прошедшей войны, просилъ, съ свойственною ему вѣжливостію, позволенія перевести ее на Французской языкъ. »Это лучшее »средство прославить мое сочиненіе,« отвѣчалъ я.

Вскорѣ объявили о прибытіи Государя во дворецъ и, какъ Принцъ де Линь былъ Капитаномъ гвардіи, то нашъ разговоръ прервался, и онъ занялъ мѣсто свое во фронтѣ. Сперва шли Императоры Александръ и Францъ, потомъ Король Прусскій велъ обѣихъ Великихъ Княгинь, а позади ихъ слѣдовали прочіе Короли и Принцы, между коими находился и Эрцгерцогъ Карлъ, бывшій нѣкогда защитникомъ Германіи и посвятившій потомъ свои досуги описанію походовъ, поставившихъ его, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, на ряду съ отличнѣйшими полководцами. Онъ худощавъ и невысокъ ростомъ, какая-то задумчивость видна

въ глазахъ его. Когда Монархи вошли во внутреннія комнаты, то насъ пригласили къ роскошному столу Гофмаршала.

Въ теченіи всего Сентября мѣсяца пріѣзжали безпрестанно на Конгресъ владѣтельныя особы, Послы и Министры державъ, депутаты вольныхъ городовъ и республикъ, и лица съ полномочіями разнаго рода; явилося большее число банкировъ, художниковъ, литераторовъ и путешественниковъ, привлеченныхъ любопытствомъ въ средоточіе тогдашняго политическаго міра. Всѣ между собою знакомилися, дѣлали другъ другу взаимныя посѣщенія, заводили связи и слабѣйшіе старалися частнымъ образомъ и побочными путями склонять заблаговременно голоса въ свою пользу; между тѣмъ какъ державы, имѣвшія стотысячныя арміи въ подкрѣпленіе своихъ требованій, спокойно ожидали открытія засѣданій. Желанія и виды были столь же различны, какъ и самыя выгоды каждаго Государства: однимъ было нужно разширеніе границъ, другіе просили только о возвращеніи прежнихъ владѣній, а земли, которыя въ послѣдніе годы утратили свое самостоятельное существованіе, и монар-

хи, лишившіеся престоловъ, присылали, суди по возможности, явныхъ или тайныхъ своихъ представителей. »Какія суть »требованія Ганзеатическаго союза?« спросилъ я у Сенатора Шмита, уполномоченнаго отъ трехъ вольныхъ торговыхъ городовъ. Онъ отвѣчалъ: »Кольбертъ, пред»лагая Французскимъ купцамъ покрови»тельство, желалъ знать, чѣмъ онъ мо»жетъ быть имъ полезенъ? они сказали »ему: не мѣшайтесь въ наши дѣла.«

Талейранъ, который здѣсь за нѣсколько лѣтъ предписывалъ законы, явился одинъ изъ послѣднихъ, съ лицемъ, на которомъ начертано было, что онъ состарѣлся въ чрезвычайныхъ переворотахъ, научившихъ его ничему не удивляться. Въ это время прибыла также Императрица Елисавета Алексѣевна, украшавшая престолъ совершенствомъ женскихъ добродѣтелей. День пріѣзда ея былъ праздникомъ для Вѣнскихъ жителей, но мы, Русскіе, видавшіе Ее вблизи, врядъ ли будемъ въ состояніи выразить тѣ чувства, которыя мы къ Ней питали. Коронованнымъ Главамъ и полномочнымъ Посламъ Государь давалъ каждому порознь пріемныя аудіенціи, а для прочихъ Принцевъ крови назначенъ былъ день, въ ко-

порой ихъ пригласили всѣхъ вмѣстѣ. Число ихъ было такъ значительно, что они сдва помѣстились въ довольно пространной залѣ. Смотря на нихъ въ этотъ день, я подумалъ, что почти всѣ они за нѣсколько лѣтъ толпились такимъ же образомъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, во время правленія Наполеона, и, что они сожигали потѣшныя огни и праздновали, когда получали извѣстія о взятіи Смоленска и Москвы. Мысль сія такъ сильно мною овладѣла, что я дѣлалъ довольно лаконическіе отвѣты, когда нѣкоторые изъ Принцевъ обращался ко мнѣ съ привѣтствіями. Видъ подобострастія, съ какимъ они вперяли взоръ на дверь, изъ которой надобно было выйти Государю, служилъ доказательствомъ благоговѣнія, исполнявшаго ихъ къ Его особѣ.

Въ скоромъ времени открылися засѣданія конгреса; описывать дѣйствія онаго военному, значило бы все равно, какъ дипломатическому чиновнику, пребывающему въ главной квартирѣ арміи говорить объ осадахъ и сраженіяхъ. Можно легко вообразить, что представителями различныхъ Государствъ избраны были люди съ отличными способностями, или покрайней мѣрѣ такіе, кото-

рые почитались за умнѣйшихъ. Русскіе полномочные были ничто иное, какъ исполнители предначертаній Александра, который вообще славою своею обязанъ только одному себѣ, ибо по природнымъ дарованіямъ, образованію и проницательности, Онъ стоялъ на несравненно высшей степени, нежели всѣ Его окружавшіе; нравственное Его превосходство было признано ими безусловно. Перемѣна, происшедшая въ характерѣ Его со времени отечественной войны, была очевидна; отбросивъ прежнюю къ себѣ недовѣрчивость, Онъ сдѣлался твердъ и предпріимчивъ. Въ отношеніи къ чужестраннымъ державамъ положеніе Его было безпримѣрно; восторжествовавъ надъ ними силою, Онъ потомъ явился примирителемъ ихъ; враги Его, увѣренные въ Его правосудіи, избирали Его посредникомъ; а за безкорыстіе Его ручались самыя выгоды безпредѣльной Имперіи Его, для которой всякое излишнее распространеніе было вредно. »Симъ счас»тливымъ положеніемъ границъ нашихъ,« сказалъ мнѣ однажды Государь, »обяза»ны мы промыслу Божію, который по»ставилъ Россію въ такое состояніе, что »ей не нужно новыхъ пріобрѣтеній. По-

»ему она имѣетъ безпристрастный го-
»лосъ въ политическихъ дѣлахъ Европы,
»подобно какъ въ частномъ быту чело-
»вѣкъ, которому не остается ничего
»желать, всегда бываетъ откровеннѣе и
»призывается другими въ посредники.
»Это дало намъ большой перевѣсъ на Вѣн-
»скомъ Конгресѣ и въ Парижѣ, какъ во
»время перваго, такъ и втораго нашего
»тамъ пребыванія.« Въ затруднительныхъ случаяхъ, гдѣ полномочные Его встрѣчали препятствія, Онъ лично велъ переговоры не токмо съ Монархами, но и съ Министрами, которые проводили съ Нимъ наединѣ въ кабинетѣ по нѣскольку часовъ въ жаркихъ спорахъ. Мнѣ случалося не однократно приглашать къ Его Величеству Герцога Веллингтона, Лорда Кастельре и Князей Талейрана, Гарденберга, Меттерниха и другихъ знаменитыхъ дипломатиковъ, и слышать изъ ближней комнаты продолжительныя и громкія ихъ прения, послѣ коихъ господа сіи выходили иногда съ пламенными лицами. Россія не забудетъ, что въ роковое для Европы время, она имѣла Царя, который на ратномъ полѣ являлъ доблести, а въ Европейскомъ Ареопагѣ, гдѣ надлежало разсѣчь новый Гордіевъ узелъ, удержавъ

за собою первенствующее мѣсто, не страшился возраженій искуснѣйшихъ Государственныхъ мужей своего вѣка и торжествовалъ надъ ними не силою, потому что она была здѣсь несумѣстна, но убѣжденіемъ и превосходствомъ умственныхъ своихъ способностей.

ГЛАВА IX.

Праздникъ въ Лугартенѣ. — Поля сраженій при Аспернѣ и Ваграмѣ. — Обѣдъ въ Эйцерсдорфѣ. — Шенбрунъ. — Римскій Король. — Праздникъ въ Пратерѣ. — Обѣдъ въ домѣ Графа Разумовскаго.

23-го Сентября давали въ такъ называемомъ Лугартенѣ праздникъ въ честь инвалидовъ. Множество каретъ и пѣшеходовъ покрывали улицы, ведущія къ сему саду, на воротахъ котораго помѣщена, по повелѣнію Императора Іосифа, слѣдующая надпись: »Мѣсто сіе посвящено »народу почитателемъ его.« Монархи, Принцы и весь дворъ находились въ нарочно приготовленной для нихъ бесѣдкѣ. Инвалиды, которые въ Австріи имѣютъ особенный мундиръ, открыли праздникъ; они проходили мимо сей бесѣдки по два въ рядъ и сѣли въ концѣ аллеи за длинные столы, поставленные около професъ,

на верху коихъ играли музыканты. Потомъ бѣгуны и вольтижеры показывали искуство свое въ теченіи часа, а когда смерклось, по дворъ опправился смотрѣть обѣдъ престарѣлыхъ воиновъ, которые привѣтствовали Монарховъ громкими восклицаніями. Послѣ фейерверка надлежало проходить намъ сквозь ворота, построенныя на подобіе Брандсбургскихъ въ Берлинѣ; мы едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ увидѣли колонну, какую предполагали воздвигнуть въ Москвѣ изъ непріятельскихъ орудій; пушки поставлены были одна на другую, а внизу находилося грудное изображеніе Государя, вѣнчаемаго побѣдою. Я не понимаю какими глазами иностранцы смотрѣли на сей столпъ, потому что всѣ Европейскія державы способствовали къ доставленію матеріаловъ для онаго. Императрица и Великія Княгини, недалеко отъ которыхъ я стоялъ, были пронуты: я жалѣлъ, что темнота вечера не позволяла мнѣ видѣть въ эту минуту лица Александра.

По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ сего праздника, Эрцгерцогъ Карлъ предложилъ Государю обозрѣть поля сраженій при Асперіѣ и Ваграмѣ. Намъ

сопутствовали двое Русскихъ Генераловъ, которые въ 1809-мъ году находились при Наполеонѣ; они разсказывали о дѣйствіяхъ Французской арміи, между тѣмъ какъ Эрцгерцогъ говорилъ о движеніяхъ своихъ войскъ: такимъ образомъ раскрывалося предъ нами то, что происходило съ обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Сперва мы поѣхали въ Аспернъ, гдѣ сдва Французская армія не погибла, а какъ въ военной исторіи не была извѣстна причина, почему Эрцгерцогъ, послѣ уничтоженія мостовъ на Дунаѣ, не довершилъ пораженія своихъ непріятелей, то я чрезвычайно былъ любопытенъ знать, какимъ образомъ онъ объяснитъ сіе обстоятельство. Наконецъ я услышалъ, что Государь, какъ будто невзначай, предложилъ ему вопросъ о семъ, и Эрцгерцогъ отвѣчалъ: »что онъ имѣлъ недостаточъ въ снарядахъ.« Отвѣтъ сей не всѣмъ показался удовлетворительнымъ и многіе остались при томъ мнѣніи, что Австрійскій полководецъ не воспользовался побѣдою, потому что онъ не воображалъ до какой степени Французская армія была разстроена. Она обязана спасеніемъ своимъ какъ сему заблужденію его, такъ равно и отчаянной

храбрости Массены, который со шпагою въ рукахъ, то на лошади, то пѣшкомъ, ободрялъ солдатъ своихъ, браня непріятелей и, крича, что они не осмѣляются преслѣдовать ихъ. На полѣ стоитъ еще дерево, близъ котораго Наполеонъ, увидѣвъ раненаго Маршала Ланна, началъ утѣшать сего старинаго своего сподвижника, который отвѣчалъ ему, что бы онъ оставилъ его въ покоѣ и помышлялъ бы только о средствахъ извлечь армію изъ того ужаснаго положенія, въ какое онъ ее ввергнулъ. Когда мы подъѣхали къ берегу Дуная, гдѣ Наполеонъ сѣлъ въ лодку, что бы переправиться на островъ Лобау, то произошло внезапно общее между нами молчаніе, точно какъ будто бы каждый предавался размышленію, что на семъ мѣстѣ могла рѣшиться судьба великихъ происшествій. Государь прервалъ сіе молчаніе, сказавъ: »какой человѣкъ! онъ поручаетъ погибающую армію Массенѣ, а »самъ ѣдетъ отдыхать и проводитъ ночь »въ крѣпкомъ снѣ.«

Осмотрѣвъ поле сраженія при Аспернѣ мы прибыли около полудня въ Энцерсдорфъ, гдѣ былъ приготовленъ прекрасный обѣдъ. Предъ сломомъ мы Русскіе раз-

говаривали между собою, а Государь, замѣтя, что мы споймали поодаль всѣхъ, подошелъ къ намъ и сказалъ: »обращай»цесь какъ можно вѣжливѣе съ иноспи»ранцами; надобно имъ показать, что »мы не медвѣди.« Выпивъ за здоровье Эрцгерцога Карла, мы поѣхали въ Ваграмъ, гдѣ Наполеонъ, невзирая на выгодное мѣстоположеніе Австрійцевъ, явилъ во всемъ блескъ необыкновенныя свои способности. Эрцгерцогъ говорилъ объ оныхъ безъвсякаго лицепріятія, какъ мужъ, цѣнящій высокое достоинство, и во весь этотъ день плѣнялъ скромностію, приносящею ему тѣмъ болѣе чести, что хотя на сихъ поляхъ онъ и былъ побѣжденъ, но не помрачилъ воинской своей славы. Въ пять часовъ мы пріѣхали въ Дейчь-Ваграмъ, гдѣ нашли ожидавшія насъ придворныя коляски, въ которыхъ мы возвратились въ Вѣну въ прекраснѣйшій осенній вечеръ.

5-го Октября насъ пригласили въ Шенбрунъ, загородный дворецъ, отстоящій отъ Вѣны верстахъ въ трехъ, въ саду коего построенъ на горѣ храмъ славы, нѣкогда любимое мѣсто Маріи Терезіи, откуда она обозрѣвала столицу свою и ея окрестности. Подлѣ меня

стоялъ какой-то вѣжливый камергеръ, который называлъ мнѣ по именамъ присутствовавшихъ тутъ гостей, которыхъ я незналъ: »вотъ Принцъ Альбани,« сказалъ онъ. — »Неужели,« спросилъ я, »другъ Винкельмана? — »Онъ самый, отвѣчалъ Камергеръ, и прекрасная Вилла »Альбани ему принадлежитъ.« Я подошелъ къ Принцу; онъ говорилъ мнѣ о Винкельманѣ, который жилъ въ его домѣ, разсказывалъ много подробностей, касающихся до сего великаго писателя и, бесѣдуя объ изящныхъ искуствахъ и Римѣ, мы едва незабыли, что находились посреди самаго блестящаго общества въ свѣтѣ.

Шенбрунскій дворецъ являлъ въ это время картину великой превратности щастія. Въ немъ живалъ Наполеонъ, послѣ двукратнаго покоренія Вѣны, въ немъ подписалъ онъ миръ въ 1809 году, по силѣ котораго Австрія уступила ему пространныя области, населенныя болѣе нежели пятью милліонами жителей, и въ этомъ самомъ дворцѣ помѣстили во время Конгреса сына Наполеонова. Я просилъ позволенія видѣть сего ребенка, кого рожденіе, воспѣтое и празднованное во всѣхъ частяхъ свѣта, казалося зало-

гомъ прочности новой политической системы и, который едва вышелъ изъ колыбели, какъ уже сдѣлался игралищемъ судьбы. Меня повели въ комнату, небогато убранную, посреди которой стояли три женщины въ черныхъ платьяхъ, изъ коихъ одна, госпожа Монтескью, держала за руку малютку, имѣвшаго тогда четыре года отъ роду. Густые бѣлые волосы, падавшіе локонами на плеча, осѣняли прекрасные голубые глаза его и миловидное лицо, коего бѣлизна увеличивалася отъ черной гусарской курточки, украшенной звѣздою почетнаго легіона и тремя небольшими орденами, учрежденными отцомъ его. Онъ любилъ посѣщенія военныхъ и со вниманіемъ осматривалъ мундиръ мой и шпагу. Воспитательница его сказывала мнѣ, что онъ часто твердилъ о Фонтенебло и Рамбулье, и всякой день спрашивалъ о своемъ папинькѣ. Его окружали исключительно Французы; Нѣмцовъ при немъ не было. Минутъ черезъ десять послѣ меня, вошло къ нему нѣсколько Англичанъ, которые начали дѣлать нескромные вопросы, и я удалился.

Воспоминаніе Лейпцигскаго сраженія праздновали 6-го Октября въ Трактирѣ

обѣдомъ, за которымъ находилося тридцать тысячь войскъ. Они сперва проходили церемоніальнымъ маршемъ, во время коего Государь, по приближеніи гренадерскаго своего имени полка, сталъ въ головѣ онаго, обнажилъ шпагу и отдалъ честь Императору Францу, что принято было Вѣнскими жителями съ большимъ удовольствіемъ, ибо никто сего неожидалъ. Цесаревичь Константинъ Павловичь въ продолженіи парада не отлучался отъ своего кирасирскаго полка, командовалъ онымъ на Нѣмецкомъ языкѣ и также салютовалъ Австрійскому Императору. По окончаніи угощенія народъ разсѣялся по Пратеру, которому нѣтъ подобнаго въ Европѣ. На этомъ прекрасномъ гуляньѣ каждой почти день гремитъ музыка, разъѣзжаютъ щегольскіе экипажи, молодые люди рисуются на статныхъ лошадяхъ, миловидныя дѣвушки подносятъ букеты изъ цвѣтовъ и безчисленное множество добродушныхъ Нѣмцовъ сидятъ за круглыми столиками, или ходятъ пѣшкомъ по темнымъ каштановымъ аллеямъ. Не взирая на великое число посѣтителей, бывающихъ въ Пратерѣ, особенно по четвергамъ и въ воскресные дни, не видно тамъ ни одного полицей-

скаго чиновника; тишина и спокойствіе никогда ненарушаются, кажется, что всякой знаетъ свое мѣсто. Эрцгерцоги и военные являются во фракахъ и безъ орденовъ, которыми вообще въ Австріи награждаютъ съ величайшею скупостію; жадность къ достиженію знаковъ отличія, составляющая истинную болѣзнь нашего вѣка, въ Австріи еще неизвѣстна.

На слѣдующій день Государь принялъ болѣе трехъ сотъ особъ къ обѣденному столу въ великолѣпномъ домѣ Графа Разумовскаго, поселившагося въ Вѣнѣ. Кромѣ двухъ Императоровъ съ Ихъ супругами, четырехъ Королей и тридцати особъ, принадлежащихъ къ владѣтельнымъ домамъ, находились тутъ только военные, участвовавшіе въ Лейпцигскомъ сраженіи. Столовая зала, перестроенная для сего праздника изъ манежа, была убрана знаменами всѣхъ союзныхъ державъ и освѣщена шестью стами лампами. На столахъ возвышались воинскіе доспѣхи, состоявшіе изъ пріхъцвѣтныхъ Французскихъ знаменъ, украшенныхъ орлами и круглыми щитами, съ означеніемъ сраженій, выигранныхъ въ послѣдніе походы. Такимъ образомъ каждый изъ присутствовавшихъ видѣлъ передъ собою дни

собственныхъ своихъ подвиговъ или славы своихъ единоземцовъ, а для военнаго воспоминаніе есть такое сокровище, котораго ни чѣмъ оцѣнить невозможно. Скромность непозволила начертать побѣдъ, одержанныхъ въ отечественную войну; но для Русскихъ всего утѣшительнѣе было, что ровно за два года, въ этотъ самый день, непріятели выгнаны изъ Москвы и занялась заря свободы нашего отечества. Государь за обѣдомъ преимущественно обращалъ рѣчь къ Эрцгерцогу Карлу и фельдмаршалу Князю Шварценбергу, котораго онъ два раза обнялъ, а Великая Княгиня Екатерина Павловна, выходя изъ за стола, подала ему руку, почему предводитель союзныхъ армій подъ Лейпцигомъ шелъ впереди многихъ Эрцгерцоговъ и Принцевъ.

ГЛАВА X.

Поѣздка въ Венгрію. — Взглядъ на оную. — Славяне. — Премъ. — Національный музеумъ. — Взглядъ на Офенъ и Пестъ. — Представленіе Венгерцовъ. — Разговоръ о Наполеонѣ. — Венгерскія женщины. — Гулянье на Маргаритиномъ острову. — Балъ у графа Шандора. — Отъѣздъ въ Пресбургъ. — Разговоръ о Венгріи. — Возраженіе. — Стихотворенія.

Какъ пріятны минуты, когда готовимся ѣхать въ такое Государство, въ которомъ мы еще не были! Мысль, видѣть новую землю, другихъ людей, слышать сужденія ихъ, распространить кругъ своихъ понятій, это занимаетъ воображеніе прелестными ожиданіями. Такъ радовался я при извѣстіи, что мнѣ предстоитъ поѣздка въ Венгрію, куда Государь отправлялся на пять дней вмѣстѣ съ Импера-

торомъ Австрійскимъ, Королемъ Прусскимъ, братомъ его Вильгельмомъ и Эрцгерцогомъ Палатиномъ.

12-го Октября вечеромъ мы поѣхали изъ Вѣны прямо въ Офенъ съ тѣмъ, что бы на возвратномъ пути посѣтить Прессбургъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня я находился уже въ предѣлахъ Венгріи, гдѣ увидѣлъ разбросанныя селенія, необработанныя поля, одѣтыхъ въ овчины бѣдныхъ, длинноволосыхъ крестьянъ, съ небритыми усами. Станціонные смотрители и чиновники, выходившіе къ намъ на встрѣчу, всѣ въ гусарскихъ плащахъ: это одежда дворянства и даже ученыхъ и профессоровъ. Дорога шла большею частію вдоль Дуная, накоторомъ не было ни одного судна; кое-гдѣ показывались рыбачьи лодки; берега покрыты пролѣскомъ, и стоявшія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надъ рѣкою уцессистыя скалы придавали еще болѣе дикости сей картинѣ. Все напоминало мнѣ въ этотъ день, что я уже не подъ небомъ щастливой Германіи, гдѣ мудрые законы ограждаютъ права лицъ и собственности и гдѣ нравственность, распространенная во всѣхъ сословіяхъ, способствуетъ съ своей сто-

роны успѣшному дѣйствію законовъ. Въ полночь мы пріѣхали въ Офенъ.

14-го Октября рано поутру, когда во дворцѣ еще все покоилось, я спустился съ горы, на которой стоитъ замокъ, гулялъ по Офену и ходилъ въ Пештъ, лежащій на противномъ берегу Дуная, который здѣсь также широкъ, какъ Нева въ Петербургѣ. Къ сторонѣ Вѣны видны горы, а внизъ по теченію рѣки, взоръ теряется въ необозримыхъ степяхъ. Въ скоромъ времени народъ меня окружилъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на Русскаго; особенно подходили ко мнѣ Сербы и Славяне; нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ говорили мнѣ: «мы пріѣхали въ Офенъ »издалека, чтобы увидѣть Монарха Сла»вянскаго поколѣнія. — »Все, что мы объ»немъ слышали, прервалъ одинъ изъ нихъ, »увѣряетъ насъ, что Онъ печать Царей.« Выраженіе поэтическое, показывающее чувства соплеменниковъ нашихъ и единовѣрцовъ, которые часто обращаются мысленно къ Россіи съ такими желаніями, какія исполняли Израильтянъ, во время плѣненія Вавилонскаго. Они разсказывали мнѣ о восхищеніи своемъ, когда узнали объ истребленіи непріятелей въ 1812 году. »Мы радовались,« говорили они, »что Бона-

»парте нашелъ преграду завоеваніямъ сво-
»имъ посреди Славянскаго племени.« Одинъ
ученый изъ сего народа, желавшій въ тотъ
день поднести Государю книгу своего сочи-
ненія, писалъ къ нимъ письмо, въ которомъ
между прочимъ сказано. »Я хотѣлъ вос-
»пользоваться симъ благопріятнымъ слу-
»чаемъ, чтобы повергнуть книгу мою къ
»стопамъ всѣми обожаемаго Монарха Сла-
»вянъ и доказать, что и мы Славяне, въ
»нашемъ уголкѣ земли, стараемся пре-
»быть Славянами, трудимся надъ нашимъ
»языкомъ, любимъ науки и взираемъ съ при-
»вязанностію и благоговѣніемъ на Рос-
»сію, какъ на великое отечество Славянъ.«
Политическое положеніе ихъ между про-
чимъ таково, что ежели кто изъ нихъ
отличится заслугами, то его жалуютъ
въ Австрійскіе или Венгерскіе дворяне,
ибо принято за правило, что Славян-
скихъ дворянъ существовать не можетъ.

Возвратясь во дворецъ я встрѣтилъ Іеромонаха, живущаго четыре года при могилѣ Великой Княгини Александры Павловны, погребенной въ мѣстечкѣ Премѣ, лежащемъ въ семи верстахъ отъ Офена, въ сторонѣ отъ большой дороги. Богомольцы собираются туда во множествѣ въ нѣкоторые праздники и благословляютъ

памятникъ усопшей, которая пріобрѣла общую любовь въ теченіи кратковременнаго своего пребыванія въ Венгріи. Монахъ сказывалъ мнѣ, что изъ Принцевъ Австрійскаго дома только одна Императрица Марія Луиза посѣтила при немъ уединенный Иремъ.

Въ десять часовъ утра дворъ отправился осматривать достойныя вниманія заведенія, находящіяся въ Офенѣ и Пештѣ. Примѣчательнѣе прочихъ національный Музеумъ, учрежденный для помѣщенія всѣхъ естественныхъ произведеній, добываемыхъ въ Венгріи. Въ ономъ находятся также древности ея, старинныя оружія, утвари, монеты, искусственные предметы, дѣлаемые туземцами, и сочиненія и карты, касающіяся до сего края. Графъ Сеченій, который въ 1802 году завѣщалъ Венгріи свою библіотеку, состоящую изъ отечественныхъ книгъ, почитается основателемъ сего заведенія. Примѣръ его нашелъ въ скоромъ времени подражателей и, по прошествіи трехъ лѣтъ, библіотека долго приумножилась, что надобно было перенести оную въ обширнѣйшій противъ прежняго домъ. При семъ случаѣ родилась щастливая мысль, присовокупить къ книгохрани-

ицу древности и всякаго рода предметы; предложеніе сеемъ было одобрено на Сеймѣ, и въ скоромъ времени денежными и другими пожертвованіями, между коими важнѣйшее есть ботаническій садъ, подаренный Княземъ Грассалковичемъ, Музеумъ сей доведенъ до степени, соотвѣтствующей цѣли его учрежденія. Въ немъ заключается десять тысячь книгъ, касающихся до Венгріи, 20.000 рукописей и большее количество монетъ. Сверхъ того денежный капиталъ, принадлежащій Музеуму, приносилъ 800 голландскихъ червонныхъ дохода. Жаль, что въ семъ прекрасномъ заведеніи нѣтъ портретовъ Венгерцовъ, отличившихся на службѣ, въ наукахъ и художествахъ, подобно какъ сіе сдѣлано въ Митавскомъ Музеумѣ.

Мы объѣхали почти весь Пештъ и Офенъ, коихъ наружность некрасива; зависимость, въ которой содержится земля сія, не позволяетъ развиться промышленности. Домы большею частію въ одно и два жилья, лавки и магазейны бѣдны, товары выставлены безъ разбора, широкія улицы наполнены старинными колясками, везомыми дурными лошадьми; не было ни одного экипажа, сдѣланнаго со вкусомъ. Жители стояли въ два ряда по

пѣмъ улицамъ, гдѣ мы проѣзжали, встрѣчая Монарховъ громкими, радостными восклицаніями; они совсѣмъ не похожи на Нѣмцовъ и имѣютъ болѣе подобія съ Малороссіянами, съ коими у нихъ одинаковые воинской видъ и гордая осанка.

Во дворцѣ ожидали Государя духовенство, военные, дворяне, чиновники и дамы. Императоръ явился тутъ въ первый разъ въ Лейбъ гусарскомъ мундирѣ, что чрезвычайно понравилось Венгерцамъ, какъ знакъ уваженія къ народному ихъ одѣянію. Между военными находился Графъ Радецкій, одинъ изъ отличныхъ Австрійскихъ Генераловъ, который былъ начальникомъ штаба арміи Князя Шварценберга въ послѣднихъ двухъ походахъ. Обнявъ меня, онъ сказалъ: »Я никогда не забуду »того времени, когда я служилъ съ Рус»скими.« Послѣ военныхъ представлялъ обоего пола дворянство, одно изъ блистательнѣйшихъ въ Европѣ, по древности фамилій, богатству и особенно по непоколебимой привязанности къ нравамъ и обычаямъ своего края. Въ поступи мущинъ видна твердость характера; женщины, прекрасныя собою, были одѣты въ черныхъ плащьяхъ, имѣя на головѣ діадимы и черное или бѣлое покрывало, на подо-

бiе того, которое извѣстно въ Италiи подъ именемъ mezzaro. Послѣ общей ауди-енцiи Государь принималъ въ Кабинетѣ Греческаго исповѣданiя Епископа Дiонисiя.

Въ два часа насъ пригласили къ обѣ-денному столу; я сидѣлъ подлѣ Генерала Коллера, который въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ со-провождалъ Наполеона изъ Фонтенебло до мѣста его изгнанiя, гдѣ онъ съ нимъ жилъ нѣсколько недѣль. Онъ мнѣ сооб-щилъ разныя подробности о семъ необык-новенномъ человѣкѣ; »Упрямство мое, »сказалъ ему Наполеонъ, возвело меня на »престолъ; я полагалъ, что мнѣ не слѣ-»довало измѣнять моимъ правиламъ; я »хотѣлъ вполнѣ сохранить славу мою, »хотя и зналъ, что непреклонность моя »могла стоить мнѣ престола, которымъ »я впрочемъ не дорожилъ. Я пошелъ на »Сенъ-Дизiе, продолжалъ онъ, потому »что мнѣ извѣстно было изъ двадцати-»лѣтнихъ опытовъ, что вы приходили »въ величайшее замѣшательство, лишь »только я отряжалъ нѣсколькихъ гусаръ »на ваши сообщенiя: этотъ же разъ я »сталъ на нихъ со всею армiею, но вы »обо мнѣ мало заботились.« Подлѣ Эльбы находится небольшой островъ, никому непринадлежащiй, который онъ себѣ

присвоилъ, и сказалъ при семъ случаѣ Коллеру: »Когда объ этомъ узнаютъ въ »Европѣ, то закричатъ, что Наполеонъ, »пожираемый страстію къ завоеваніямъ, »занялъ чужую область; постарайтесь »меня оправдать.« Онъ имѣлъ слабость увѣрять, что жители Эльбы привязаны къ нему за отеческое его управленіе; »если Франція не хотѣла имѣть меня »своимъ Государемъ,« говорилъ онъ, »то «я докажу здѣсь, что умѣю царствовать.«

Послѣ обѣда мы отправились на высокую гору, называемую Блоксбергъ, ошкуда видно большее пространство теченія Дунай. На горѣ находится обсерваторія, коей начальникъ, извѣстный Баварскій художникъ Рейхенбахъ, показывалъ намъ астрономическіе инструменты. Прекрасный видъ съ Блоксберга занималъ меня болѣе, нежели разговоры профессора; мнѣ казалось, что весь дворъ былъ моего мнѣнія. Мы не успѣли возвратиться въ замокъ, какъ насъ пригласили на придворный балъ, гдѣ особы обоего пола осыпали насъ привѣтствіями и вѣжливостями; балъ былъ единственный въ своемъ родѣ по множеству Венгерскихъ одѣяній присутствовавшихъ. Женщины превзошли мое ожиданіе оп-

личнымъ своимъ воспитаніемъ; онѣ совсѣмъ непохожи на Нѣмокъ, говорятъ чистымъ Французскимъ языкомъ, ловки, и умны; едва можно повѣрить, что онѣ достигнули такой степени образованія въ странѣ, почитающейся въ числѣ не самыхъ просвѣщенныхъ. Онѣ были въ восхищеніи отъ Государя, который всего болѣе танцовалъ съ молодою и прекрасною Графинею Орчи. Послѣ ужина мы ѣздили по городу, коего улицы были освѣщены разноцвѣтными огнями.

15-го Октября мы провели утро на ученьѣ одного коннаго полка, а послѣ большаго придворнаго обѣда насъ пригласили на islak называемый Маргаритинъ островъ, лежащій на Дунаѣ верстахъ въ трехъ отъ Офена, куда мы поѣхали во фракахъ, при рукоплесканіи народа. Послѣ продолжительной прогулки по Англійскому саду, разведенному на островѣ, мы намѣрены были возвратиться въ городъ, но намъ сказали, что начинается собираніе винограда. Въ эту минуту явилось царь пятьдесятъ молодыхъ мущинъ и дѣвушекъ, прекрасно одѣтыхъ въ платья народовъ населяющихъ Венгрію. Они разсѣялись между виноградныхъ лозъ, пѣли національныя пѣсни и срѣзывали ягоды,

которыя дѣвушки намъ подносили. Потомъ показывали какимъ образомъ приготовляютъ вино, а послѣ мы вошли въ домъ, устроенный нарочно для принятія Монарховъ, и увидѣли съ балкона возвращеніе мнимыхъ крестьянъ, собиравшихъ виноградъ. Начались народныя пляски, по заключеніи коихъ дѣвушки, почти всѣ прекрасныя собою и въ цвѣтѣ лѣтъ, принесли къ намъ на верхъ большую корзину винограда, украшенную гирляндою, и одна изъ нихъ привѣтствовала Государя. Вслѣдъ за симъ вышли изъ аллеи, находившейся противъ балкона, на которомъ мы стояли, двадцать паръ маленькихъ мальчиковъ и дѣвушекъ, одѣтыхъ по гусарски, которые, выступая съ важностію, открыли Венгерской шансъ и потомъ представляли балетъ. По окончаніи, собиратели винограда стали, взявшись за руки, по двумъ сторонамъ дороги, по которой намъ надлежало возвращаться и подавались впередъ по мѣрѣ нашего приближенія къ берегу, гдѣ назначенные для перевоза суда украшены были флагами союзныхъ державъ. Прелестная осенняя погода благопріятствовала сей прогулкѣ. Ни при одномъ дворѣ не умѣютъ такъ хорошо устрои-

вать разнаго рода увеселенія, какъ при Австрійскомъ; на примѣръ, на Маргаритиномъ островѣ находилось не болѣе пятнадцати особъ, въ семъ числѣ три могущественныхъ Монарха и два брата ихъ; не взирая на то, царствовала совершенная непринужденность, и вѣжливость Австрійскихъ придворныхъ простиралась до такой степени, что каждый изъ посѣтителей могъ думать, что для него нарочно приготовили сію прогулку.

Въ шесть часовъ мы поѣхали на балъ къ Графу Шандору, котораго домъ убранъ съ большимъ вкусомъ. Здѣсь находилось все дворянство, которое безпрестанно изъявляло желаніе, чтобы Государь изволилъ продлить свое пребываніе въ Венгріи. Мнѣ весьма хотѣлось, чтобы сіе желаніе ихъ исполнилось, потому что истинно дружеское ихъ обращеніе съ нами и неприпворное расположеніе къ Русскимъ болѣе и болѣе меня къ нимъ привязывали. Поздно вечеромъ гости отправились отъ Графа Шандора въ редутъ; тутъ, кромѣ дворянства, находились и прочія сословія жителей, между коими было много лицъ испорченныхъ оспою, доказывавшею слабые успѣхи прививанія оной,

не смотря на благоразумныя постановленія, изданныя по сему предмету Іосифомъ вторымъ.

16-го числа поутру мы выѣхали изъ Офена. Къ сожалѣнію я не могъ поклониться гробу Великой Княгини Александры Павловны, гдѣ Государь слушалъ обѣдню, ибо мнѣ приказано было, не останавливаясь, слѣдовать въ Пресбургъ, куда я пріѣхалъ въ полночь. Жители городовъ и деревень, черезъ которые шла дорога, полагая, что я какой нибудь знатный вельможа, выходили мнѣ на встрѣчу, зажигали ракеты, звонили въ колокола и привѣтствовали меня радостными криками; въ Пресбургѣ сдѣланъ мнѣ былъ такой-же пріемъ. На другой день рано я осматривалъ дворецъ, гдѣ мы остановились, и гдѣ обыкновенно собираются Государственные чины. Эрцгерцогъ Палатинъ, который какъ хозяинъ, всталъ ранѣе всѣхъ, водилъ меня самъ по огромнымъ заламъ, въ которыхъ нѣтъ ничего любопытнаго. Позолота, шпофные обои, мебель обитая бархатомъ, утомляютъ глаза; одно великолѣпіе, ежели не украшено произведеніями изящныхъ художествъ, не оставляетъ пріятныхъ

впечатлѣній въ душѣ. Государь пробылъ въ Пресбургѣ только нѣсколько часовъ, а потому я не имѣлъ возможности отлучиться изъ дворца и только на нѣсколько минутъ всходилъ на гору, гдѣ находится недавно сгорѣвшій Императорскій замокъ и откуда открывается прелестный видъ.

Краткость времени не позволила много бесѣдовать съ людьми, которыхъ знакомство я желалъ пріобрѣсть въ Венгріи; но нѣкоторые изъ нихъ, съ откровенностію, свойственною благороднымъ душамъ, предупредили мое любопытство разговоромъ о различныхъ предметахъ, касающихся до ихъ правленія. Я не имѣлъ на благосклонность ихъ другаго права, кромѣ имени Русскаго, а это имя, сколько я замѣтилъ, не чуждо сердцу Венгерцовъ.» Мы неизвѣстны въ Европѣ, »сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, потому »что представляютъ отечество наше »полудикимъ и непросвѣщеннымъ; увѣ»ряютъ, что упасъ нѣтъ ничего при»мѣчательнаго, что народъ и учрежденія »наши не заслуживаютъ вниманія; даже »дѣлаютъ затрудненія въ выдачѣ путе»шественникамъ паспортовъ на проѣздъ »въ Венгрію «

Съ другимъ Магнатомъ я говорилъ о правленіи Королевства; помѣщаю его слова вмѣстѣ съ возраженіемъ, сдѣланнымъ однимъ изъ присутствовавшихъ Австрійцевъ. « Мы наблюдаемъ строго »Конституцію, принятую отъ предковъ, »сказалъ первый изъ нихъ, и не позволя»емъ, чтобы въ оной сдѣлана была ма»лѣйшая перемѣна; мы недопускаемъ из»ключеній, ибо одно изъятіе повлечетъ »за собою другое, и когда мы лишимся »правъ нашихъ. Мы желаемъ, чтобы насъ »просили и не потерпимъ приказаній. »Іосифъ II, находя нужнымъ провесть »мостовую въ одномъ изъ нашихъ уѣздовъ, »писалъ къ чинамъ о выгодахъ, могущихъ »произойти отъ того для земледѣлія и »торговли, заключивъ письмо сими сло»вами: вы должны видѣть необходимость »устроенія такой дороги. Какъ! сказали »чины, мы должны? мы должны дѣлать »только то, что мы хотимъ, и не хотимъ »строить новой дороги, потому что »мы не должны оной дѣлать. Многіе изъ »вельможъ, хотя и видѣли пользу предла»гаемой Іосифомъ мостовой, но нерѣши»лись подать голоса своего въ пользу оной, »говоря: ежели мы покажемъ примѣръ, то »подумаютъ, что мы подкуплены! »

Генералъ К., одинъ изъ умнѣйшихъ Австрійскихъ военныхъ, услыша предметъ нашего разговора, опозвалъ меня, по окончаніи онаго, въ сторону и сказалъ мнѣ въ полголоса: « Правда, что Венгер»скіе чины на всѣ предложенія Вѣнскаго »двора отвѣчаютъ сначала: нѣтъ; но »къ концу соглашаются обыкновенно на»дѣлаемыя имъ требованія. Они смотрятъ »болѣе на букву, нежели на смыслъ своей »Конституціи. Напримѣръ, въ 1809 году, »они позволили вступить Австрійской »арміи въ Венгрію и обязались продоволь»ствовать оную. Въ слѣдствіе того пос»ланъ я былъ, чтобы условиться съ »чинами ихъ о госпиталяхъ, на что они »отвѣчали, что хотя они и приняли обя»занность на себя снабжать войска, но »о больныхъ не было упомянуто, и посему »лазареты до нихъ не касаются. Не труд»но было доказать имъ противорѣчіе. Въ »томъ же году уговорено было съ ними, »что они будутъ отводить квартиры »всѣмъ Австрійскимъ военнымъ чиновни»камъ въ продолженіи войны. Они испол»няли сіе до заключенія мира, но при »прекращеніи военныхъ дѣйствій, когда »арміи надлежало возвращаться, они от-

»казались отъ содержанія постоя, утвер-
»ждая, что срокъ договора ихъ прошелъ.«

Питомцы Венгерскихъ музъ, участвуя въ общей радости согражданъ своихъ, по случаю прибытія Государя, прославили оное разными сочиненіями въ Офенѣ и Пресбургѣ. Хотя похвалы стихотворцевъ признаются давно уже вымыслами лжи, и поэзія лишилась права на достоинство исторіи, каковое, увѣряютъ, будто бы она имѣла въ древности, однакоже творенія Венгерскихъ пѣвцовъ были истинными отголосками общаго мнѣнія Европы на счетъ Александра. Любопытно, что почти въ каждомъ изъ нихъ упоминается о сожженіи Москвы: сія жертва примиренія народовъ, поразившая величіемъ своимъ современниковъ, конечно возбудитъ не меньшее удивленіе въ потомствѣ.

Вечеромъ того же дня мы возвратились въ Вѣну.

ГЛАВА XI.

Увеселенія. — Катанье въ саняхъ. — Карусель. — Театръ. — Императоръ Францъ. — Кабинетъ Его. — Императрица Австрійская. — Угощеніе Вѣнскаго двора. — Обѣды у Государя. — Камеръ-балы. — Лагарпъ.

Всякой почти день въ продолженіе Конгреса бывали при дворѣ, у пословъ, Австрійскихъ вельможъ и въ публичныхъ мѣстахъ балы и вечернія собранія, гдѣ царствовало такое веселіе, какъ будто бы давно не вели войны, хотя раны, нанесенныя ею, были еще повсюду свѣжи. Многіе порицали сію, какъ они говорили, несвоевременную разсѣянность, утверждая, что она препятствовала заниматься дѣлами съ надлежащимъ вниманіемъ. »Каково идетъ Конгресъ,« спросилъ нѣкто у Принца де Линь? — »Онъ не йдетъ,« отвѣчалъ Принцъ, »а пляшетъ.« — Это

были слова, болѣе острыя, чѣмъ справедливыя, ежели разсмотримъ настоящее положеніе обстоятельствъ. Неслыханныя въ Исторіи волненія потрясали Европу въ теченіи двадцати пяти лѣтъ; начала, освѣщенныя вѣками, на которыхъ опочивала незыблемость престоловъ и взаимныя отношенія державъ, были ниспровергнуты: прошло не болѣе полугода, какъ миновалися бури, грозившія все поглотить, и чѣмъ опасность была сильнѣе, тѣмъ радость избавленія сдѣлалась ощутительнѣе, и тѣмъ охотнѣе предавалися соединенные на Конгресѣ лица, разнаго рода удовольствіямъ.

Вѣнской дворъ былъ неистощимъ въ изобрѣтеніи увеселеній и праздниковъ. Балы, по многочисленности своей, становилися уже слишкомъ единообразны, почему принуждены были прибѣгнуть къ другаго рода забавамъ. Лишь только выпалъ снѣгъ, то начали приготовлять катанье въ великолѣпныхъ саняхъ, блестѣвшихъ позолотою и сдѣланныхъ на подобіе колесницъ; но къ несчастію снѣгъ скоро сошелъ, и принуждены были отрядить множество людей, которые собирали оный по полямъ въ корзинахъ и усыпали имъ дорогу, по коей надлежало ѣхать. Впере-

ди находился Оберъ-Шталмейстеръ, за нимъ Императоръ Францъ съ Императрицею Елисаветою Алексѣевною, потомъ Государь съ Княгинею Габріеллою Ауерсбергъ, послѣ Король Прусскій съ Великою Княгинею Маріею Павловною, и такъ далѣе. Всѣхъ саней было до пятидесяти, въ коихъ сидѣли почти исключительно владѣтельные Князья.

Послѣ сего гулянья былъ данъ каруселъ въ огромнѣйшемъ и самомъ красивомъ, изъ Европейскихъ, манежѣ. Сражающіеся рыцари, въ картинной одеждѣ среднихъ вѣковъ, съ шлемами, осѣняемыми перьями, принадлежали къ фамиліямъ, коихъ древность терялась во мракѣ вѣковъ; конскіе уборы соотвѣтствовали одѣянію всадниковъ. Въ особенной ложѣ сидѣли, по-старинному обычаю, дамы мыслей и сердецъ рыцарей; имъ надлежало раздавать награды побѣдителямъ и онѣ были, такъ сказать, облиты драгоцѣнными каменьями въ такомъ множествѣ, каковаго я ни при одномъ дворѣ не видалъ. Зрители сего каруселя состояли почти изъ всѣхъ знаменитѣйшихъ нашихъ современниковъ.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ устроили при дворѣ театръ, на которомъ представляли

живыя картины, напримѣръ Олимпъ, Даріево семейство Лебрюна и другія, и играли Французскія комедіи; актерами были придворные. Изъ разныхъ драматическихъ сочиненій имѣли наиболѣе успѣха »пѣсни трубадуровъ 1148 года.« Князь Антоній Радзивилъ въ ролѣ престарѣлаго Блонделя, съ гитарою въ рукахъ, открылъ первое дѣйствіе пѣснею, въ которой превозносилъ красоту, любовь и славу; онъ не сходилъ со сцены, и, по мѣрѣ появленія прочихъ дѣйствовавшихъ лицъ, именовалъ каждое изъ оныхъ въ куплетахъ, приваровленныхъ къ ролямъ ихъ. Актеры обоего пола пѣли относящіеся до крестовыхъ походовъ романсы, которые потомъ Графъ Вернегъ собралъ вмѣстѣ съ нотами въ особой книгѣ и поднесъ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Красавицы имѣли возможность, въ семъ представленіи, блеснуть своими прелестями и щегольскими нарядами, въ старинномъ вкусѣ, и обнаружить дарованія свои въ музыкѣ; но болѣе чѣмъ онѣ, торжествовалъ тутъ Французскій языкъ. Хотя главныя занятія Конгреса состояли въ томъ, чтобы уравновѣсить силы державъ, потрясенныя революціею, хотя оный созидалъ зданіе свое на развалинахъ Французской Имперіи, одна-

ко же не токмо всѣ сношенія его. но даже увеселенія, были на языкѣ, который писатели вѣка Лудовика XIV сдѣлали всемірнымъ.

Любопытно было видѣть на сихъ празднествахъ соревнованіе людей, долгое время слѣдовавшихъ различнымъ политическимъ системамъ и служившихъ противнымъ сторонамъ и, которые на Конгресѣ должны были въ дѣлахъ стараться согласовать свои мнѣнія, а по вечерамъ предавалися одинаковаго рода удовольствіямъ. Всѣ особы владѣтельныхъ домовъ посѣщали собранія, бывавшія у Пословъ и у другихъ именитыхъ частныхъ людей, кромѣ Австрійскаго Императора, который не бывалъ ни какихъ другихъ балахъ, исключая придворныхъ. Онъ вслъ себя, какъ старшій братъ царственной Европейской семьи и не измѣнялъ обыкновенному своему образу жизни; вставалъ въ семь часовъ, обѣдалъ въ два, вечеромъ занимался музыкою. Когда онъ обѣдывалъ у Государя, что случалось весьма рѣдко, то для него готовили особенныя блюда, къ которымъ онъ привыкъ. Всякой день можно было его встрѣчать въ окрестностяхъ Вѣны пѣшкомъ или въ колескѣ, одного или съ

своею супругою, одѣтаго во фракѣ или коричневомъ сертукѣ; онъ каждому изъ своихъ подданныхъ давалъ ауедіенціи и говорилъ съ ними привѣтливо. Развѣ когда Министры его дѣлали на Конгрессѣ какія либо особенныя требованія, или объявляли свое несогласіе на предложенія другихъ державъ, но только на сіе время онъ сказывался больнымъ и по нѣскольку дней не выходилъ изъ комнаты. Братья его и родственники подражали скромной его жизни.

Въ одно утро пришелъ ко мнѣ единственный его Генералъ-Адьютантъ Графъ Кучера и сказалъ, что Его Величество зоветъ меня къ себѣ. Я послѣдовалъ за нимъ и черезъ нѣсколько минутъ меня пригласили въ кабинетъ Императора Франца, который просилъ меня посмотрѣть, такъ ли онъ надѣлъ въ первый разъ Русскій мундиръ Кексгольмскаго гренадерскаго полка, косго за нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ былъ именованъ шефомъ, и соблюдены ли имъ всѣ строгія требованія военнаго наряда. Кабинетъ его не великъ, мебели въ ономъ простыя и древнія, камердинеры его пожилые люди и обходятся съ нимъ вольно. Вообще при Вѣнскомъ дворѣ видно,

что находишься у старинныхъ царей, которые изъ уваженія къ предкамъ не дѣлаютъ ни какихъ перемѣнъ въ существующемъ порядкѣ. Возвращаясь, я смѣялся въ душѣ, какъ судьба играетъ людьми; на то ли, подумалъ я, посвящена моей молодость наукамъ, чтобъ быть призвану на совѣщаніе — о туалетѣ!

Тогдашняя супруга Императора была самая обходительная особа изо всей царствующей Австрійской фамиліи, которую Государь особенно отличалъ. Когда Его Величество принялъ на себя званіе Шефа Гиллерова полка, то оному были выданы новыя знамена, и Государь въ Австрійскомъ мундирѣ, пошелъ со всѣми офицерами полка къ Императрицѣ и просилъ Ее, чтобъ Она прикрѣпила знамена къ древкамъ. Она отвѣчала громкимъ и твердымъ голосомъ, обратясь къ офицерамъ, сколь для нихъ велика честь, что Самодержецъ Всероссійскій удостоилъ полкъ быть шефомъ онаго и, что сіе обстоятельство должно еще болѣе утвердить дружбу, существующую между обѣими державами. Привязавъ знамена, Она вновь сказала прекрасное привѣтствіе.

Угощеніе, дѣланное Австрійскимъ дворомъ Монархамъ и даже чиновникамъ, находившимся при нихъ, должно было стоить значительныхъ издержекъ, ибо не щадили ничего, чтобы пребываніе въ Вѣнѣ было каждому пріятно. Такимъ образомъ являлся ко мнѣ ежедневно по утру придворный служитель за приказаніями на счетъ стола и на сколько приборовъ оный накрывать; а потомъ приходилъ берейторъ, спрашивать какой экипажъ мнѣ нужно приготовить и сколько верховыхъ лошадей, въ случаѣ ежели я вздумаю прогуливаться съ пріяшелями. Неизмѣнной и постоянной вѣжливости всѣхъ чиновъ двора, начиная съ самыхъ почтенныхъ особъ, каковы были Князь Траутмансдорфъ и Графъ Врбна, описать невозможно.

У Государя бывали не рѣдко для особъ царствующихъ домовъ обѣденные столы, на которые приглашали только трехъ изъ подданныхъ, а именно Фельдмаршаловъ: Герцога Веллингтона и Князей Шварценберга и Врде. Даже полномочные Послы и наши полные Генералы, въ числѣ коихъ находился почтенный Дохтуровъ, были изключены изъ сего об-

шествія, состоявшаго обыкновенно изъ слѣдующихъ лицъ:

1. Государь.
2. Государыня.
3. Австрійскій Императоръ.
4. Супруга его.
5. Прусскій Король.
6. Датскій Король.
7. Виртембергскій Король.
8. Баварскій Король.
9. Великая Княгиня Марія Павловна.
10. » » Екатерина Павловна.
11. Наслѣдный Австрійскій Принцъ.
12. Эрцгерцогъ Карлъ.
13. » Палатинъ.
14. » Антонъ.
15. » Ренье.
16. » Лудвигъ.
17. » Рудольфъ.
18. » Іоаннъ.
19. » Фердинандъ.
20. Неаполитанскій Принцъ Леопольдъ.
21. Эрцгерцогиня Леопольдина.
22. » Клементина.
23. » Беатрикъ.
24. Герцогъ Альбертъ Сакенъ Тешенскій.
25. Принцъ Прусскій Вильгельмъ.

26. Принцъ Прусскій Августъ.
27. Курфюрстъ Гессенъ-Кассельскій.
28. Принцъ Гольштейнъ-Бекскій.
29 Баварскій Наслѣдный Принцъ.
30. » Принцъ Карлъ.
31. Вирпембергскій Наслѣдный Принцъ
32. » Принцъ Фердинандъ.
33. Великій Герцогъ Баденскій.
34. Герцогъ Веймарскій.
35. Дармштатскій Наслѣдный Принцъ.
36. Герцогъ Кобургскій.
37. Принцесса Турнъ и Таксисъ.
38. Наслѣдный Принцъ Мекленбургъ-Стрелицкій.
39. Кобургскій Принцъ Леопольдъ.
40. » » Фердинандъ.
41. Бывшій Вице-Король Италійскій Евгеній.
42. Гессенъ-Гомбургскій Наслѣдный Принцъ.
43. » » Филиппъ.
44. » » Лудвигъ.
45. Нассаускій Герцогъ.
46. » Наслѣдный Принцъ.
47. Принцъ Гессенъ-Филипсшальскій.

Три Фельдмаршала.

Когда бывали у Государя большіе обѣды, по каждому изъ Флигель-Адьютан-

товъ, находившихся при Его Величествѣ, назначалося приглашать на оный двухъ или трехъ особъ; мнѣ досталось однажды ѣхать съ подобнымъ порученіемъ къ бывшему Вице-Королю Италійскому Евгенію и одному Нѣмецкому Принцу. Коль скоро доложили обомнѣ у перваго изъ нихъ, онъ вышелъ на встрѣчу за нѣсколько комнатъ, просилъ къ себѣ въ гостиную, благодарилъ за сдѣланную ему честь и сказалъ: »повергните меня къ стопамъ Его Величества.« Видя униженное его положеніе, я живо представилъ въ эту минуту превратность его судьбы и, погруженный въ сихъ размышленіяхъ, пріѣхалъ къ другому Принцу, который принялъ меня почти съ такими обрядами, какъ встрѣчаютъ Пословъ восточныхъ Государствъ. Когда его извѣстили о моемъ пріѣздѣ, то вдругъ отперли обѣ половины дверей многихъ горницъ, у каждыхъ находились лакеи, пажи и камергеры въ золотѣ, и я увидѣлъ Принца въ пятой комнатѣ, гдѣ онъ меня ожидалъ, стоя неподвижно и, не дѣлая ни шагу ко мнѣ впередъ.

Самыя примѣчательныя собранія, продолжавшіяся почти всю зиму при

дворѣ, были такъ называемые Камеръ-балы, на которые приглашали только Монарховъ, Владѣтельныхъ Князей и чиновниковъ, непосредственно принадлежавшихъ къ особамъ ихъ. Невозможно было смотрѣть безъ особеннаго любопытства на соединенныхъ въ одной комнатѣ повелителей почти всѣхъ народовъ Европы, которые на время, казалось, забыли распри, ихъ долгое время раздѣлявшія. Прежде не было въ обыкновеніи, чтобы они между собою видались, но въ Вѣнѣ совершилося противное тому, что доселѣ существовало. Монархи прибыли туда съ супругами своими, а иные и съ семействами, и между ними видно было въ вечернихъ собраніяхъ такое согласіе и единодушіе, какова го ожидать можно было отъ особъ, соединенныхъ узами родства и, которое для блага подданныхъ ихъ не должно бы было никогда прекращаться. Здѣсь-то надлежало быть свидѣтелемъ благоговѣнія, вселяемаго Государемъ въ нихъ и ихъ приближенныхъ и, какъ Онъ, нисходя, такъ сказать, съ высоты могущества, на которую былъ поставленъ судьбою, заставлялъ непринужденнымъ и снисходительнымъ обращеніемъ своимъ забывать разстояніе, находившееся ме-

жду Нимъ и современниками Его; сіи послѣдніе не постигали, какъ можно быть сіполь очаровательну тому, котораго необыкновеннымъ свойствамъ вселенная платила достойную дань удивленія.

Въ сихъ собраніяхъ я встрѣчалъ между прочимъ одного человѣка, который не будучи ни посломъ, ни вельможею, ни полководцемъ, привлекалъ однако же на себя общее вниманіе и пользовался примѣрнымъ уваженіемъ коронованныхъ главъ. Я говорю о Лагарпѣ, который былъ сіполь простъ въ обхожденіи своемъ, какъ будто бы онъ не выходилъ изъ чреды обыкновенныхъ людей и непринадлежалъ исторіи. Во дворцѣ, гдѣ всѣ являлися въ возможномъ блескѣ, и гдѣ такъ многіе не щадили средствъ, чтобы привлечь на себя взоры, Лагарпъ становился обыкновенно поодаль другихъ и обращался одинаковымъ образомъ съ подданными и съ повелителями народовъ, наблюдая притомъ разстояніе, которое, по принятымъ правиламъ или, ежели угодно, по существующимъ предразсудкамъ, порода положила между нимъ и великими сея земли. Онъ почти каждую недѣлю обѣдалъ вдвоемъ съ Государемъ; всякой этикетъ былъ изгнанъ изъ сихъ пріятельскихъ

обѣдовъ, на которые Лагарпъ приходилъ во фракѣ и сапогахъ; онъ писывалъ къ питомцу своему записки, не рѣдко на маленькихъ лоскуткахъ бумаги, и немогъ говорить о Немъ безъ восхищенія. »Ни для »одного смертнаго, сказалъ онъ мнѣ одна»жды, природа не была столь щедра, какъ »для Александра. Я находился при Немъ, »продолжалъ онъ, съ седьмаго года Его »возраста и оставилъ Его спустя годъ »послѣ Его бракосочетанія, въ теченіи »котораго я преподавалъ Ему еще уроки »вмѣстѣ съ Императрицею Елисаветою »Алексѣевною. Съ самаго младенчества я »замѣтилъ, что понятія Его были »очень ясны и точны. Я старался все»лить въ Него мысль, что Онъ истин»ныхъ друзей имѣть неможетъ. И такъ »вы полагаете, господинъ Лагарпъ, ска»зала мнѣ Императрица Екатерина, зас»тавшая меня въ преподаваніи сихъ пра»вилъ Великому Князю, что мы лишены »пріятностей и наслажденій дружбы?— »Не смѣю утверждать, отвѣчалъ я, »чтобы многіе изъ Монарховъ не были »достойны имѣть друзей, но положеніе »Ваше таково, что всѣ, которые къ Вамъ »близки, имѣютъ слишкомъ великую не»обходимость въ Васъ, по чему говорятъ

»Вамъ большею частію то, чего не чув-
«ствуютъ. Сими правилами, продолжалъ
»Лагарпъ, довелъ я Государя до того,
»что Онъ полагается на себя, а не на
»окружающихъ Его, и хотя въ сердцѣ
»Его есть наклонность къ дружбѣ, од-
»наконе Онъ неувлекается ею.«

ГЛАВА XII.

Предположенный отъѣздъ. — Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы. — Догадки о семъ происшествіи. — Впечатлѣніе, произведенное онымъ въ Вѣнѣ. — Первое военное совѣщаніе. — Манифестъ Конгреса. — Военный совѣтъ. — Образованіе трехъ армій. — Россійскія войска. — Комиссія о продовольствіи. — Заключеніе.

При открытіи Конгреса думали, что дѣла въ оном рѣшатся мѣсяца въ три; потомъ, откладывая день за день, назначили окончаніе онаго въ исходѣ Февраля мѣсяца. Государь на возвратномъ пути въ Россію, намѣревался посѣтить нѣкоторые Германскіе дворы, сосдиненные съ Нимъ узами родства и быть въ Варшавѣ; почему и изготовили дворецъ въ семъ городѣ для пребыванія Его Величества, но предположенія сіи не состоя-

лися, ибо внезапно, 24-го Февраля вечеромъ, разнесся слухъ, что Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы. Съ самой минуты полученія сего извѣстія, оно сдѣлалось единственнымъ предметомъ совѣщаній Государственныхъ людей и разговоровъ Вѣнскихъ жителей: на гуляньяхъ, въ собраніяхъ и частныхъ домахъ, только и слышны были толки о семъ происшествіи. Всѣ спрашивали, встрѣчая другъ друга, подтверждается ли оно и нѣтъ ли какихъ либо дальнѣйшихъ объ ономъ подробностей; вѣсть сія произвела, можно сказать, нѣкоторое оцѣпененіе въ умахъ въ Вѣнѣ, гдѣ, въ теченіи шести мѣсяцовъ, жили посреди безпрестанныхъ веселостей. Баварскій Король, нѣкогда тѣсный союзникъ повелителя Франціи, на нѣсколько дней потерялъ аппетитъ и ходилъ какъ не свой.

Два дня прошли въ догадкахъ о томъ, гдѣ Наполеонъ выйдетъ на берегъ; одни полагали, что онъ отправится въ Америку, другіе, что онъ пристанетъ въ Неаполѣ; но большая часть, основываясь на неудовольствіяхъ, произведенныхъ слабымъ правленіемъ Бурбоновъ, думали, что онъ высадитъ войска свои во Франціи. Любопытство было неограниченно;

бумажныя деньги и государственныя облигаціи, сей баромстръ общественнаго мнѣнія въ Европѣ, повсюду измѣнялись въ своемъ достоинствѣ; Австрійскія ассигаціи по нѣскольку разъ въ день перемѣняли свою цѣну; Голландскій червонецъ въ двѣ недѣли возвысился отъ одиннадцати гульденовъ до двадцати одного. Наконецъ 26-го Февраля узнали, что Наполеонъ присталъ въ Антибѣ, и общее вниманіе обратилось на Парижъ, гдѣ, къ сожалѣнію, не было тогда Русскаго Посланника. Съ сей минуты всѣ почитали войну неизбѣжною, чтобы неподвергнуть вновь порабощенію Европу и предварить опасности, подобныя тѣмъ, которыя съ начала революціи нарушали всемірное спокойствіе. Къ щастію, арміи еще не были распущены и положено начать, не теряя времени, приготовленія къ войнѣ, въ успѣхѣ которой однако же нѣкоторые сомнѣвались, потому что узы, соединявшія до того времени державы, отчасти ослабли на Конгресѣ, гдѣ не всякой видѣлъ требованія свои и желанія удовлетворенными. Нѣтъ сомнѣнія, что лазутчики Наполеона, находившіеся въ Вѣнѣ, увеличили въ своихъ донесеніяхъ неудовольствія, возник-

шія отъ сего разногласія и, что онъ, довѣряя ихъ ложнымъ показаніямъ, надѣялся найти себѣ союзниковъ на твердой землѣ. Однакоже расчетъ его оказался ошибочнымъ, потому что именно появленіе его, предвозвѣщавшее новыя напасти, заставило дворы забыть возродившіяся между ними распри и укрѣпило ихъ дружество.

Здѣсь представляется вопросъ, почему не приняты были мѣры для воспрепятствованія плѣнному бѣжать съ острова Эльбы? Рѣшеніе онаго находится въ исторіи всѣхъ заговоровъ, увѣнчанныхъ успѣхомъ. Съ одной стороны хитрость сообщниковъ и непроницаемая тайна, ими соблюдаемая, а съ другой увѣренность въ невозможности удачи. На Конгресѣ многіе опасались близости мѣстопребыванія Наполеона и предпріимчивости его. Генералъ Коллеръ, жившій съ нимъ на островѣ Эльбѣ, за четыре мѣсяца сказывалъ мнѣ, »что Наполеонъ воспользуется первымъ »удобнымъ случаемъ къ побѣгу; но надоб»но,« присовокупилъ онъ, »чтобы ему »представился обширный кругъ дѣй»ствій.« Передъ новымъ годомъ пріѣзжалъ въ Вѣну бывшій тайный Наполеона секретарь, которому приписываютъ сочи-

пеніе извѣстной книги »о приращеніи мо»гущества Россіи,« Ле Лоріъ-Дидевиль, съ предложеніями, коихъ нелѣпость была очевидна, но которыя однакоже рождали подозрѣніе о существованіи какихъ то тайныхъ замысловъ. Французскій Генералъ Марсіаль, которому поручено было вести плѣнныхъ изъ Россіи во Францію, сказывалъ въ Вѣнѣ, что они, перейдя границу нашу, подняли знамя, на коемъ были изображены сіи слова: »мы съ нимъ »увидимся.« Теперь уже дознано, сколь много писемъ Бурбоны получали о намѣреніяхъ врага своего; но они пренебрегли оными, какъ Юлій Кесарь совѣтами друзей своихъ, увѣщавшихъ его, не являться въ Сенатъ въ тотъ день, который, по ихъ догадкамъ, назначенъ былъ для умерщвленія его. Обвинять тѣхъ и другаго въ оплошности, значило бы усумниться, что провидѣніе по временамъ ниспосылаетъ кары, которыхъ никакая человѣческая предусмотрительность отвратить не въ состояніи.

На другой день, послѣ полученія извѣстія о прибытіи Наполеона во Францію, собранъ былъ военный совѣтъ, на которомъ присутствовали по одному Генералу съ Русской, Австрійской и Прус-

ской стороны. Они основывали разсужденія свои на трехъ слѣдующихъ предположеніяхъ: *первое*, или Наполеонъ вовсе не имѣетъ сообщниковъ во Франціи, почему онъ не будетъ въ состояніи собрать арміи и погибнетъ, что и находили вѣроятнымъ, судя по отказу Коменданта города Антибъ перейти на его сторону. *Второе*, или онъ увѣренъ, что найдетъ значительное число преданныхъ себѣ людей, съ которыми покоритъ роялистовъ; наконецъ *третіе*, что при появленіи его вспыхнетъ всеобщій бунтъ, особенно въ Парижѣ, и Король, лишась войскъ, небудетъ въ состояніи противопоставить ему никакого сопротивленія.

Каждое изъ сихъ предположеній должно было имѣть особенныя послѣдствія; почему разсудили не спѣшить соединеніемъ арміи у границъ Франціи, но велѣли только находиться оными въ готовности, а именно: Россійскимъ войскамъ между Кракова и Калиша, Австрійскимъ на Рейнѣ, Англинскимъ и Голландскимъ между Намуромъ и Монсомъ, а Прусскимъ у Магдебурга, за изключеніемъ корпуса Генерала Клейста, которому приказано расположиться между Майнцемъ и Люксембургомъ. Сверхъ того опредѣлили, ежели бы Ко-

роль Французскій имѣлъ достаточную армію, чтобы идти на общаго непріятеля, но въ такомъ случаѣ Генералу Клейсту соединиться съ Англо-Баварскою арміею и Австрійцами, находившимися уже въ окрестностяхъ Майнца и направить ихъ на Парижъ; за ними вслѣдъ отрядить главныя силы Австрійцевъ, сосредоточивающіяся у Майнца, а городъ сей почитать главнымъ мѣстомъ вооруженія для всѣхъ армій. Въ заключеніе согласились не позволять Швейцаріи оставаться неутральною.

Не прошло пяти дней послѣ сего засѣданія, какъ извѣстились объ успѣхахъ Наполеона, дѣйствовавшаго съ чрезвычайною быстротою. Въ Вѣнѣ узнали почти въ одно и тоже время о движеніи его къ Греноблю, измѣнѣ Лабедоера, занятіи Ліона и отчаяніи Бурбоновъ, отъ которыхъ отлагались разные корпуса войскъ одинъ за другимъ. Тогда же Неаполитанскій Король напалъ на Австрійцевъ, безъ предварительнаго объявленія войны и открытію покушеніе увезти Римскаго Короля изъ Шенбрунскаго дворца. Сіи два обстоятельства удостовѣрили еще болѣе въ обширности замысловъ Наполеона и, что сообщники

его находились не въ одной Франціи. Въ слѣдствіе сего уполномоченные на Конгресѣ обнародовали манифестъ, которымъ объявляли: »что Наполеонъ нарушилъ за»ключенные съ ними договоры, что вла»дычество его несовмѣстно съ спокой»ствіемъ Европы и, что всѣ державы »обязуются его низложить.« Немедленно отправлены были въ пограничныя мѣста курьеры съ предписаніемъ не впускать въ предѣлы Австріи чиновниковъ, посланныхъ Наполеономъ къ первенствующимъ дворамъ съ различными предложеніями.

Чтобы привести въ исполненіе угрозы, изложенныя въ семъ манифестѣ, опредѣлили количество войскъ, которое каждое Государство должно было выставить, и назначили сборныя мѣста для оныхъ. Засѣданіе, бывшее по сему случаю въ домѣ Герцога Веллингтона, достойно примѣчанія, какъ по единодушію мнѣній членовъ, такъ и рѣшительнымъ мѣрамъ, въ оном принятымъ. Изъ восьми лицъ, присутствовавшихъ въ семъ совѣтѣ, было три Фельдмаршала: Веллингтонъ, Шварценбергъ и Вреде, а изъ коронованныхъ главъ только — одинъ Александръ, который въ начинавшейся войнѣ вновь являлся въ видѣ Агамемнона.

Опредѣлено было выставить три арміи; первую, названную арміею верхняго Рейна, подъ начальствомъ Князя Шварценберга и составленную изъ Австрійцевъ, Баварцевъ, Баденцовъ, Виртембергцевъ и Дармштадцевъ, коимъ надлежало расположиться между Франкфуртомъ и Базелемъ; вторую, нижняго Рейна, изъ ста пятидесяти трехъ тысячь Прусаковъ, подъ начальствомъ Князя Блюхера, и третію, Нидерландскую, предводимую Герцогомъ Веллингтономъ, изъ Англичанъ, Ганноверцовъ и Голландцевъ. Войска прочихъ владѣтелей Германіи имѣли быть распредѣлены въ арміи Фельдмаршаловъ Блюхера и Веллингтона; сверхъ того двадцати тысячному корпусу надлежало занять крѣпость Майнцъ.

Россійская армія долженствовала составлять главный резервъ вооруженныхъ силъ Европы; на сей конецъ Фельдмаршалъ Барклай де Толли выступилъ изъ Царства Польскаго къ Рейну въ трехъ колоннахъ, въ коихъ находилось, со включеніемъ парковъ и всѣхъ лицъ къ военному управленію и обозу принадлежащихъ, двѣсти двадцать пять тысячь семдесятъ пять человѣкъ. Въ тоже время подъ начальствомъ Генерала Миллера-За-

комельскаго образовалась резервная армія изъ третьихъ баталіоновъ и седьмыхъ эскадроновъ полковъ, назначенныхъ дѣйствовать противъ Франціи, а для подкрѣпленія ея и содержанія въ спокойствіи прилежащихъ къ Бугу и Нѣману Губерній, въ которыхъ начали обнаруживаться непріязненныя волненія, корпусъ Князя Горчакова отряженъ былъ изъ южной арміи къ Бресту Литовскому. Кромѣ сего огромнаго ополченія Россіянъ, двинувшагося на защиту Европы, оставалось еще внутри Имперіи болѣе трехъ сотъ тысячь войскъ. Не столько многочисленность арміи нашей, бывшей въ сіе время вдвое сильнѣе нежели при началѣ отечественной войны, сколько устройство ея, предметъ постоянныхъ, ежедневныхъ заботъ Государя, возбуждало удивленіе иностранцевъ. Въ рядахъ ея находились полководцы, одержавшіе блистательныя побѣды, и частные Генералы, коихъ имена, издавна любезныя Россіи, числились не въ однихъ спискахъ, сохраняемыхъ въ дежурствахъ, но занимали уже почетныя мѣста въ военныхъ лѣтописяхъ.

Потомъ приступили къ разсужденію о продовольствіи войскъ во время слѣ-

дованія ихъ къ Рейну; для сего учреждена была комиссія, въ которой находились Русскіе, Австрійскіе, Англинскіе и Прусскіе чиновники. Дѣйствія ея замедлялись отъ непомѣрныхъ цѣнъ, которыя требовали съ насъ различныя Нѣмецкія правительства. Зная благородный образъ мыслей Государя, они торговались какъ купцы, и на каждомъ шагу поставляли запрудненія. Одни говорили о совершенной невозможности продовольствовать Русскихъ, а другіе утверждали, что собственныя ихъ войска будутъ скоро претерпѣвать голодъ. Немного осталось Германскихъ владѣтелей, не прибѣгавшихъ съ просьбами о избавленіи земель ихъ отъ прохода Русскихъ войскъ; хотя въ позже время они и убѣждали Государя не оставлять ихъ безъ защиты противъ общаго врага. Саксонцы присылали нарочную для сего депутацію, настаивая въ особенности, чтобы наши, во время движенія своего къ Франціи, не касались нѣкоторыхъ городовъ, какъ напримѣръ Лейпцига. По заключенному условію чрезъ Виртембергію должны были проходить одни Австрійцы, но два небольшіе наши отряда какимъ-то образомъ направились чрезъ нѣкоторыя по-

граничныя деревни сего Королевства, и потчасъ прибылъ въ Вѣну нарочный Генералъ изъ Штутгарда объявить рѣшительно объ отказѣ своего правительства продовольствовать Русскихъ. Баварцы дѣлали всѣхъ болѣе затрудненій; одинъ изъ Министровъ ихъ писалъ: »Въ »послѣднія войны пожертвованія Баваріи »были такъ для нее обременительны, »что не установивъ точныхъ условій »на счетъ возврата денегъ за поставку »продовольствія, нѣтъ возможности тре»бовать отъ нее какого либо пособія »при проходѣ Русскихъ войскъ.« Незначило ли сіе въ переводѣ: Русскіе, вы насъ спасите, и сверхъ того за наше избавленіе заплатите намъ деньги.

Приготовленія къ войнѣ замедлили окончаніе Конгреса, на которомъ Александръ довершилъ начатое Петромъ и Екатериною, упрочивъ вліяніе Россіи на прочія державы. Возстановя, съ нѣкоторыми измѣненіями противу прежняго, политическое равновѣсіе, сіе необходимое условіе просвѣщенія и благосостоянія народовъ, Ему надобно было для защиты онаго прогнавъ Франціи вновь обнажить мечь. Россіи, оградившей навсегда Европу съ Востока отъ нашествія

вія варваровъ и Турокъ и, оказавшей тѣмъ величайшую услугу человѣчеству, предстоялъ трудъ въ другой разъ избавить ее со стороны Запада отъ военнаго деспотизма Наполеона. Посему, отложивъ намѣреніе свое возвратиться въ Россію, Государь рѣшился опять, какъ и въ прошломъ году, лично предводительствовать арміями. Такимъ образомъ жребій войны былъ брошенъ. Едва начали науки развиваться подъ сѣнію мира и едва торговля стала оживотворять долгое время стѣсненную промышленность, какъ слова отъ Уральскихъ горъ до Лиссабона дороги покрылись многочисленными арміями и восклицанія: къ оружію! — раздались отъ одного конца Европы до другаго.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Глава I. Приказы Наполеона и Александра.— Начало похода.— О Франціи. — Сраженіе при Брієнѣ. — Брієнскій замокъ. — Различныя направленія армій. — Движеніе Наполеона на Сенъ-Дизіе. — Перехваченная почта. — Военный совѣтъ. — Рѣшеніе идти на Парижъ . . . . . 1.

» II. Маршъ отъ Випри. — Сраженіе при Феръ-Шампенуазѣ. — Подвигъ Государя. — Бѣлыя повязки. — Приближеніе къ Парижу. — Ночь наканунѣ Монмартрскаго сраженія. — Переговорщикъ. — Сраженіе. — Посланные Парижа . . . . . 16.

» III. Утро 19-го Марта. — Колешкуръ.— Отъѣздъ Государя изъ Бонди. — Приближеніе къ Парижу. — Монмартрское предмѣстіе. — Бульвары. — Елисейскія поля. — Окончаніе смотра.— Вечеръ . . . . . 27.

» IV. Прокламаціи Государя и Французскихъ Префектовъ. — Назначеніе Генерала Сакена Губернаторомъ Парижа. — Милосердое обращеніе въ Парижѣ. — Отвѣтъ Государя Сенаторамъ. — Изрѣченія Государя. — Памятникъ на Вандомской площади. — Аполлонъ Бельведерскій . . . . . 37.

Стран.

Глава V. Замыслы Наполеона.— Переговоръ съ Маршаломъ Мармономъ.— Отреченіе Наполеона — Покровительство приверженцовъ Наполеона. — Французскіе военные. — Награжденія Французовъ. — Молебенъ. — Лагарпъ. — Александръ въ Елисейскомъ дворцѣ . 48.

» VI. Набожность Русскихъ.— Солдаты.— Ласковое обращеніе Парижанъ. — Пріемъ Государя въ театрѣ. — Похвалы Государю. — Рѣчи членовъ Института. — Засѣданіе Института. — . . . . . 61.

» VII. Дюпенъ. — Лафаетъ. — Рамель. — Планъ возвращенія въ Петербургъ.— Миссія во Франціи и Германіи. — Гейлигенгъ. — Морское путешествіе. — Возвращеніе Государя въ Петербургъ. — Праздникъ въ Павловскѣ. — Отъѣздъ въ Вѣну. — Варшавское Герцогство. — Вѣна.— . . 76.

» VIII. Пріѣздъ Государя въ Вѣну. — Австрійское дворянство. — Великія Княгини. — Принцъ де Линь. — Эрцгерцогъ Карлъ. — Прибытіе на Конгресъ разныхъ лицъ. — Талейранъ. — Императрица Елисавета Алексѣевна. — Представленіе Принцевъ. — Александръ въ дѣлахъ Конгреса . . . . . 91.

» IX. Праздникъ въ Аугартенѣ. — Поля сраженій при Аспернѣ и Ваграмѣ.— Обѣдъ въ Эйерсдорфѣ.— Шенбрунъ.

Стран.

— Римскій Король. — Праздникъ въ Пратерѣ — Обѣдъ въ домѣ Графа Разумовскаго . . . . . 101.

Глава X. Поѣздка въ Венгрію. — Взглядъ на оную. — Славяне — Премъ. — Національный музеумъ. — Взглядъ на Офенъ и Пешъ. — Предсѣдательство Венгерцовъ. — Разговоръ о Наполеонѣ. — Венгерскія женщины — Гулянье на Маргаритиномъ островѣ. — Балъ у Графа Шандора — Отъѣздъ въ Пресбургъ. — Разговоръ о Венгріи. — Возраженіе. — Стихотворенія. — 111.

» XI. Увеселенія. — Катанье въ саняхъ. — Каруселъ. — Театръ. — Императоръ Францъ. — Кабинетъ его. — Императрица Австрійская. — Угощеніе Высокаго двора. — Обѣды у Государя. — Камеръ-балы. — Лагарпъ. — . . 128.

» XII. Предположенный отъѣздъ. — Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы. — Догадки о семъ происшествіи. — Впечатлѣніе, произведенное онымъ въ Вѣнѣ. — Первое военное совѣщаніе. — Манифестъ Конгреса. — Военный совѣтъ. — Образованіе трехъ армій. — Россійскія войска. — Комиссія о продовольствіи. — Заключеніе. — 143.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строк.	*Напечатано:*	*Читай:*
1	9	а потому кажется	а потому, кажется,
5	6	него	Него
7	25	столицу вмѣсто того	столицу, вмѣсто того
8	4	верьхъ	верхъ
8	12	изсчезавшій	исчезавшій
9	8	брегамъ	берегамъ
12	7	въ послѣдствіи оказалося	въ послѣдствіи же оказалося
14	8	слѣдуя такимъ образомъ мы	слѣдуя такимъ образомъ, мы
23	3	изсчезаетъ	исчезаетъ
24	3	преображенскаго	Преображенскаго
25	6	а потому въ ожиданіи	а потому, въ ожиданіи
28	12	надмѣнности	надменности
33	9	гвардейскіе и гренадерскіе	гвардейскій и гренадерскій
34	22	также свѣта, у сего	также свѣта; у сего
37	1	прокламацій	прокламацій
40	21	пріобрести	пріобрѣсти
40	27	Бріенномъ	Бріеномъ
48	1	замыселъ	замыслы
60	9	времяни	времени
87	14	что на оной	что на сей рѣкѣ
97	24	главной квартирѣ арміи	главной квартирѣ арміи,
114	10	что и мы Славяне,	что и мы, Славяне,
154	17	заплатите намъ деньги.	заплатите намъ деньги?

№ XXV. 5
24

ВОСПОМИНАНІЯ.

ИЗЪ

ЗАПИСОКЪ

1815 ГОДА.

А. Михайловскаго-Данилевскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.
1831.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 1 Февраля 1831 года.

Цензоръ, О. Сѣнковскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1815 году я имѣлъ счастіе находиться въ свитѣ Императора Александра Павловича на Вѣнскомъ Конгресѣ, въ походѣ во Францію и въ обратномъ путешествіи Его Величества чрезъ Брюссель, Швейцарію и Нѣмецкую землю въ Россію. Отрывки изъ журнала, веденнаго мною въ то время, были напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а нынѣ, издавая ихъ въ совокупности, считаю нужнымъ предварить, что читатель не найдетъ въ нихъ той полноты разсказа о происшествіяхъ, какъ въ историческихъ Запискахъ, которыя во множествѣ печатаются въ чужихъ краяхъ. Я только предлагаю здѣсь нѣкоторыя мысли, возбужденныя во мнѣ предметами,

мсия окружавшими, и начинаю со дня отъѣзда моего изъ Вѣны въ Главную квартиру арміи, которая тогда назначена была дѣйствовать противъ Франціи.

ГЛАВА I.

Отъѣздъ изъ Вѣны. — Прибытіе въ Мюнхенъ. — Баварскій Дворъ. — Пріѣздъ въ Штутгардъ. — Лудвигсбургъ. — Гейльбронъ. — Пріѣздъ въ Гейдельбергъ.

14го *Мая.* Вчера, въ прекраснѣйшій вечеръ, я отправился изъ Вѣны въ Мюнхенъ и Штутгардъ, а оттуда въ главную нашу квартиру, въ Гейльбронъ. Всю ночь я думалъ о томъ множествѣ разныхъ лицъ, которыя находились на Конгрессѣ, о добродѣтеляхъ и слабостяхъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, объ успѣхахъ просвѣщенія и о силѣ предразсудковъ, о великолѣпныхъ праздникахъ при Дворѣ и объ уединенныхъ прогулкахъ моихъ въ окрестностяхъ Вѣны, словомъ сказать, воображенію моему представлялись всѣ суеты шумнаго, безпримѣрнаго восьми-мѣсячнаго пребыванія нашего на Конгрессѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ занимали

меня мечты о предстоявшемъ путешествіи и походѣ.

Первые лучи солнца застали меня недалеко отъ Мелька, и разсѣяли безпорядокъ моихъ мыслей; я любовался прелестями, щедро разсыпанными здѣсь рукою природы. Нѣсколько почтъ слѣдовали мы по берегу Дуная, имѣя въ лѣво цѣпь Стирійскихъ горъ, изъ-за которыхъ показывались снѣжныя высоты Тироля; на правой сторонѣ не прерывался рядъ богатѣйшихъ селеній, около которыхъ видны были старинные замки и пасущіяся стада. Окрестности Энца и Линца прекрасны; въ каждой деревнѣ и въ каждомъ городѣ множество народа ожидало прибытія Государя.

14го Мая мы пріѣхали въ Нимфенбургъ, загородной дворецъ, верстъ шесть разстояніемъ отъ Мюнхена, гдѣ Баварскій Король намѣренъ былъ принять Государя. Мюнхенъ расположенъ на неизмѣримой равнинѣ, усѣянной, такъ сказать, деревнями; дорога отъ него до Нимфенбурга покрыта была любопытными. Государь изволилъ насъ лично представить Королевской фамиліи. Король сказалъ мнѣ: »будьте у меня въ гостяхъ безъ всякихъ церемоній.« Нельзя не лю-

боваться, видя Короля и супругу его въ кругу шести маленькихъ прекрасныхъ дочерей, которыхъ воспитаніемъ занимается онъ самъ. Преимущественно обращаетъ на себя вниманіе старшая дочь Короля, бывшая Вице-Королева Италійская, одна изъ прекраснѣйшихъ женщинъ нашего времени. Въ какомъ величіи видѣлъ я ее тому пять лѣтъ назадъ въ Миланѣ, въ цвѣтѣ лѣтъ, на престолѣ одного изъ богатѣйшихъ царствъ въ мірѣ! Король обращается съ придворными на дружеской ногѣ: искренность его и шутки заставляютъ забывать санъ его. Дворъ его состоитъ человѣкъ изъ двадцати пожилыхъ Каммергеровъ самыхъ старинныхъ фамилій; но я не нашелъ между ними людей, по заслугамъ своимъ принадлежащихъ Исторіи, каковыхъ пріятно встрѣчать на ступеняхъ престоловъ.

Любопытнѣйшій вельможа есть Графъ Монжеласъ, который управляетъ тремя Министерствами: Иностраннымъ, Финансовъ и Внутреннимъ, заключающимъ въ себѣ также Министерство Правосудія и Просвѣщенія. Я съ удовольствіемъ слушалъ умные и краснорѣчивые его разговоры, и смотрѣлъ на выра-

зительныя черты лица его. Можжласъ, какъ всѣ люди, занимающіе важныя мѣста, имѣетъ своихъ приверженцевъ и завистниковъ; но ему должно отдать справедливость, что внутреннее управленіе Баваріи приведено имъ въ большую исправность, и что въ отношеніи къ иностраннымъ Державамъ онъ поставилъ отечество свое на такую степень величія, на какой оно никогда прежде не бывало.

На другой день мы ѣздили въ Мюнхенъ, гдѣ городъ давалъ балъ Императору въ Театрѣ. Лишь только Его Величество прибылъ, какъ началась Русская пляска, продолжавшаяся около четверти часа; потомъ явились актеры, одѣтые въ платье различныхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи, и проходили мимо нашей ложи при громѣ музыки. Король предложилъ обойти по партеру, и сдва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ увидѣли водопадъ, а подъ нимъ изображеніе Каменнаго Острова, который останется незабвеннымъ въ нашей Исторіи, какъ любимое мѣстопребываніе Государя Императора. Поздній потомокъ, приставая къ сему острову, съ умиленіемъ будетъ смотрѣть на жилище Монарха, котораго душа доступна была всякаго рода бла-

гимъ впечатлѣніямъ. Послѣ сего играли комическую Оперу; во время представленія Государь казался скучнымъ, а я вступалъ въ разговоры съ многими изъ придворныхъ. Въ Германіи наружность людей ничего не обѣщаетъ, но она обманчива; трудно познакомиться съ жителями сей благословенной страны, но чѣмъ болѣе ихъ узнаешь, тѣмъ труднѣе съ ними разстаться; связи дружбы, съ ними однажды заключенныя, пребываютъ неразрывны во всю жизнь.

Мая 17. Сего дня мы ожидали прибытія Австрійскаго Императора. Послѣ обѣда весь Дворъ вышелъ на балконъ, чтобы встрѣтить Его Величество. Я находился подлѣ Вице-Короля Италійскаго, на чертахъ лица котораго примѣтно уныніе, что при настоящихъ обстоятельствахъ иначе и быть не можетъ. Онъ началъ говорить со мною объ обыкновенныхъ предметахъ, но я старался склонить рѣчь на войну 1812 года. Чести нашей никто не отниметъ; Русскіе поставили ее на незыблемомъ основаніи; но не менѣе того пріятно мнѣ было слышать отъ ближайшаго родственника Наполеонова, и одного изъ искуснѣйшихъ Генераловъ, похвалы, воздаваемыя имъ

Князю Смоленскому и арміи нашей. »Вы »мнѣ позвольте сдѣлать замѣчаніе, ска»залъ онъ, что это первой ученый по»ходъ Русскихъ, и въ оном показали вы »превосходство вашихъ офицеровъ и сол»датъ. Я раздѣлялъ, продолжалъ онъ, со »всею Французскою арміею увѣренность »въ успѣхѣ; но ваши воинскія распоря»женія заставили меня вамъ удивляться.« Прибытіе Императора Франца и Супруги его прервало нашъ разговоръ. Всѣ пошли ихъ встрѣчать, и проводили потомъ, по обыкновенію, до компатъ, назначенныхъ для Ихъ Величествъ. Послѣ сего придворные начали расходиться, говоря другъ другу: »какой сего дня былъ »тягостный день! до вечера ничего не »будетъ, ужинъ назначенъ въ девять »часовъ.«

19го Мая я выѣхалъ изъ Нимфенбурга. Погода была прекрасная, воздухъ благорастворенный, и я неприметно доѣхалъ до деревни Эслингена, гдѣ мнѣ надлежало ожидать Государя, и гдѣ я встрѣтилъ Короля Виртембергскаго. Я представился Его Величеству, и провелъ съ нимъ около часа. Король все сіе время говорилъ о Франціи, о Рейнскомъ Союзѣ, о войнѣ и о подобныхъ важныхъ предме-

тахъ; онъ также вспоминалъ о службѣ своей въ Россіи, и объяснялся съ такимъ благоразумiемъ и такъ краснорѣчиво, что вселилъ въ меня особенное уваженiе. Изъ Нѣмецкихъ Государей онъ одинъ, который, во время владычества Французовъ, умѣлъ сохранить призракъ независимости. О немъ говорили: »въ Виртембергiи »нѣтъ Королевства, но есть Король.« Онъ управляетъ Государствомъ своимъ самъ; ни одинъ изъ Министровъ не имѣетъ вліянiя на дѣла. Правленiе его строго; подати очень велики; нѣкоторые на сiе жалуются, но за то нигдѣ въ Германiи нѣтъ такого порядка, какъ въ Виртембергiи и такого великолѣпiя какъ при Штутгардскомъ Дворѣ. Ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ нѣтъ подобiя той пышности и устройства, какъ здѣсь. Наполеонъ, во время блеска Сен-Клудскаго Двора, присылалъ сюда чиновниковъ для изученiя порядка, здѣсь заведеннаго.

По прибытiи Государя въ Эслингенъ, мы сѣли въ придворныя коляски, и отправились въ Штутгардъ, по дорогѣ, лежащей вдоль берега рѣки Некара, посреди богатыхъ селенiй, за которыми видна была цѣпь горъ; на одной изъ нихъ находятся развалины замка Варпенберга,

ошкуда происходишъ пышѣ царствующій Домъ. Выстрѣлы изъ орудій, разставленныхъ на возвышенiяхъ, возвѣстили приближенiе Государя; мы ѣхали по прекрасному парку мимо оранжерей, звѣрницевъ и увеселительныхъ домовъ Короля. Все возвѣщало блистательную встрѣчу. Дворъ ожидалъ насъ на лѣстницѣ замка; на ступеняхъ разставлены были Каммергеры и Пажи, облитые, такъ сказать, въ золотѣ, а въ переднихъ комнатахъ кавалергарды и прабанты, въ старинной Нѣмецкой одеждѣ. Горницы въ замкѣ не соотвѣтствуютъ блеску, въ которомъ я видѣлъ придворныхъ: онѣ малы, убраны не богато, но со вкусомъ. Послѣ обыкновенныхъ представленiй пригласили насъ въ Театръ, гдѣ взоръ мой былъ ослѣпленъ пышностiю нарядовъ, и необыкновеннымъ множествомъ знаковъ отличiя, украшавшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.

21го *Мая.* Мы переѣхали изъ Стутгарда въ Лудвигсбургъ, обыкновенное лѣтнее мѣстопребыванiе Короля. Повсюду видны богато одѣтые придворные и часовые; но городъ похожъ на казарму, потому, что на улицахъ ни кого кромѣ военныхъ, не встрѣчается. Съ нами вмѣ-

спѣ прибылъ сюда также Императоръ Австрійской, и по случаю встрѣчи его и предсшавленія двумъ Императорамъ, придворные во весь день суетились. Я между шѣмъ разсматривалъ внутреннія комнаты замка, и невольно останавился въ кабинешѣ Короля, гдѣ висятъ три портрета, а именно: Петра Великаго, Фридриха Втораго и Герцога Фердинанда, которой почитается однимъ изъ мудрѣйшихъ Государей въ Виртембергіи.

Вечеромъ Дворъ отправился въ Монрепо, на балъ, а я поѣхалъ въ Спушгардъ, чтобы познакомиться съ славнымъ Ваятелемъ Данпекеромъ. Дорогою я любовался отмѣннымъ обрабошываніемъ земли; она здѣсь плодороднѣе, нежели въ Баваріи, гдѣ, по близости Тирольскихъ горъ, бываютъ холодные вѣтры. Селенія въ Виртембергіи богашѣе, крестьяне зажиточнѣе, города и деревни выстроены правильнѣе. Спушгардъ не обширенъ; въ немъ только одна порядочная улица. Къ сожалѣнію, я не засталъ Данпекера дома, но мнѣ показали его мастерскую, гдѣ я видѣлъ Аріадну, лежащую на барсѣ. Она принадлежитъ къ изящнѣйшимъ спапулмъ въ Свѣтѣ, и смѣло можетъ быть поставлена на-ряду съ произведеніями

Кановы. Нѣжность тѣла, красота лица, выраженіе, все чрезвычайно; жаль, что на мраморѣ есть нѣсколько черныхъ пятенъ, происходящихъ отъ того, что кусокъ, изъ котораго она изваяна, былъ два года въ рѣкѣ Ронѣ. Въ мастерской видѣлъ я, сверхъ того, прекрасныя грудныя изображенія Шиллера, Госпожи Алопеусъ и Князя Меттерниха.

24го *Мая*. Мы выѣхали изъ Лудвигсбурга и прибыли въ Гейльбронъ, небольшой городокъ, лежащій въ прекрасной долинѣ; здѣсь наша главная квартира. Ежеминутно пріѣзжаютъ сюда Генералы, офицеры, курьеры; нѣтъ болѣе ни придворныхъ, ни вельможъ, ни баловъ; все приняло военный видъ; думаютъ уже не о веселостяхъ, а о славѣ, и жалѣютъ только, что наши войска еще далеко отъ Рейна. Главная квартира Австрійцевъ находилася въ это время шесть миль впереди, въ Гейдельбергѣ, и хотя они увѣряли, что въ семъ городѣ очень тѣсно на счетъ помѣщенія, но Государь, желая, по обыкновенію своему, находиться въ средоточіи военныхъ дѣйствій, велѣлъ имъ отвѣчать, что для него нужно не болѣе одного или двухъ домовъ, а что главная квартира его можетъ располо-

житься въ близлежащихъ отъ Гейдельберга деревняхъ, почему мы туда на другой день отправились.

Дорога отъ Гейльброна до Гейдельберга прелестна. Красота мѣстоположеній, чистой лазуревой сводъ небесъ, непомрачаемый ни однимъ облакомъ, тихое теченіе Некара у подошвы крутыхъ горъ, настроили духъ мой такъ поэтически, что я молилъ дневное свѣтило умедлить бѣгъ свой, дабы я могъ засвѣтло пріѣхать въ Гейдельбергъ, и видѣть окрестности его. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ; народъ покрывалъ улицы; студенты съ веселыми, откры-тыми лицами напоминали мнѣ счастли-вые годы жизни моей; Профессоры продолжаютъ читать свои лекціи. Однажды я зашелъ къ одному изъ знаменитѣйшихъ изъ нихъ; учебная комната его наполнена была слушателями. Въ двѣнадцати верстахъ отъ Французской границы, среди военнаго шума, они предаются Наукамъ съ такимъ жаромъ, что забываютъ положеніе, въ которомъ находится политической міръ. Зачѣмъ не раздѣлю я съ вами заблужденія вашего? подумалъ я, и тихими шагами пошелъ на гору, на которой возвышаются разва-

лины старинаго великолѣпнаго зàмка; съ ней видна долина, простирающаяся до самаго Мангейма, усѣянная деревнями, городами и садами; посреди оной открывается все теченіе Некара; вдали мелькаетъ Рейнъ и синѣются горы, лежащія во Франціи. Тамъ стоятъ уже непріятели; и такъ только двѣнадцать верстъ отдѣляютъ насъ отъ нихъ: скоро грянетъ громъ оружія!

ГЛАВА II.

Пребываніе въ Гейдельбергѣ. — Загородный домъ Государя. — Военныя совѣщанія. — Побѣда при Ватерло. — Пріѣздъ Великихъ Князей. — Выступленіе.

По прибытіи въ Гейдельбергъ, Государь переѣхалъ въ скоромъ времени за городъ, въ домъ Англичанина Пикфорда. Когда сему послѣднему сказали, что Императоръ желаетъ поселиться въ его домѣ, то онъ, принявъ сіе за особенную честь, обѣщалъ въ тотъ же день все приготовить для принятія Его Величества. Въ это время вошелъ Государь, благодарилъ хозяина чистымъ Англійскимъ языкомъ, и желалъ познакомиться съ супругою его и шестерыми дѣтьми, которыхъ онъ осыпалъ ласками, и пригласилъ бывать въ саду ихъ такъ часто, какъ имъ угодно, обѣщая, что въ немъ все будетъ сохранено въ прежнемъ видѣ, какъ было и при нихъ.

Однажды случилось мнѣ проходить

мимо всего сада, расположеннаго у подошвы крутыхъ горъ, защищающихъ его отъ холодныхъ вѣтровъ, и я увидѣлъ въ немъ Государя, Который поливалъ цвѣты. Я остановился и съ особеннымъ чувствомъ смотрѣлъ на величайшаго Монарха въ Европѣ, предводительствовавшаго силами всѣхъ Державъ, наканунѣ, можетъ быть кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ должна была рѣшиться участь царствъ, и занимавшагося цвѣтами! Потомъ Онъ взошелъ на гору и долго смотрѣлъ на прелестныя окрестности; казалося, что Онъ счастливъ былъ, любуяся красотами природы, и видъ спокойствія, которое въ сіи роковыя минуты было начертано на Его лицѣ, долго мнѣ останется памятенъ.

Мы прожили въ Гейдельбергѣ отъ 25 Мая до 10 Іюня, ожидая приближенія нашей арміи, которая въ началѣ Іюня мѣсяца и начала прибывать. Полки наши приводили въ удивленіе мужественнымъ видомъ солдатъ, исправностію оружія и хорошимъ состояніемъ лошадей. Иностранцы не понимали, какъ Русскіе могли пройти, не останавливаясь, отъ Нѣмана до Рейна, съ такою поспѣшностію, сохранивъ во всѣхъ частяхъ отмѣн-

ный порядокъ. Особенно было пріятно смотрѣть на воиновъ, выслужившихъ узаконенный двадцати-пяти лѣтній срокъ. Имъ предлагали отставку въ началѣ наступящаго года; но они, извѣстясь о походѣ, просили позволенія участвовать въ ономъ. Галунъ на лѣвой рукѣ отличаетъ сихъ ветераповъ. Іоаннъ Мюллеръ сказалъ: »Природа показала, что она одарила Россію необыкновенною силою. Нужно только прикоснуться до нее, чтобъ »увидѣть, какъ Держава сія развиваетъ »всеобъемлющее свое могущество. Она »едва познакомилась при Владимірѣ съ »просвѣщеніемъ Грековъ, и при Петрѣ »съ образованіемъ Европейцевъ, какъ уже »сношенія ея обняли всѣ великія Дер»жавы.« Если бы дѣписатель сей дожилъ до нашего времени, то присовокупилъ бы: »лишь только двадцать »народовъ покусился нарушить благо»денствіе великой Имперіи, какъ въ теченіе полутора года по нашествіи ихъ »Русскіе уже въ другой разъ за Рейномъ.«

Между тѣмъ почти ежедневно собирались Генералы Союзныхъ Державъ для составленія плана военныхъ дѣйствій. Какъ въ подобныхъ случаяхъ водится, они сначала не соглашались во мнѣніяхъ

на счетъ операціонныхъ линій. Одни думали, что выгодиѣе, раздѣливъ арміи, одной изъ нихъ переправиться чрезъ Рейнъ въ Базелѣ, прикрыть Швейцарію, и начать наступательныя движенія не прежде, какъ по присоединеніи къ ней Австрійскихъ войскъ, шедшихъ изъ Неаполитанскаго Королевства, а другой арміи, переправяся у Мангейма, итти по направленію на Сенъ-Дизье, и обѣимъ арміямъ соединиться около Шомона. На сіе возражали, что принимая Шомонъ за точку соединенія, надлежитъ къ оному слѣдовать кратчайшимъ путемъ изъ Страсбурга, а не изъ Базеля, ибо переправясь у сего послѣдняго города, лишаемся возможности въ случаѣ сраженія дѣйствовать совокупными силами. По долгихъ преніяхъ, въ которыхъ разсуждаемо было также о продовольствіи и о томъ, какихъ Державъ войскамъ поручить наблюденіе за непріятельскими крѣпостями, наконецъ рѣшились на слѣдующее: *первое*, Россійской арміи итти на Триръ чрезъ горы Гундерюкенъ, не занимая Кейзерслаутерна, съ тѣмъ, что она, будучи въ готовности подкрѣпить армію Блюхера, направится на Сенъ-Дизье, а чрезъ то облегчитъ соединеніе свое съ

Австрійцами, которые, перейдя Рейнъ въ Базелѣ, пойдутъ чрезъ Безоръ на Лангръ и Шомонъ, для сближенія съ Россіянами. *Второе*, Баварцамъ не начинать наступательныхъ движеній до прибытія нашихъ войскъ, назначенныхъ для надзора за крѣпостями лѣваго берега Рейна. *Третіе*, сорока одной тысячѣ Австрійцевъ обложить Безансонъ, Оксонъ, Шлеттштадъ, Безоръ, Гюнингенъ, Бризакъ, Форъ-Жу, Салинсъ и л'Эклюзъ. Изъ числа сихъ войскъ восьмнадцати тысячамъ войти въ составъ гарнизона Майнца и блокадныхъ корпусовъ около Страсбурга и Ландау. *Четвертое*, тридцати пяти тысячамъ Русскихъ обложить Мецъ, Тіонвиль, Сарлуи, Бичь и Фальцбургъ, и одиннадцати тысячамъ изъ оныхъ поступить въ блокадные корпусы около Страсбурга и Ландау. Люксенбургскому гарнизону подкрѣплять войска, опредѣленныя для блокады Меца и Тіонвиля, и дѣйствовать съ ними совокупно, если нужда того востребуетъ.

Въ слѣдствіе сего, Россійская армія, соединясь, около 20 Мая, между Кобургомъ, Бамбергомъ и Нюренбергомъ, слѣдовала къ Рейну въ трехъ колоннахъ по дивизіямъ, расположіемъ въ одномъ пере-

ходѣ одна отъ другой. Авангарду ея надлежало быть на Рейнѣ около 6 Іюня, а послѣднимъ Русскимъ войскамъ притти туда 17 Іюня. Какъ по сему плану вся армія наша должна была находиться въ первой линіи, то велѣно Графу Виттенштейну, расположенному на Курляндской и Литовской границахъ и въ Царствѣ Польскомъ, выступить въ походъ, такъ, чтобы часть его войскъ направилась на Триръ, а другая расположилась около Бамберга, и составляла запасъ для дѣйствующей арміи, а Графу Милорадовичу приказано съ гвардіею выступить изъ изъ С. Петербурга въ Ковно.

Сіи предположенія оказались однако же мечтательными, ибо 8 Іюня получено извѣстіе о начатіи дѣйствій въ арміи Блюхера и о разбитіи сего полководца при Линьи. Хотя успѣхи Наполеона сами по себѣ не были значительны, ибо Прусская армія, вѣроятно, скоро должна была соединиться съ Англійскою; но послѣдствія ихъ могли быть важны въ политическомъ отношеніи: ибо общее мнѣніе, бывшее до сего раздѣленнымъ вразсужденіи предпріятія Наполеона, могло вновь обратиться въ его пользу. Немедленно собранъ былъ Военный Совѣтъ,

въ которомъ рѣшили оставить прежде принятой планъ имѣли нашимъ войскамъ на Триръ, и назначили двумъ арміямъ, Русской и Австрійской, сосредоточиться на пространствѣ между Майнца и Базеля, и слѣдовать къ Нанси, куда предположено было достигнуть 29 Іюня. Баварцамъ поручили прикрывать наше правое крыло, а Графу Ланжерону, командующему шестымъ корпусомъ, обложить Страсбургъ и Ландау. На случай отступленія армій, должны были построиться на Рейнѣ при мостовыя укрѣпленія.

Едва приказанія для приведенія въ дѣйствіе сихъ мѣръ были разосланы, какъ 10 Іюня побѣдные клики возвѣстили о сраженіи при Ватерло. Радость была неописанная, тѣмъ болѣе, что, послѣ пораженія Прусаковъ при Линьи, не только не ожидали успѣховъ, но опасались услышать о новыхъ подвигахъ Французовъ. Тотчасъ велѣно было нашей арміи и Австрійской переправиться чрезъ Рейнъ и устремиться на Парижъ; а дабы имъ быть сколь можно ближе одна отъ другой, то Русскія войска, перейдя 14 числа Рейнъ, должны были сдѣлать нѣсколько маршей влѣво вверхъ по сей рѣкѣ, оставя вправо отъ себя прямую

Парижскую дорогу. Нашей арміи назначено было слѣдовать по Франціи въ трехъ колоннахъ: правая находилась подъ начальствомъ Дохтурова, средняя Сакена, а лѣвая Раевскаго, при которой Союзные Монархи избрали свое пребываніе. Баварцы пошли впередъ насъ въ одномъ или въ двухъ маршахъ, а Виртембергскій Наслѣдный Принцъ прикрывалъ наше правое крыло со стороны Страсбурга. Государь, на другой день послѣ сего извѣстія, переѣхалъ изъ Гейдельберга въ Мангеймъ.

Къ достопамятностямъ пребыванія нашего въ Гейдельбергѣ, принадлежитъ также пріѣздъ туда Великихъ Князей. Бывшій при воспитаніи Ихъ Высочествъ Генералъ Ламздорфъ возвратился въ Россію, и мѣсто его занялъ Коновницынъ, которому предстояла честь руководствовать на военномъ поприщѣ Внуковъ Екатерины. Достойная награда тому, кто въ великомъ дѣлѣ освобожденія Россіи снискалъ себѣ безсмертное имя!

ГЛАВА III.

Мангеймъ. — Шнейеръ. — Парижскія новости. — Депутаты Временнаго Правительства. — Обращеніе съ Французами. — Партизаны. — Паспорты.

Мирный и пустынный Мангеймъ наполнился Русскими; на улицахъ его только и видны были безчисленные ряды нашихъ войскъ, артиллеріи и обозовъ, тянувшихся за Рейнъ. Однако же, все возвѣщало, что война не могла быть продолжительна, ибо извѣстія, получаемыя ежечасно изъ Франціи, свидѣтельствовали о быстрыхъ успѣхахъ Веллингтона и Блюхера. Вскорѣ мы узнали и объ отреченіи отъ престола Наполеона, безъ котораго Французы не были въ состояніи съ нами воевать. Нѣсколько разъ носились слухи о его смерти, и будто въ непріятельской арміи отдано было въ приказѣ, que le grand homme a passé. Начальники Французскихъ передовыхъ войскъ неоднократно предлагали заключить пере-

миріе; одинъ изъ нашихъ Генераловъ на сіе было согласился, полагаясь на увѣреніе Французовъ, что съ отреченіемъ Наполеона прекращаются военныя дѣйствія; но Государь былъ симъ поступкомъ недоволенъ, и приказалъ подтвердить всѣмъ Генераламъ, чтобы не вступали ни въ какіе переговоры съ непріятелемъ. Въ концѣ собственноручнаго повелѣнія по сему предмету Его Величества къ Фельдмаршалу Барклаю де-Толли было сказано: »Съ благословеніемъ Все»вышняго, съ помощію таковыхъ полко»водцевъ, каковы вы, и съ храбростію не»оцѣненныхъ нашихъ войскъ, Я надѣюся »привести къ окончанію сію новую вой»ну и достичь до благодѣтельнаго для »цѣлой Европы мира.«

15 Іюня поутру мы отправились изъ Мангейма въ Шпейеръ. Войска проходили по мосту черезъ Рейнъ, и потому я долженъ былъ ѣхать по оному тихо, и смотрѣлъ безмолвно на картинные берега рѣки. Шпейеръ принадлежитъ къ самымъ стариннымъ городамъ; въ немъ любопытенъ Соборъ, гдѣ погребали долгое время Германскихъ Императоровъ. Здѣсь покоится Рудольфъ Габсбургскій, котораго памятникъ разломанъ; а близъ него ле-

житъ прахъ Императора Генриха IV, который ходилъ пѣшкомъ въ Римъ просить у Папы отпущенія грѣховъ. Гробница его въ цѣлости, между тѣмъ, какъ на обломкахъ гробницы основателя Австрійской Монархіи лежитъ овесъ и солома, приготовленные для проходящихъ войскъ.

16 *Іюня.* Я ѣхалъ одинъ изъ Шпейера въ Рейнсабернъ, имѣя вправо цѣпь Вогезскихъ горъ, коихъ подошва усѣяна богатѣйшими селеніями; по лѣвую сторону протекалъ Рейнъ, омывающій плодоносную долину, а позади его синѣлись горы благословенной Германіи. Вершины ихъ покрыты развалинами рыцарскихъ замковъ, едва мелькавшими изъ-за тумана, сквозь который проходили первые лучи солнца. На половинѣ дороги я видѣлъ крѣпость Ландау; тамъ непріятели, а здѣсь Русскіе шли въ густомъ строѣ: это подало поводъ къ размышленію о политическомъ равновѣсіи — семъ благодѣтельномъ феноменѣ, явившемся въ послѣднія три столѣтія — которое столь тѣсно соединило между собою Державы, что для благоденствія ихъ нужно, чтобы Русскія войска были съ оружіемъ въ рукахъ въ нѣдрахъ Франціи, между

пѣмъ, какъ Французы въ собственной землѣ своей укрываюпся въ крѣпостяхъ.

Парижскія новости составляли предметъ общихъ разговоровъ; всѣ читали съ жадностію Французскія Вѣдомости, въ которыхъ изображалась борьба различныхъ партій, господствовавшихъ во Франціи. Никогда Членамъ Палатъ и журналистамъ не представлялось обильнѣйшаго поля для преній. Пользуясь правомъ свободнаго книгопечатанія, они описывали тѣ минуты, когда полководецъ, одаренный чрезвычайными воинскими способностями, принужденъ, подобно Аннибалу послѣ Замы, искать спасенія въ бѣгствѣ, когда соотечественники ихъ, долго привыкшіе къ побѣднымъ слухамъ, видятъ арміи свои сокрушенными, когда многочисленныя ополченія народовъ подступаютъ къ столицѣ ихъ, — словомъ сказать, тѣ минуты, когда отечество ихъ гибнетъ. Одни оплакивали народную честь и славу, потерянныя безвозвратно; другіе питались упованіемъ счастливаго переворота: но всѣ думали найти обезпеченіе независимости своей въ политическихъ формахъ. Странно, что почти никто не обращалъ вниманія на диктаторскую власть, которая одна спасала

Державы, бывшія въ такомъ положеніи, въ какомъ находилась Франція. Духъ журналистовъ упадалъ ежедневно болѣе, по мѣрѣ, какъ они узнавали о повсемѣстномъ отступленіи ихъ армій, и объ увеличивающихся успѣхахъ Союзниковъ. Сколько занимательно содержаніе Парижскихъ Вѣдомостей, столько же примѣчательно краснорѣчіе ихъ издателей: самыя заблужденія ихъ и лжеумствованія писаны щегольскимъ перомъ.

18 Іюня мы выступили изъ Вейссенбурга въ Гагенау, куда я пріѣхалъ въ прекраснѣйшее утро, имѣя во всю дорогу въ виду очаровательныя мѣстоположенія. Проѣзжая Гагенаускій лѣсъ, я наслаждался благоуханіемъ деревъ и прохладой лѣтняго вѣтерка. Если всегда пріятно быть посреди природы, то сколь безцѣнны тѣ минуты, которыя проводимъ въ нѣдрахъ ея во время военное, когда малѣйшая изъ красотъ ея заставляетъ забывать и страсти, обуревающія свѣтъ, и бѣдствія человѣчества, которыя видимъ безпрестанно предъ собою! Миновавъ лѣсъ, открылся Страсбургъ и множество городовъ и деревень, лежащихъ вдоль Рейна. Здѣсь я встрѣтилъ 17-ю пѣхотную дивизію. Отличи-

пельная черта нашихъ солдатъ есть, что ихъ ничто не удивляетъ: они съ тѣмъ же равнодушіемъ смотрѣли на мѣста, по коимъ шли, какъ бы находились въ Россіи; иногда отголосокъ заунывныхъ пѣсень напоминалъ Волгу и Днѣпръ.

Мы извѣстились въ этотъ день, что въ Парижѣ учреждено Временное Правительство, которое отправило чиновниковъ въ нашу Главную квартиру. Союзные Государи послали къ нимъ на встрѣчу Графа Шувалова, съ препорученіемъ сказать, что Монархи не намѣрены принять ихъ, что чиновники должны объявить Графу предложенія своего правительства и ожидать въ Реймсѣ отвѣта. Графъ Шуваловъ съ ними разъѣхался, и Депутаты прибыли въ Главную нашу квартиру. Ихъ было шестеро, а именно: Лафаетъ, Себастіани, Лафорс, Понтекуланъ, Аржансонъ и Бенжаменъ-Констанъ. Они привезли письма къ союзнымъ Министрамъ Иностранныхъ Дѣлъ, съ полномочіемъ вступить въ переговоры. Между тѣмъ, какъ Статсъ-Секретарю Графу Каподистрія велѣно было съ ними объясниться и сказать имъ, чтобы они ѣхали въ Лаунсербургъ, верстахъ въ пятнадцати отъ Гагенау, куда имъ обѣщано

прислать отвѣтъ, — Лафаетъ пришелъ къ Начальнику Штаба Государева, однако же не былъ имъ принятъ. Когда онъ вошелъ въ переднюю комнату Начальника Штаба, то Адъютантъ спросилъ его, кто онъ таковъ. »Не бывъ коронованною »главою, я пользуюсь уваженіемъ Монар»ховъ,« отвѣчалъ Лафаэтъ. Графъ Каподистрія пробылъ у Депутатовъ весь вечеръ, и выходя отъ нихъ въ полночь, сказалъ мнѣ: »Они говорятъ, что Пала»ты признали Императоромъ сына Напо»леонова; но изъ словъ ихъ видно, что »это одна личина. Себастіани объясняет»ся лучше и умнѣе, нежели прочіе. Бен»жаменъ-Констанъ слишкомъ горячится.«

Наслѣдный Принцъ Виртембергскій разбилъ непріятельскаго Генерала Раппа, и принудилъ его отступить къ стѣнамъ Страсбурга. Чрезъ часъ послѣ полученія о семъ донесенія, Государь отправилъ къ Принцу до тридцати орденовъ для награжденія оными отличившихся. Въ то же время составили особой корпусъ, подъ начальствомъ Генерала Гогенцоллерна, для обложенія Страсбурга, а Принцу Виртембергскому велѣно примкнуть съ своими войсками къ нашему лѣвому крылу. Будучи такимъ образомъ

обезпечены со стороны Страсбурга, мы пойдемъ не на Кенигфельдъ и на Муцигъ, какъ полагали прежде, а прямо на Савериъ, чѣмъ сократимъ двумя переходами путь къ Нанси, куда прибудемъ черезъ четыре дня. Къ нашей лѣвой колоніѣ присоединяются вторая и третья гренадерскія дивизіи, и Прусская гвардія и гренадеры, которыхъ Король подчинилъ Барклаю. По сему поводу Государь написалъ къ нему, чтобы онъ вѣжливымъ письмомъ изъявилъ Королю свою благодарность за сдѣланную ему честь поручсніемъ подъ его начальство сихъ отборныхъ войскъ.

21 *Іюня.* Зной необыкновенный; но армія, не останавливаясь, дѣлаетъ самые большіе переходы, истинно Суворовскіе; мы не имѣли еще ни одной дневки съ самой переправы чрезъ Рейнъ. Войска однако же не унываютъ, и походъ не можетъ быть для насъ благопріятнѣе, потому, что получаемъ почти ежедневно извѣстія объ успѣхахъ нашихъ Союзниковъ: на югѣ Австрійцы тѣснятъ Лекурба, а Англичане и Пруссаки находятся близъ Парижа. Въ нашей Главной квартирѣ почти не примѣтно, что существуетъ война; мы выступаемъ въ по-

ходъ обыкновенно очень рано, ѣдемъ прекрасною дорогою, всѣ довольны, Государь верьхомъ и весель. Слѣдованіе нашихъ войскъ по непріятельской землѣ никогда не было устроено съ бо́льшимъ порядкомъ; доказательствомъ служитъ то, что по сихъ поръ не подано еще ни одной жалобы со стороны жителей; сіе отчасти происходитъ и отъ того, что наши опасаются имѣть какой либо споръ съ Французами, потому что начальство наше при разбирательствѣ обыкновенно сихъ послѣднихъ оправдываютъ. Хотя сія мѣра не всѣмъ кажется справедливою, однако же я думаю, что нельзя довольно щадить жителей непріятельской земли, и заставлять ихъ забывать несчастіе — видѣть чужеземныя войска въ своемъ отечествѣ. За то Французы такъ довольны Русскими, что Меръ или Городничій одного города сказывалъ мнѣ, что обыватели окружныхъ селеній просили его изъ милости помѣщать къ нимъ постоемъ Русскихъ предпочтительно предъ другими союзными войсками.

По вечерамъ бываетъ у насъ музыка, и мы гуляемъ по окрестностямъ нѣкъ мѣстъ, гдѣ останавливаемся для ночлеговъ. Сегодня прибыли мы въ Сарбургъ,

а утромъ проходили Вогезскія горы. Послику крѣпость Фальцбургъ намъ не сдалась, и она стоитъ на большой дорогѣ, по которой намъ надлежало слѣдовать; то мы принуждены были ее обходить происками, по лѣвую сторону отъ крѣпости. Маршъ былъ весьма затруднителенъ, по причинѣ высокихъ и крутыхъ горъ; по мѣстоположенія столь красивы, что я забывалъ усталость. Австрійскіе обозы тянулись съ трудомъ по горамъ. Не говоря о полковыхъ тяжестяхъ, у одного Императора Франца сто семьдесятъ пять экипажей, а весь обозъ нашего Государя состоитъ изъ тридцати четырехъ повозокъ. Графъ Ожаровскій былъ посланъ требовать сдачи Фальцбурга, но получилъ отказъ. Комендантцы Французскихъ крѣпостей отвѣчаютъ обыкновенно съ отмѣннымъ благородствомъ на дѣланыя имъ предложенія о сдачѣ; будучи образованы въ побѣдоносныхъ станахъ, они не могутъ привыкнуть къ той мысли, что они побѣжденные.

Въ городахъ и деревняхъ жители, стоя у дверей, на насъ смотрятъ; они столько пострадали отъ безпрестанныхъ переворотовъ, что предались совершенно-

му равнодушію. Я видѣлъ Нѣмцевъ во время ихъ униженія: духъ такъ сильно не упадалъ у нихъ, какъ у Французовъ, которые неохотно говорятъ о политическихъ происшествіяхъ; я видѣлъ даже таковыхъ, которые отказываются отъ чтенія Вѣдомостей. Можно сказать, что Франція заключается въ Парижѣ, и обыватели Департаментовъ ожидаютъ, что изъ столицы прикажутъ провозглашать, Республику, или Генриха Четвертаго, или Имперію.

Іюня 22. Не успѣли мы пройти Вогезскія горы, какъ Французы образовали въ оныхъ партизанскую войну; отряды ихъ находятся подъ начальствомъ двухъ отставныхъ офицеровъ, Вольфа и Бриса. Вчера одинъ изъ моихъ товарищей былъ посланъ изъ Сарбурга въ Парси; проѣхавъ нѣсколько верстъ, онъ увидѣлъ показавшихся изъ лѣсу крестьянъ, числомъ около ста, которые начали по немъ стрѣлять не взирая на то, что съ нимъ было восемь казаковъ прикрытія; они ранили офицера и двухъ казаковъ. Извѣстіе сіе произвело небольшое безпокойство въ нашей Главной квартирѣ, потому что предположено было пустить впередъ съ вечера сопутствующія намъ одиннадцатую

и семнадцатую дивизіи, а Государь намѣренъ былъ ѣхать въ слѣдъ за ними сегодня поутру; въ конвоѣ же Его Величества находятся только двѣнадцать лейбъ-казаковъ. Въ слѣдствіе сего происшествія велѣно опушку лѣсовъ на дорогахъ занимать пѣхотою, и мы пойдемъ уже съ войсками. Какая разница между сими Французскими партизанами и Русскими, существовавшими въ отечественную войну! Сіи послѣдніе находили живѣйшее содѣйствіе между жителями тѣхъ мѣстъ, гдѣ они показывались, въ то время, какъ Французы порицаютъ своихъ партизановъ. Меръ городка Блаамона извѣстилъ даже письмомъ о истинно злодѣйскихъ и разбойничьихъ намѣреніяхъ ихъ, которыя къ счастію однако же не совершились.

Іюня 23. Мы пріѣхали въ Нанси, одинъ изъ любопытныхъ городовъ по большимъ площадямъ, широкимъ улицамъ, прекраснымъ гульбищамъ, садамъ и алеямъ, насаженнымъ Станиславомъ Лещинскимъ. Чернь возставала вчера и третьяго дня противъ Бурбоновъ. Трудно знать, кого Французы желаютъ: они называютъ Буонапарта жестокимъ, Бурбоновъ слабыми, а республиканцами быть не хотятъ; но

всѣ соглашаются, что конституціонное Правленіе необходимо. Бунты, бывшіе на сихъ дняхъ, происходили отъ того, что нѣкоторые изъ жителей надѣвали трехъцвѣтныя кокарды, а другіе бѣлыя и орденъ Лиліи; партизаны и жандармы приходили изъ близлежащихъ крѣпостей и возбуждали народъ къ сопротивленію Союзнымъ войскамъ, увѣряя, что Наполеонъ приближается съ сильною арміею. Чернь ходила толпами по улицамъ, грозя ограбить домы преданныхъ Королевской партіи. Она собралась передъ окнами дома, гдѣ живетъ тяжело раненый Ротмистръ Бервицъ, бывшій Адъютантъ Князя Багратіона. »Смерть Русскому! мы »требуемъ его крови!« кричала народная сволочь. Для отвращенія подобныхъ явленій, приказано отобрать оружіе отъ жителей; они сами приносили оное въ домы, назначенные для складки. Я видѣлъ одного Француза, который, отдавая шпагу свою, поцѣловалъ ее со слезами. Едва наши войска заняли Пансы, какъ на Рашушѣ было выставлено бѣлое знамя, украшенное лиліями, и множество людей съ знаками сего ордена покрыли улицы и площади.

Французы всѣхъ состояній обращаютъ

особенное вниманіе на Государя. Лѣстница, сѣни и переднія комнаты дома, гдѣ Его Величество изволитъ останавливаться, бываютъ наполнены народомъ съ утра до вечера; лучшіе люди города ожидаютъ по нѣскольку часовъ минуты, чтобы взглянуть на Императора: не такъ бываетъ на улицахъ, гдѣ живутъ прочіе Союзные Монархи.

Въ Парижѣ я познакомился съ одною Русскою барынею, вышедшею за-мужъ за Француза, и тамъ поселившуюся. Сколь сей радостно было увидѣть своихъ единоземцевъ въ своемъ новомъ отечествѣ, сіе легко можно себѣ представить, а что она оказывала услуги плѣннымъ и раненымъ нашимъ, то весьма естественно. Она разсказывала мнѣ о разныхъ непріятностяхъ, претерпѣнныхъ ею отъ Французскаго Правительства, особенно во время правленія Наполеонова, съ такимъ презрѣніемъ, каковаго отъ Россіянки ожидать должно къ столь безправственнымъ людямъ, каковы чиновники бывшаго Повелителя Франціи.

Іюня 26. Партизаны становятся безпрестанно предпріимчивѣе; увѣряютъ, что начальникъ ихъ, Брисъ, ночевалъ въ Парижѣ, въ день нашего отъѣзда. Сегодня

они показывались въ виду Государя, изъ лѣса, по обѣимъ сторонамъ дороги, на возвышеніяхъ, съ которыхъ они подаютъ сигналы другъ другу. Они ранили одного гусара, и Государь, услыша выстрѣлъ сей, поѣхалъ съ Австрійскимъ Императоромъ на ту самую гору, откуда онъ раздался. Нѣкто сказалъ при семъ случаѣ, »что »въ первый разъ въ свѣтѣ разбойники »нападаютъ на двухъ Императоровъ.« Но это скоро было забыто, ибо на переходѣ между Нанси и Лиліи мы получили извѣстіе о занятіи Парижа Англійскими и Прусскими войсками: разговоры о мирѣ и о Парижѣ, котораго память еще такъ свѣжа, заступили мѣсто приготовленій къ военнымъ дѣйствіямъ.

ГЛАВА IV.

Состояніе Франціи. — Отъѣздъ изъ Главной квартиры. — Дорога до Шалона. — Дорога до Мо. — Въѣздъ въ Парижъ. — Свиданіе Государя съ Людовикомъ XVIII. — Дворецъ Элизе-Бурбонъ. — Замѣчаніе о вторичномъ въѣздѣ Государя въ Парижъ.

Франція находилась въ сіе время въ безначаліи; разсѣянныя войска ея соединялися на лѣвомъ берегу Лоары; народъ ругался надъ мѣстными начальствами; въ нѣкоторыхъ городахъ обнаруживалась междоусобная война; Народное Собраніе, непризнаваемое законными Союзными Государями, было раздѣлено во мнѣніяхъ, кого надлежало избрать на престолъ Франціи; Парижане волновались и были ожесточены нѣкоторыми поступками Союзниковъ, особенно тѣмъ, что Пруссаки намѣревались взорвать Іенскій мостъ. Безопасность Парижа была угрожаема мятежными жителями сего города; не-

льзя было полагаться на національную гвардію, потому что она въ теченіе полупора года присягала тремъ Правительствамъ, совершенно различнымъ одно отъ другаго. Въ семъ положеніи Веллингтонъ и Блюхеръ почли выше силъ своихъ возстановить порядокъ; имъ надобно было, сверхъ того, знать дальнѣйшія намѣренія Союзныхъ Государей, и посему, извѣстя ихъ о занятіи Парижа, они убѣдительно просили Монарховъ объ ускореніи прибытія своего въ сію столицу.

Лѣвая колонна Россійской арміи, съ которою слѣдовали Ихъ Величества, пришла 27 Іюня въ Сенъ-Дизье, разстояніемъ отъ Парижа на 220 верстъ: слѣдовательно она не могла быть тамъ прежде семи или осьми сутокъ, а между тѣмъ каждая минута была драгоцѣнна. Хотя Французы были обезсилены, хотя ихъ крѣпости были обойдены, ихъ войска обращены въ бѣгство, земля ихъ большею частію занята иностранными арміями: но невозможно было пренебречь отчаяніемъ, которое могло поселиться въ народѣ, состоящемъ изъ двадцати пяти милліоновъ жителей, говорящихъ однимъ языкомъ и помнящихъ недавнюю славу своего имени. Минута медленности

заставила бы, можетъ быть, проливать рѣки крови человѣческой. Съ другой стороны казалось слишкомъ отважнымъ проѣхать изъ нашей Главной квартиры до Парижа болѣе 200 верстъ пространства, незанятаго нашими войсками.

Государь рѣшился однако же отправиться изъ Сенъ-Дизье, слѣдовательно изъ того самаго города, гдѣ Наполеонъ, въ Мартѣ мѣсяцѣ 1814 года, сдѣлавъ движеніе на линію сообщеній Союзныхъ армій, лишился престола. Главная квартира наша продолжала слѣдованіе съ лѣвою колонною чрезъ Сезанъ и Куломье, а Его Величество, оставя оную 27 Іюня, поѣхалъ чрезъ Шалонъ, вмѣстѣ съ Императоромъ Францомъ, съ коимъ находились Канцлеръ Князь Меттерниxъ и Оберъ-Гофмаршалъ Графъ Врбна и съ Королемъ Прусскимъ, коему сопутствовалъ Канцлеръ Князь Гарденбергъ, а при Государѣ находились Статсъ-Секретари по иностранной части и Начальникъ Его Штаба, при которомъ былъ я. Мы всѣ помѣстились въ девяти экипажахъ, и положено было не отставать другъ отъ друга и ѣхать вмѣстѣ. На каждой станціи до города Мо выставлено было по пятидесяти казаковъ, назначенныхъ насъ сопро-

вождашь подъ начальствомъ Графа Орлова-Денисова, который на одной и той же лошади, слѣдуя за скорою нашею почтовою ѣздою, вмѣстѣ съ нами въ одинъ день прибылъ въ Шалонъ. Множество народа окружало насъ во всѣхъ селеніяхъ, особенно на почтахъ; жители принимали насъ довольно равнодушно, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они буйными толпами тѣснились вокругъ коляски Государя, и грубымъ и сиповатымъ голосомъ, свойственнымъ Французскимъ крестьянамъ, провозглашали то Генриха IV, то Короля Римскаго, то Императрицу Марію Луизу, то Людовика XVIII, иногда Наполеона, — но чаще всего слышно было: да здравствуетъ Императоръ Александръ! О прочихъ Союзныхъ Государяхъ не упоминалъ никто ни слова. Такъ и простой народъ во Франціи знаетъ, что отъ Русскаго Царя зависитъ участь его.

Должно удивляться, съ какою смѣлостію Государь рѣшился на толь опасной путь, въ которомъ сотня рѣшительныхъ Французовъ могла перемѣнить участь вселенной. Мы объѣзжали почти непроходимою дефилеею крѣпость Витри, которая еще не сдалась, и гдѣ было нѣсколько тысячъ гарнизону. Она обложена

малымъ числомъ нашихъ драгуновъ; Французы со спѣнъ ясно могли видѣть наше слѣдованіе; двѣ колонны вышли изъ города, я содрогнулся, но онѣ скоро возвратились обратно въ оной. Государь могъ сказать въ подражаніе Кесарю: »чего ты страшишься, ты везешь Александра!«—Ввечеру мы пріѣхали въ Шалонъ, гдѣ остановились для ночлега. Улицы долго наполнены были народомъ; жители удивлены нашимъ пріѣздомъ; они не постигаютъ, какимъ образомъ мы находимся посреди ихъ безъ войскъ.

28 Іюня, рано поутру, мы отправились въ путь по большой дорогѣ ведущей чрезъ Эперисй, Шатотіерри и Мо. Рѣзвые кони несли насъ по плодоносной равнинѣ, орошаемой Марною, коея берега, испещренные цвѣтами, образуютъ прекраснѣйшія мѣстоположенія. Отъ города Мо, который невольно напоминаетъ Боссюэта, мы ѣхали безъ прикрытія, и встрѣчали на каждомъ шагу Французскихъ солдатъ, возвращавшихся поодиначкѣ въ домы свои; у нѣкоторыхъ были ружья, на кои они едва осмѣливались смотрѣть. На лицахъ ихъ начертана была горесть, и всѣ кланялись намъ вѣжливо. Это были остатки арміи, называвшейся нѣкогда

великою; вѣроятно, нѣкоторые изъ сихъ воиновъ были за два года въ Кремлѣ! Какое разстояніе отъ сего унизительнаго состоянія до той гордости, которую Французы оказывали прежде! Сердце мое сильно затрепетало, когда мы проѣхали мимо деревни Бонди, гдѣ мы провели незабвенную ночь наканунѣ 19 Марта 1814 года, и гдѣ объявлено было Коленкуру, что съ послѣднимъ его прекращаются всякія сношенія, и что съ нимъ въ переговоры болѣе вступать не намѣрены. За селеніемъ Пантенъ открылись предъ нами Монмартръ, все пространство отъ Сенъ-Дени до Венсена и Парижъ — готовый принять своихъ избавителей!

О Россія! на какую степень славы ты возвесена! Въ другой уже разъ Царь твой предписываетъ законы Европѣ, въ другой разъ Монархи и народы избираютъ его посредникомъ своимъ, въ другой разъ могущественная армія твоя даруетъ миръ вселенной! Признаюсь, что я почиталъ себя счастливымъ, находясь столь близкимъ свидѣтелемъ ея торжества, которое въ ту минуту исполняло всю душу мою. Неизъяснимыя чувства и мысли волновали меня, когда мы въ семь часовъ вечера въѣхали въ предмѣ-

спіе Парижа; уже мы въ воротахъ Сенъ-Мартенъ, уже на бульварѣ, уже въ улицѣ Сентъ-Оноре! Толпы народа бѣгутъ за нами. Парижане не полагали такъ скоро видѣть Государя; радость ихъ становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ пріѣздъ Его Величества для нихъ неожиданнѣе. Многіе смотрятъ на Государя и не узнаютъ Его, а потомъ, подобно человѣку, заключенному въ мрачную темницу, который впервые по освобожденіи видитъ дневное свѣтило, Парижане взываютъ въ восторгѣ: вотъ Александръ! вотъ нашъ избавитель! вотъ Русскіе!

Государь остановился во дворцѣ, называемомъ Элизе-Бурбонъ, гдѣ изволилъ жить и въ прошломъ году. Чрезъ полчаса прибылъ Король Французскій, котораго Императоръ встрѣтилъ на крыльцѣ. Оба Монарха провели вмѣстѣ болѣе часа. Когда они вышли изъ комнаты, въ которой бесѣдовали, то на Государѣ была голубая лента ордена Святаго Духа, и Людовикъ XVIII, обратясь къ намъ, сказалъ Государю: »Ваше Величество, объявивъ »имъ господамъ, что на васъ не лента »Св. Андрея Первозваннаго.« Они разстались, по видимому, ласковѣе и дружнѣе, чѣмъ встрѣтились. Если бы сердце Але-

кландра доступно было самолюбію, по какому удовольствію должно оно было предаваться въ семъ свиданіи, гдѣ онъ являлся въ видѣ наслѣдника покровителя Короля Французскаго, коего предки, въ недавнія еще времена, при всякомъ всякомъ удобномъ случаѣ старалися брать первенство надъ нашимъ Дворомъ!

Послѣ отъѣзда Короля, народъ до самой ночи толпился на улицѣ передъ дворцемъ Элизе-Бурбонъ, гдѣ Государь останавливался и гдѣ Наполеонъ провелъ послѣднее время царствованія своего, и отрекся отъ престола. Никто не занималъ комнатъ его; мебели въ оныхъ въ такомъ же положеніи, какъ онѣ были при немъ; его садовники, нѣсколько привратниковъ и служителей не лишились мѣстъ своихъ; садъ сохраняется въ такомъ же порядкѣ; два лебедя, какъ и при немъ, плаваютъ по чистому пруду. Между тѣмъ, какъ присланные изъ Тюльерійскаго дворца метръ-д'отели въ нарядныхъ кафтанахъ, съ напудренными головами, и украшенные орденами Лиліи, накрывали на столъ и уставляли его отборнѣйшими винами и самыми лакомыми яствами, я ходилъ по компаніямъ Элизе-Бурбонъ, и заглянулъ въ темныя аллеи его сада, ду-

мая, что до послѣдняго вѣка, въ который прекратится существованіе нашего міра, люди будутъ стекаться сюда, размышлять о превратности Царствъ и вспоминать объ Александрѣ, который здѣсь, въ чертогахъ своего соперника, стоя на высшей степени человѣческаго величія, предавался уединенію и возносился мыслію къ небу.

Ежели ничто не можетъ сравниться съ торжественнымъ вступленіемъ нашимъ въ Парижъ въ прошломъ году, когда Государь, послѣ невѣроятныхъ пожертвованій, усилій и побѣдъ, предводительствовалъ своими войсками, и былъ встрѣченъ ожидавшимъ Его милліономъ жителей, то нынѣшній въѣздъ Его Величества въ сію столицу останется не менѣе памятнымъ. Онъ есть единственный въ лѣтописяхъ міра, ибо не слыхано, чтобъ Монархъ въѣзжалъ въ столицу непріятельскую безъ сдшаго воина и съ малымъ только числомъ приближенныхъ особъ, чтобы часъ вступленія его сдѣлался залогомъ общаго спокойствія, и чтобы побѣжденный народъ сказалъ, говоря о своихъ побѣдителяхъ: »Избавители« »ли наши прибыли, и мы спасены.«

ГЛАВА V.

Расположеніе Парижанъ.—Графъ Сегюръ. — Аудіенціи разныхъ лицъ. — Генералъ Сарразенъ. — Переговоры. — Смотры Англійскихъ войскъ. — Живописецъ Жераръ.

Вѣсть о прибытіи Государя въ Парижъ, съ неимовѣрною быстротою разнеслася по городу, и успокоила всѣ сословія жителей на счетъ безопасности ихъ, ибо всѣ различныя партіи, господствовавшія во Франціи, признавали Его своимъ покровителемъ. Онъ возстановилъ Бурбоновъ, оказывалъ уваженіе фамиліи Герцоговъ Орлеанскихъ, покровительствовалъ семейству Наполеонову, и полагалъ преграды неумѣреннымъ требованіямъ нѣкоторыхъ изъ Союзниковъ: Іенскій мостъ тогда же запрещено имъ было взрывать. Крестьяне прилежащихъ къ Парижу селеній, пригнавшіе въ столицу скотъ свой, и перевезшіе въ оную лучшіе пожитки, изъ опасенія, чтo-

бы опѣ недосталися въ руки побѣдителей, узнавъ о прибытіи Государя, немедленно начали возвращаться въ жилища свои.

Я слышалъ подробныя о семъ извѣстія отъ Графа Сегюра, бывшаго Посломъ при Екатеринѣ, въ домѣ котораго для перваго ночлега отвели мнѣ квартиру, ибо комната моя въ Элизе-Бурбонѣ не была еще готова. Онъ меня принялъ посреди многочисленнаго собранія, у него находившагося, и встрѣтилъ сими словами: »Вы еще слишкомъ моло»ды, чтобы помнить то время, когда я »былъ въ Россіи.« Я отвѣчалъ, что пребываніе его оставило въ памяти соотечественниковъ моихъ неизгладимые пріятные слѣды. Хотя я и замѣтилъ, что нѣкоторымъ изъ гостей, преимущественно изъ молодыхъ, не совсѣмъ утѣшительно было смотрѣть на мой Русскій мундиръ: однако же, извиняя сіе весьма естественное чувство народной гордости, я симъ не заботился, и съ часъ слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ разговоры моего почтеннаго хозяина, пользовавшагося расположеніемъ Екатерины, Вашингтона и Наполеона, и который, будучи Посломъ, изгнанникомъ, царедворцемъ

и государственнымъ человѣкомъ, не преставаль обогащать ученый свѣтъ сочиненіями, и такъ устроилъ жизнь свою, какъ будто бы она исключительно посвящена была Наукамъ. Мнѣ кажется, что одно изъ самыхъ пріятныхъ явленій въ мірѣ есть мужъ преклонныхъ лѣтъ, который съ спокойствіемъ взираетъ на закатъ дней своихъ, въ увѣренін жить долго въ памяти людей не по однимъ скоропреходящимъ словеснымъ преданіямъ, но по подвигамъ своимъ, или по произведеніямъ ума и воображенія.

На другое утро Элизе-Бурбонъ наполнился множествомъ иностранцевъ, желавшихъ представиться Государю: тутъ находились и республиканцы, какъ напримѣръ Фуше, которые засѣдали въ кровавомъ судилищѣ Національнаго Конвента, и поклонники различныхъ властей, попеременно обитавшихъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Нельзя было безъ любопытства смотрѣть на лица сіи, коихъ имена были болѣе или менѣе извѣстны по Исторіи послѣднихъ тридцати лѣтъ. Къ обильнымъ происшествіямъ сей достопамятной эпохи недоставало только, кажется, видѣть сихъ людей въ пріемныхъ залахъ Русскаго Монарха, гдѣ они стояли

смѣшавшись съ Прусскими и Англійскими офицерами. Государь обнялъ Блюхера, который, въ продолженіе послѣднихъ войнъ, при каждомъ случаѣ обнаруживалъ особенную свою приверженность къ Императору: »Онъ мой судья, говаривалъ »сей полководецъ: я опъ него принимаю »охотно и выговоры и награды.«—Генералу Цитену, споявшему подлѣ меня, Государь сказалъ: »Я васъ зналъ Капитаномъ въ походѣ 1807 года: тогда мы »были въ другихъ обстоятельствахъ; но »не стыдно признаваться въ неудачахъ »для тѣхъ, которые успѣли воспользо»ваться уроками.«

По окончаніи аудіенціи, явился ко мнѣ человѣкъ во Французскомъ генеральскомъ мундирѣ; это былъ Сарразенъ, извѣстный своими похожденіями и разными военными сочиненіями. Когда онъ объяснилъ причину, по которой онъ ко мнѣ пріѣхалъ, я сказалъ ему, что и я намѣренъ воспользоваться симъ случаемъ, чтобы его просить объ одномъ дѣлѣ. — »Приказывайте,« отвѣчалъ онъ.—Въ предисловіи къ походу въ Испанію, продолжалъ я, вы назвали Князя Кутузова бѣглецомъ изъ подъ Аустерлица. Знаете ли вы, кто таковъ былъ спаситель Россіи? —

Изложивъ ему вкратцѣ жизнь нашего Камилла, я заставилъ его признаться, что онъ не имѣлъ понятія ни о свойствахъ, ни о подвигахъ великаго мужа, и дать мнѣ слово въ слѣдующемъ изданіи — уничтожить сіе неприличное выраженіе.

Въ скоромъ времени Русская армія приблизилась къ столицѣ Франціи, и расположилась въ недальнемъ отъ оной разстояніи; много нашихъ Генераловъ и офицеровъ пріѣхали въ Парижъ; почти у всѣхъ были въ семъ городѣ прошлогодніе знакомыс и связи: человѣкъ такъ легко привыкаетъ къ самымъ чрезвычайнымъ случаямъ жизни, что посѣщать вооруженною рукою Парижъ, и быть тамъ домашнимъ человѣкомъ во многихъ семействахъ казалось иногда самою простою вещію. Поутру находился въ Элизе-Бурбонъ тѣ же самыя лица, которыя прежде съѣзжались въ Секретарской комнатѣ Зимняго дворца; для каждаго начались, какъ бы посреди мира, обыкновенныя занятія по службѣ, по окончаніи которыхъ наслаждались удовольствіями, во множествѣ представляющимися въ Парижѣ. Между тѣмъ Союзныя Державы вели переговоры, душею коихъ былъ Государь, подобно тому, какъ въ продолже-

ніе походовъ Онъ былъ душею всѣхъ военныхъ дѣйствій. Когда придетъ время поднять завѣсу, сокрывающую тайныя пружины происшествій той эпохи, то увидятъ, что вся Европейская политика вращалась около Александра.

Одно, что напоминало нѣкоторымъ образомъ войну, это были маневры, которые производили, въ присутствіи Монарховъ, Прусскія и Англійскія войска, занимавшія Парижъ. Появленіе послѣднихъ на твердой землѣ было столь необыкновенно, что нельзя было на нихъ смотрѣть безъ особеннаго вниманія. Они недавно еще почитались неспособными къ сухопутной службѣ, ибо послѣ Марльбруга прошло уже столѣтіе а нынѣ подвигами своими, подъ предводительствомъ Веллингтона, они заняли мѣсто на ряду съ лучшими арміями. Видъ Англійскихъ солдатъ мужественный; они одѣты покойно, но не красиво; маневрируютъ съ точностію, но одиночная выправка не удовлетворяетъ требованіямъ нашей рекрутской школы; лошади, сбруя, артиллерія въ совершенствѣ. Веллингтонъ отдаетъ повелѣнія свои хладнокровно. Адъютанты его и офицеры его Штаба, коихъ число въ сравненіи съ про-

чими арміями весьма ограниченно, не сустливы, и хотя внѣ службы къ начальнику своему кажутся не совсѣмъ почтительны, но передъ войсками приказанія его принимаютъ съ возможнымъ уваженіемъ, и развозятъ ихъ съ неимовѣрною быстротою на прекрасныхъ лошадяхъ своихъ.

Вмѣстѣ съ Англичанами учился корпусъ Нидерландскихъ войскъ, которыя казались въ ремеслѣ своемъ столь же новы, какъ и самое политическое существованіе Королевства ихъ. Подлѣ нихъ находился обыкновенно отрядъ Брауншвейгскихъ войскъ, одѣтыхъ въ черные мундиры, въ киверахъ, украшенныхъ мертвыми головами, надъ которыми развѣвались черныя перья. Флеровая повязка на рукѣ каждаго офицера и солдата означала трауръ по убитомъ при Катръ-Бра Герцогѣ ихъ, и умножала мрачный видъ ихъ войскъ. Посреди маневрировавшихъ полковъ арміи Веллингтона, множество Англичанокъ съ бодростію ѣздили верхомъ, не страшась пальбы; изъ сихъ островитянокъ двѣ ни на шагъ не отлучались отъ Фельдмаршала. Во время смотровъ, толпы Французовъ съ равнодушіемъ и съ любопытствомъ, которое

можно только объяснить тѣмъ, что они лишены истинныхъ чувствъ народной чести, по нѣскольку часовъ смотрѣли на движенія, производимыя побѣдителями ихъ на тѣхъ самыхъ поляхъ, гдѣ еще такъ недавно видѣли они отечественные орлы свои, съ побѣдою носимые изъ одной столицы Европы въ другую.

Въ одно утро мнѣ надобно было ѣхать къ знаменитому Живописцу Жерару, который писалъ портретъ Государя. Лѣстницы, переднія, галлереи его дома, все обнаруживаетъ жилище Художника: вездѣ древнія вазы, статуи, барельефы. Жераръ, какъ и всѣ его соотечественники, говорилъ о Государѣ съ восхищеніемъ. »Принимаясь за портретъ, сказалъ онъ, я »былъ въ недоумѣніи, какіе предметы по»мѣстить около Императора; ибо Его »Величество не одобрилъ первоначальной »мысли моей — изобразить Его посреди »Парижа. Я намѣренъ былъ представить »равнины Россіи, потомъ думалъ я напи»сать богиню мира съ ея принадлежно»стями; но все это казалось мнѣ обыкно»веннымъ и недостойнымъ единственнаго »мужа, котораго черты надлежало кисти »моей передать потомству; для сего рѣ»шился я начертать только одного

»Александра.« Вотъ какимъ образомъ онъ сіе выполнилъ. Императоръ, въ конномъ зеленомъ мундирѣ, шляпа съ бѣлымъ перомъ лежитъ у ногъ Его, лѣвая рука на эфесѣ шпаги; вокругъ Него свирѣпствуетъ буря; внизу густыя черныя облака; сквозь оныя сверкаетъ молнія, освѣщающая горизонтъ, гдѣ лице Государя является въ свѣтѣ тѣмъ болѣе яркомъ, что свѣтъ сей находится въ рѣзкой противоположности съ мракомъ, покрывающимъ нижнюю часть картины. Видъ Монарха и взглядъ Его важенъ, и хотя сходство неразительно, но характеръ Его выраженъ вполнѣ. Таковымъ видѣли мы Его въ ту минуту, когда, ведя войска на приступъ Лейпцига, Онъ приказывалъ Генералу Толю отправиться къ Саксонскому Королю и требовать, чтобы онъ сдался, или когда подъ Феръ-Шампенуазомъ Онъ атаковалъ лично карэ непріятельскіе, или когда на высотахъ Бельвиля говорилъ съ посланными Парижа. »Я не хотѣлъ, сказалъ Жераръ, »изобразить на устахъ Его улыбку, какъ »сдѣлалъ Изабе, коего миніатюрные порт»треты могутъ служить только для »перстней или шабакерокъ, потому что »мое намѣреніе было представить героя,

»повелѣвающаго вселенной и посящаго въ »себѣ судьбы ея.«

Жераръ водилъ меня по своей масперской и сказалъ: »Вотъ Велисарій, комно»рому я обязанъ тѣмъ, что сдѣлался из»вѣстнымъ; а сія картина познакомила »меня съ Наполеономъ: она предспавляетъ »то мгновеніе Аустерлицкаго сраженія, »когда Генералъ Рапъ доноситъ Импера»тору, что Французскія войска одержали »побѣду. Послѣ окончанія сей картины »Наполеонъ давалъ мнѣ очень много пору»ченій, и я бы былъ неблагодаренъ, если »бы не признавался, сколько я обязанъ »ему и его фамиліи. Я съ нимъ часто »говаривалъ о живописи и нѣсколько разъ »писалъ его портреты; онъ не могъ тер»пѣть, чтобы ему смотрѣли въ глаза.« Въ масперской его находились портреты Короля Прусскаго, погдашняго Наслѣдна-го Шведскаго Принца, Фельдмаршаловъ Веллингтона и Шварценберга, и другихъ знаменитыхъ особъ. Примѣчательно, что Французы, издающіе въ свѣтъ посредспвомъ гравировки и литографіи произведенія своихъ Художниковъ, не вздумаютъ напечатать такимъ образомъ портретовъ Жерара, писанныхъ имъ во время двукратнаго занятія Парижа Союзными вой-

скими. Это происходитъ отъ какой-то застѣнчивости, посредствомъ которой они надѣются, вѣроятно, сокрыть отъ потомства космополитизмъ первостепеннаго ихъ Живописца, коего кисть трудилась надъ изображеніемъ побѣдителей ихъ отечества.

Черезъ мѣсяцъ послѣ въѣзда Государева въ Парижъ, то есть 29 Іюля, третія гренадерская и вторая кирасирская дивизіи входили съ торжествомъ въ сію столицу, и въ другой разъ развѣвались тамъ наши знамена.

ГЛАВА VI.

Состояніе Парижа. — Вѣтреность Французовъ. — Униженіе ихъ. — Военные. — Извѣстіе о взятіи Наполеона. — Судъ надъ Лабедоеромъ. — Чернь Парижская. — Бурбоны. — Герцогиня Орлеанская. — Тюльерійскій дворецъ.

Состояніе Парижа въ 1815 году весьма различествовало отъ того, въ которомъ мы нашли его въ предъидущемъ году. Тогда Французы, утомленные двадцати-пяти лѣтними переворотами и безпрерывными войнами, пожавшими милліоны людей, надѣялись найти ручательство своего спокойствія въ правленіи Бурбоновъ. По сей причинѣ всѣ сословія граждапъ желали возвращенія стариннаго Дома своихъ Королей, хотя не всѣ съ равнымъ усердіемъ и равною къ нимъ преданностью, но всѣ съ одинаковымъ ожиданіемъ кроткаго правленія, соотвѣтствующаго духу времени и положенію, въ которомъ находилося ихъ отечество.

Обманутые въ своихъ надеждахъ, они рукоплескали при появленіи знаменитаго изгнанника съ острова Эльбы, при которомъ надѣялись, ежели не возвратить утраченную славу, искупленную слишкомъ дорогою цѣною, то по крайней мѣрѣ пріобрѣсти твердое правленіе, основанное на началахъ, удовлетворявшихъ ихъ желаніямъ. Но въ семъ случаѣ они нашли сопротивленіе въ Державахъ всей Европы, рѣшительно объявившихъ на Вѣнскомъ Конгрессѣ, что онѣ почитаютъ владычество Наполеона несовмѣстнымъ съ общимъ спокойствіемъ. Побѣда при Ватерло утвердила сіе объявленіе, и Бурбоны возвратились во Францію уже не по единодушному желанію народа, какъ въ прошломъ году, но по волѣ Союзныхъ Монарховъ, отъ чего возникъ духъ междоусобій, распрей и даже вражды въ семействахъ, который мы нашли въ броженіи и который, возрастая постепенно и укрѣпляясь безпрестанно, по прошествіи пятнадцати лѣтъ обрекъ потомковъ святаго Лудовика на вѣчное изгнаніе.

Франція представляла въ семъ отношеніи любопытное зрѣлище, ибо, по врожденному въ насъ свойству, мы охотнѣе смотримъ на народъ, обуреваемый стра-

спями, нежели на страну, гдѣ царствуетъ тишина, подобно тому, какъ мы съ большимъ удовольствіемъ останавливаемся на берегу моря, когда волны сильно воздымаются, нежели когда необъятная поверхность водъ его ничѣмъ не колеблется. Въ это несчастное время вѣтреность Французовъ явилась въ полномъ торжествѣ. Не смотря на то, что столица ихъ и часть Государства были заняты чужестранными войсками, что во многихъ мѣстахъ свирѣпствовали бунты, осаждали крѣпости на сѣверной границѣ и кровь десятковъ тысячъ жертвъ дымилася на поляхъ Линьи и Ватерло, театры и кофейные домы наполнены были народомъ, и радостныя толпы покрывали гульбища. Въ Журналахъ помѣщаемы были статьи столь же обширныя о комедіяхъ, какъ и о священномъ дѣлѣ отечества; бѣлые или красные цвѣты на какой нибудь актрисѣ почитались важнымъ событіемъ и производили жаркіе споры, ибо зрители не соглашалися въ заключеніяхъ, выводимыхъ изъ сихъ цвѣтовъ, къ какой партіи принадлежитъ актриса, къ приверженцамъ ли Бурбоновъ, или бывшаго Императора. Словомъ сказать, ежели бы кого нибудь, незнавшаго предшествовав-

ныхъ происшествій, привезши въ Парижъ, то онъ сказалъ бы, что конечно прошло очень много времени съ тѣхъ поръ, какъ бѣдствія не касались земли, коей городъ сей есть столица.

Нельзя было смотрѣть безъ презрѣнія на равнодушіе Французовъ къ тому унизительному положенію, въ которомъ они находились. Сколько Живописцевъ приносили къ намъ на продажу картины, представляющія вступленіе нашихъ войскъ въ Парижъ и тому подобныя изображенія! Какъ бы поступили у насъ съ Художникомъ, которой бы вздумалъ нарисовать какую нибудь побѣду враговъ Россіи, и поднесъ бы имъ такое произведеніе своей кисти? Даже когда нѣкоторые изъ Союзниковъ брали изъ Парижскаго Музеума обратно картины и статуи, имъ прежде принадлежавшія, то Французы не показывали большаго прискорбія, чему я былъ личный свидѣтель, хотя въ послѣдствіи Писатели ихъ и утверждали противное. Не было власти столь священной, надъ которою бы они не издѣвались. Въ одномъ Журналѣ я нашелъ слѣдующее: »Разсматривая »воинскія склонности народа и ролю по »героическую, то шутовскую, которую

»Франція играла на театрѣ Европы въ »продолженіе двадцати пяти лѣтъ, я ду»маю, что ей необходимо имѣть такого »Короля, который бы умѣлъ хорошо »ѣздить верхомъ, — посему я предлагаю »избрать Королемъ нашимъ берейтора »Франкони!«

Въ сихъ обстоятельствахъ одни военные сохранили нѣкоторое достоинство характера и чувство собственнаго къ себѣ уваженія. Они виновны въ томъ, что пристали къ Наполеону при появленіи его во Франціи съ острова Эльбы, хотя и увѣряютъ, что они руководствовались въ семъ поступкѣ надеждою возстановить утраченную славу ихъ оружія. Не входя въ разсмотрѣніе, до какой степени они преступны, нельзя однако же не отдать справедливости непріятелямъ, долгое время пробывъ насъ сражавшимся, — что они, видя бѣдствія своего отечества, являли въ поведеніи своемъ совершенную противоположность съ прочими своими согражданами. Пріятно было встрѣчать военныхъ, ходившихъ съ мрачнымъ видомъ, и блѣднѣвшихъ при взглядѣ на Русскій мундиръ. Впрочемъ въ этомъ году они были несравненно скромнѣе, нежели въ прежнемъ;

тогда они воображали, что слѣпой случай или измѣна привели насъ въ столицу ихъ; но теперь они убѣдились, что силы Франціи ничтожны передъ силами Союзниковъ. Во всѣхъ случаяхъ они оказывали намъ примѣрную вѣжливость, и не искали, какъ въ прошломъ году, поводовъ къ поединкамъ. Въ Театрахъ они принимали съ восторгомъ всѣ выраженія, относившіяся къ чести Франціи, и заставляли актеровъ повторять тѣ слова, которыя оную напоминали.

Извѣстіе о взятіи Наполеона Англичанами, произвело на нѣсколько дней уныніе въ Парижанахъ: казалося, что они забыли зло, симъ человѣкомъ причиненное, а только сохранили въ сердцахъ признательность за славу, которою онъ ихъ озарялъ. Издатели Журналовъ всѣхъ почти партій, какъ бы по взаимному условію, прекратили свои распри; ненависть на минуту почила при воззрѣніи на несчастіе, постигшее необыкновеннаго человѣка, котораго судьба принудила отдаться въ руки люттѣйшимъ врагамъ его. Послѣдняя особа его семейства, остававшаяся въ Парижѣ, извѣстная любезностію и дарованіями своими Принцесса Гортензія, отправилась нынѣ изъ сей

столицы въ Швейцарію — съ Русскимъ паспортомъ.

Около этого времени обнародованъ былъ списокъ тѣмъ, которые принимали наибольшее участіе въ происшествіяхъ 20 Марта; однихъ приговорили къ изгнанію, а другихъ подвергнули суду, начавшемуся съ Лабедоера, который съ полкомъ своимъ, стоявшимъ въ Греноблѣ, первый перешелъ на сторону Наполеона. Судъ производился публично, и въ засѣданія онаго впускали по билетамъ, которые, какъ примѣтно было, раздавались большею частію иностранцамъ и приверженцамъ Бурбоновъ. Нѣсколько офицеровъ Королевской гвардіи вели себя неблагопристойно, обнаруживая мнѣніи свои смѣхомъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ разсуждаемо было о жизни человѣка. »Взгляните на »послѣдствія его поступка, сказалъ обви»нитель: всѣ узы гражданства во Фран»ціи разторгнуты; она повержена подъ »иго чужеземцевъ, междоусобная война пы»лаетъ повсюду, отечество стоитъ на »краю погибели.« — Предсѣдатель спросилъ Лабедоера, обвиненнаго въ измѣнѣ противу государства, что онъ имѣетъ сказать въ свое оправданіе. Лабедоеръ, прекрасный тридцати-лѣтній мужчина, ода-

решный краснорѣчіемъ, отвѣчалъ: »Не »запираюсь въ преступленіи; но скажу »слабымъ голосомъ смерти, что вина »моя не можетъ отнять у меня чести, »которую я долженъ передать непосрам»ленною женѣ моей и сыну моему. Я обя»занъ ее защищать, дабы сынъ мой, до»стигнувъ до возраста, когда онъ посвя»титъ себя на службу отечества, не »былъ при самомъ вступленіи въ оную »покрытъ стыдомъ.« Онъ старался доказать, что преступленіе можетъ существовать, а человѣкъ, оное совершившій, быть невиненъ; въ примѣръ поставлялъ онъ себя. Для сего онъ предпринялъ изложить положеніе, въ которомъ находилось тогда отечество его; но едва успѣлъ онъ сказать, »что послѣ желаннаго всѣ»ми возвращенія Бурбоновъ общее мнѣніе »начало противъ нихъ обнаруживаться, »оказались повсюду неудовольствія, осо»бенно въ войскахъ,« какъ слушатели изъявили свое неудовольствіе, и Предсѣдатель, прервавъ его рѣчь, совѣтовалъ ему не отступать отъ предмета своего и довольствоваться личнымъ защищеніемъ своимъ. Лабедоеръ замолчалъ, спряталъ бумагу, на которой рѣчь его была написана, и сказалъ: »Топъ, кто многократно

»предводительствовалъ храбрыми людь»ми къ смерти, будетъ умѣть и самъ »оную встрѣтить. Я не говорю, чтобы »я не сдѣлалъ преступленія, въ которомъ »меня обвиняютъ; но утверждаю, что »я не виноватъ и не потерялъ чести. »Мнѣ поручили, присовокупилъ онъ, усми»рить духъ седьмаго линѣйнаго полка, »котораго я былъ начальникъ, но могъ ли я »заставить солдатъ забыть имя полко»водца, водившаго ихъ въ побѣдѣ въ тече»ніе пятнадцати лѣтъ?«

Въ одномъ Журналѣ, который въ продолженіе сего суда принималъ сторону обвиненнаго, была помѣщена между прочимъ слѣдующая статья, обнаруживающая духъ, господствовавшій во Франціи: »Лабедоеръ служилъ въ молодыхъ лѣтахъ »подъ знаменами Наполеона. Лудовикъ XVIII »извѣстенъ ему сталъ только за десять »мѣсяцевъ. Прежній Монархъ его, кото»раго отреченіе отъ престола казалося »ему вынужденнымъ, являлся предъ нимъ. »Онъ привыкъ долгое время почитать »законнымъ Государемъ того, котораго »всѣ Державы таковымъ признали, и мы»сли сіи пробуждаютъ въ немъ еще не»угасшую къ нему привязанность. Блескъ »воинской славы прежняго его Монарха

»опъ започенія и несчастія возвеличи»вается въ глазахъ его приверженныхъ, и »дѣйствуетъ на пламенное воображеніе, »которое увѣряетъ ихъ, будто онъ »повинуется гласу долга, въ то самое »время, когда они попираютъ ногами свя»щеннѣйшія обязанности. Нельзя въ одинъ »день истребить предразсудковъ своихъ, »перемѣнить мнѣнія, наклонности и образъ »мыслей, справедливо или ложно основан»ныхъ, но укрѣпленныхъ временемъ. Въ »семъ состоитъ его истинное престу»пленіе, но всѣ Французы оное раздѣляли.«

Таковыя выраженія и подобныя имъ, помѣщаемыя въ другихъ ежедневныхъ Вѣдомостяхъ, имѣли цѣлію не столько оправдывать обвиненныхъ, сколько раздувать пламень раздоровъ, усиливавшійся еще по той причинѣ, что вслѣдъ за казнію Лабедоера начали судить сообщниковъ его, въ числѣ коихъ находился и Маршалъ Ней, чтимый во Французской арміи однимъ изъ храбрѣйшихъ Генераловъ. Хотя доказательства вѣтрености высшаго и средняго сословій Парижанъ, были очевидны, однако же не надобно было терять изъ вида, что въ Парижѣ находилося двѣсти тысячъ человѣкъ, неимѣвшихъ ни Вѣры, ни чести, ни на-

дежнаго пропитанія, и возросшихъ посреди кровопролитій революціи, которыхъ легко можно было взволновать: развратная чернь сія, способная на всякія преступленія, имѣла по ночамъ сходбища въ предмѣстіяхъ города, издѣвалася на улицахъ надъ солдатами Королевской гвардіи, съ жадностію внимала чтенію Журналовъ, издаваемыхъ демагогами, и при всякомъ случаѣ оказывала неуваженіе къ законному своему Правительству. Положеніе многочисленной необузданной толпы сей, содержимой въ уздѣ присутствіемъ Союзныхъ армій, можно было уподобить хищному звѣрю, гложущему цѣпь, къ которой онъ прикованъ, но готовому при первой возможности предаться врожденной ярости своей. Въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ, Государь, получавшій нерѣдко разнаго рода предосперегательныя извѣстія, не подавалъ вида, чтобы Онъ чего либо опасался: ходилъ по Парижу пѣшкомъ, прогуливался ежедневно по Елисейскимъ полямъ верхомъ, въ сопровожденіи одного только конюшаго, и ѣздилъ по городу въ каретѣ, запряженной двумя лошадями, съ двумя лакеями Французами, и съ кучеромъ Французомъ же, безъ всякаго прикрытія. Караулъ въ

Элизе-Бурбонъ содержали попеременно Прусаки и Англичане, и только на ночь присоединяли къ нимъ со стороны сада нѣсколько лейбъ-казаковъ.

Бурбоны жили уединенно, какъ и въ первый годъ своего возвращенія въ Парижъ: окруженные своими приближенными, неоставлявшими ихъ въ изгнаніи, они казались странниками посреди народа, надъ коими предки ихъ владычествовали многія столѣтія. Лудовикъ XVIII былъ вообще уважаемъ, но члены его семейства не пользовались приверженностію народа; я видѣлъ Французовъ, бившихся объ закладъ, что по выступленіи Союзныхъ войскъ изъ Франціи, они не удержатся на престолѣ своемъ. Мнѣ случилося въ это время имѣть порученіе къ вдовствующей Герцогинѣ Орлеанской, супругѣ извѣстнаго въ революціи Эгалите, почитавшейся одною изъ умнѣйшихъ особъ Королевской фамиліи. Она была за столомъ, когда я пріѣхалъ, но велѣла меня тотчасъ къ себѣ пригласить, и посадила меня подлѣ себя: между тѣмъ, какъ она читала письмо, которое я ей вручилъ, я могъ взглянуть на особъ, составлявшихъ ея общество. Тутъ находились единственно старики, которыхъ, по пла-

тью и по пріемамъ, легко было признать за придворныхъ, образовавшихся въ Версальскихъ передпихъ. При семъ родилась естественно мысль, что ежели общество отличнѣйшей особы дома, столь близкаго по родству съ Бурбонами, заключалося въ людяхъ, чуждыхъ своему вѣку и понятіямъ своихъ современниковъ, то каково же оно должно быть у прочихъ лицъ сего семейства?

Любопытство завело меня однажды въ Тюльерійскій дворецъ. Я видѣлъ опый въ царствованіе Наполеона, окруженный пѣшими и конными часовыми его гвардіи, отличавшейся воинскою осанкою. Теперь около него не было никого, кромѣ толпы праздныхъ людей, прогуливавшихся по саду и по Каруселской площади. Въ передней залѣ стоялъ караулъ, и трое гвардейцевъ, отроческихъ лѣтъ, вызвались быть моими вожатыми; но они не знали дороги въ семъ огромномъ замкѣ, и едва мы вступили во вторую компашу, какъ престарѣлый кавалеръ ордена Святаго Лудовика закричалъ: »сюда не ходятъ!« и даже не приподнялся со стула, хотя я ему показалъ свой билетъ, на которомъ написано было, что я Капитанъ гвардіи Россійскаго Им-

нератора, то есть Монарха, по милости котораго дворецъ сей возвращенъ былъ законнымъ своимъ владѣльцямъ. На карнизахъ, на дверяхъ и на люстрахъ сіяли вензеля Наполеоновы, а на стѣнахъ висѣли картины, изображающія его походы, о которыхъ проводники мои не имѣли ни какого понятія. Такимъ образомъ, когда мы остановились подлѣ картины сраженія Прейсишъ-Эйлаускаго, они говорили мнѣ съ увѣренностію, свойственною Французамъ, что это одна изъ битвъ Египетской войны. По дворцу ходило нѣсколько военныхъ, неопрятно одѣтыхъ; между ними я не встрѣтилъ ни одного спесивнаго человѣка. Комнаты были не чисты, мебель стояла не на своихъ мѣстахъ, и все являло видъ какого-то неустройства и разрушенія.

ГЛАВА VII.

Смотръ при Вертю 26 Августа. — Второй смотръ 29 Августа. — Обѣдня въ лагерь. — Иностранцы, находившіеся въ Вертю. — Обѣденный столъ для Русскихъ.

Прежде возвращенія арміи нашей изъ Франціи, Государю угодно было сдѣлать ей общій смотръ, при которомъ не могъ покмо быть корпусъ Графа Ланжерона, расположенный около Французскихъ крѣпостей. Первоначально положено было произвести оный въ началѣ Августа подъ Феръ-Шампенуазомъ, гдѣ въ прошломъ году одержана побѣда надъ Французами; но потомъ отмѣнили сіе на нѣсколько недѣль для того, чтобъ дать время крестьянамъ убрать съ полей хлѣбъ, и вмѣсто Феръ-Шампенуаза, избрали въ Шампани, близъ города Вертю, лежащаго между Эпернеемъ, Бріеномъ и Шалономъ, необозримую равнину, посреди которой находится гора, называемая Мон-

шемс. Между шѣмъ, какъ армія туда собиралась, въ Главной квартирѣ дѣлали чертежи, какъ разставить войска и какія имъ производить движенія, и составляли командныя слова для каждаго корпуса порознь. Государь лично входилъ во всѣ подробности, до сего смотра касающіяся, ибо Онъ хотѣлъ представить армію Свою передъ глаза и, такъ сказать, на судъ всей Европы.

25 Августа Его Величество отправился изъ Парижа въ Вертю. На другой день, то есть Августа 26 былъ примѣрной смотръ, на которомъ никого, кромѣ Русскихъ, не находилось; а 29го былъ другой, въ присутствіи Союзныхъ Государей и множества иностранцевъ, которыхъ для сего пригласили; 30го же церковный парадъ. Въ строю было семь конныхъ и одиннадцать пѣхотныхъ дивизій, три полка казаковъ, двѣ роты піонеръ, одна рота саперовъ и пять-сотъ сорокъ орудій, всего 150.554 человѣка, въ числѣ конныхъ восемьдесятъ семь Генераловъ, 433 Штабъ-офицеровъ и 3980 Оберъ-офицеровъ.

26го. Въ шесть часовъ утра мы поѣхали на гору Монтемс, передъ которою выстроена была армія слѣдующимъ обра-

зомъ: кор-де-баталь состоялъ изъ трехъ пѣхотныхъ корпусовъ, расположенныхъ въ три линіи. Правымъ крыломъ начальствовалъ Дохтуровъ, лѣвымъ Раевскій, а центромъ Сакенъ. За ними находились впорая драгунская дивизія подъ начальствомъ Корфа, за которою стояли въ резервѣ гренадерскій корпусъ Ермолова и пѣхотный Сабанѣева, и два кавалерійскіе корпуса подъ командою Винценгероде и Графа Палена. Въ семъ порядкѣ мы увидѣли армію, занимавшую пространство на нѣсколько верстъ, и ожидавшую съ благоговѣніемъ пріѣзда Государева. Ясное небо и лучи солнца, отражаемые оружіемъ, придавали зрѣлищу сему необыкновенный блескъ, и всѣ были поражены столько симъ величественнымъ зрѣлищемъ, что когда въѣхавши на Монтеме, взглянули на армію, то произошло невольное молчаніе, а послѣ показалась на устахъ каждаго улыбка, означавшая, что всякой гордился быть Русскимъ. Сигналы для команды дѣлаемы были пушечными выстрѣлами изъ орудія, стоявшаго на Монтеме. Первый выстрѣлъ возвѣстилъ прибытіе Государя; войска взяли ружье на плечо; по впорому сдѣлали на карауль; громкое ура раздалось по рядамъ,

зайграла музыка и загремѣли барабаны и трубы. По третьему выстрѣлу взяли на плечо, и построились въ баталіонныя колонны, а по четвертому вся армія начала строить каре, коего три стороны состояли изъ пѣхоты, а четвертая изъ конницы; передъ одною изъ пѣхотныхъ линій стояло десять ротъ конной артиллеріи. Государь въ сіе время спустился съ горы, и объѣхавъ, при радостныхъ кликахъ, весь каре, остановился въ срединѣ онаго; армія прошла церемоніяльнымъ маршемъ мимо Его Величества, сперва гренадеры, потомъ линѣйная пѣхота, за оною конница, а въ слѣдъ конная резервная артиллерія. Послѣ сего Государь изволилъ возвратиться на Монпосме, а войска стали въ тотъ же боевой порядокъ, въ коемъ были съ самаго начала, по пушечному выстрѣлу сдѣлали на караулъ, и снова загремѣла музыка и барабаны, и снова ура наполнило воздухъ.

Нѣтъ примѣра, чтобы столь великое число войскъ было собрано для смотра, и никогда смотръ не происходилъ за нѣсколько тысячъ верстъ отъ отечества, въ землѣ, не задолго еще почитавшейся непобѣдимою! Что передъ онымъ лагерь Булонскій? Невозможно видѣть лучшей

опрятности людей, совершенія оружія, общаго устройства и наружной красоты. Полки доведены до такого совершенства, что они всѣ равны; нельзя сказать, чтобы одинъ былъ лучше другаго. Русскіе офицеры почти избалованы почтеніемъ, съ какою производится у насъ движеніе войскъ; но построенія, которыя произведены въ этотъ день, превзошли наши чаянія. Нѣкоторымъ пѣхотнымъ полкамъ надлежало при образованіи карея проходить три съ половиною версты; конная артиллерія неслась по сему пространству во весь опоръ; но порядокъ и быстрота, съ которыми войска слѣдовали къ назначеннымъ имъ мѣстамъ, доказали, что всѣ и каждый знаетъ свое дѣло. Удивительнѣе всего было, что углы карея составлялись въ одно время какъ будто при баталіонномъ ученіи, и что въ продолженіе церемоніальнаго марша, которымъ проходило болѣе сто семи тысячъ пѣхоты, ни кто не сбился съ ноги. Увѣренность въ себѣ была написана на лицахъ воиновъ: изъ устъ ихъ, кажется, вырывались слова: »кто противъ насъ?« Нѣтъ сверхъ того въ Европѣ и не было арміи, въ которой бы находилося столько отличныхъ офицеровъ и искусныхъ

Полководцевъ, коихъ я не называю, ибо имена многихъ принадлежатъ Исторіи. Государь былъ столь доволенъ смотромъ, что сказалъ: »Я вижу, что Моя армія »первая въ Свѣтѣ; для нея нѣтъ ничего »невозможнаго, и по самому наружному »ея виду ни какія войска не могутъ съ »нею сравниться.«

Вдали видно было поле сраженія Феръ-Шампенуазскаго, которое напоминало одинъ изъ блистательныхъ подвиговъ нашего оружія, особенно для личной славы Александра. Но, при всемъ торжествѣ, можно ли было забыть о Бородинскомъ сраженіи, которому тогда минуло ровно три года? Въ то время села и города пылали отъ Нѣмана до береговъ Москвы рѣки, и на пространствѣ семъ текла кровь Россіянъ. Противу неслыханнаго ополченія враговъ, предводительствуемыхъ вождями, образованными въ побѣдоносныхъ станахъ, заслоняли сто пятнадцать тысячъ нашихъ воиновъ домы сограждан, честь имени своего, гробы родителей, законы, славу и независимость, пріятыя отъ предковъ. Что прочія сраженія противъ Бородинскаго? Что самый день Лейпцигскій, въ который непріятель искалъ не лавровъ, но

спасенія, гдѣ онъ токмо мыслилъ, какъ бы съ честію перейти въ Рейнъ, гдѣ слабѣе въ силахъ, нежели противники его, онъ былъ оставленъ Союзниками своими, и не имѣлъ въ дѣлѣ тѣхъ полчищъ, которыя прежде славились непобѣдимыми, и потомъ истреблены въ Смоленскѣ, въ Тарутинѣ, въ Маломъ Ярославцѣ и въ Красномъ, которыхъ кости сожигаемы были въ кострахъ, а пепелъ разнесенъ вѣтрами далеко отъ земли Русской? При Бородинѣ была битва народовъ, Россіи съ Европою. Если бы грудь Росссіянъ была менѣе тверда, и мудрость Смоленскаго менѣе испытана, то дерзкій иностранецъ, взирая съ Кремлевскихъ стѣнъ на плѣненную столицу, сказалъ бы: »Держава Петра, Екатерины и Александра »была славна, но она сокрушилась подъ »ударами соединенной Европы.«

Сколькихъ героевъ уже нѣтъ посреди арміи сей, которые въ тотъ незабвенный день были оплотомъ отечества! думалъ я, пробѣгая взорами ряды войскъ. Нѣтъ Багратіона, любимца побѣды; нѣтъ Тучкова, Кутайсова, нѣтъ многихъ тысячъ ихъ сподвижниковъ. Можетъ быть, потомство не воздвигнетъ вамъ памятника на томъ мѣстѣ, гдѣ вы пали, но

по крайней мѣрѣ черезъ нѣсколько вѣковъ на холмахъ, орошаемыхъ Колочею, сооружится скромная часовня, имена ваши вырѣжутся на мѣдной доскѣ; странникъ позднихъ лѣтъ будетъ читать ихъ при тусклóмъ свѣтѣ лампады и унесетъ съ собою въ дальнія страны горсть земли, съ которою смѣшался священный прахъ вашъ. Матери, сестры, невѣсты падшихъ въ битвѣ Бородинской, вы, которыя надъ могилою храбрыхъ проливаете въ сей день слезы и возсылаете моленія къ Нему о успокоеніи душъ ихъ, къ вамъ взываю я! Да слава отечества вашего, симъ войскомъ до вышней степени вознесенная, исполнитъ сердца ваши увѣреніемъ, что месть постигла враговъ, отъявшихъ въ горестное для Россіи время жизнь родныхъ вашихъ и любезныхъ. Въ возмездіе врагамъ, на собственныхъ поляхъ ихъ, празднуемъ мы славу Россіи; воины наши попираютъ ихъ нивы, знамена наши развѣваются на равнинахъ Шампаня, и эхо горъ непріятельскихъ принуждено повторять радостное ура, безпрестанно войскомъ произносимое.

На другой и на третій день городокъ Вершю наполнился любопытными изъ всѣхъ состояній и военными въ мунди-

рахъ всѣхъ Европейскихъ Державъ; изъ Парижа пріѣхало много купцевъ съ товарами разнаго рода, и наши маркитанты открыли свои подвижныя лавки посреди лагеря, гдѣ день и ночь все было въ величайшей дѣятельности; всякой начальникъ отдѣльной части войскъ соревновалъ превзойти своихъ товарищей. Въ числѣ почетныхъ иностранцевъ, пріѣхавшихъ въ Вертю, находилося много строгихъ наблюдателей, желавшихъ лично удостовѣриться въ состояніи нашей арміи, потому что съ давняго времени иностранцы, по какому-то предубѣжденію, привыкли почитать силы Россіи преувеличенными.

29 *Августа.* Смотръ происходилъ въ томъ же порядкѣ, какъ и 26го, съ тою разницею, что въ присутствіи множества иностранцевъ, прибывшихъ изъ Парижа, изъ Голландіи, изъ Лондона и изъ другихъ мѣстъ. Съ самаго утра Государь находился на Монтеме, передъ которымъ выстраивалась армія, и лишь только завидѣлъ Короля Прусскаго, обнажилъ шпагу, поѣхалъ къ нему на встрѣчу, вручилъ ему строевой порядокъ, а потомъ отдалъ сію же самую почесть Императору Францу. Начальникъ Штаба Его Величества представилъ строевые рапорты

Фельдмаршаламъ Веллингтону, Шварценбергу и Вреде. Во время церемоніяльнаго марша Государь лично предводительствовалъ армією, и салютовалъ Союзныхъ Монарховъ; Великіе Князья Николай Павловичъ велъ бригаду гренадеръ, а Михаилъ Павловичъ командовалъ пятью ротами конной артиллеріи. Когда Монархи и особы, сопровождавшія ихъ, возвратились послѣ церемоніяльнаго марша на Монтеме, и войска выстроились въ прежній боевой порядокъ, открылся пушечный и ружейный огонь, продолжавшійся двѣнадцать минутъ; воздухъ покрылся дымомъ, за которымъ армія мало по-малу исчезала и наконецъ совсѣмъ закрылась.

Иностранцы были въ удивленіи: съ изумленіемъ смотрѣли они на густые ряды войскъ, проходившихъ мимо ихъ въ неимовѣрномъ устройствѣ. Я неоднократно подъѣзжалъ къ нимъ и вслушивался въ разговоры ихъ, не бывъ ими примѣчаемъ, и всякой разъ слышалъ слова ихъ, что они съ трудомъ вѣрили глазамъ своимъ. Веллингтонъ сказалъ, »что онъ »никогда не воображалъ, чтобы армію »можно было довесши до толь великаго »совершенства.« Онъ съ такимъ вним-

шіемъ считалъ число войскъ, что послѣ смотра замѣтилъ, что въ одномъ конномъ полку не доставало эскадрона, и признался, что онъ полагалъ, видя въ Парижѣ нашу претью гренадерскую дивизію, будто люди для нея были выбраны изъ всей арміи, и что прочія войска не могли съ нею равняться. Каково долженствовало быть его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что ни одна дивизія не уступала гренадерамъ! Сиръ Сидней Смитъ, съ обыкновеннымъ ему чистосердечіемъ объявилъ, что смотръ сей есть урокъ, даваемый Императоромъ Россійскимъ прочимъ народамъ.

30 *Августа.* Въ день Александра Невскаго, солнце при самомъ восхожденіи обѣщало благопріятнѣйшую погоду. Посредп прелестной долины, окруженной цѣпью невысокихъ горъ, приготовлено было, по числу корпусовъ, семь палатокъ для Богослуженія; передъ каждою былъ выстроенъ корпусъ, конница безъ лошадей, пѣхота безъ ружей. Государь прибылъ къ гренадерамъ въ восьмомъ часу утра, когда шуманъ покрывалъ горизонтъ; но онъ мгновенно разсѣялся, и представилось зрѣлище, небывалое въ свѣтѣ. Сто пятьдесятъ тысячъ побѣдоносныхъ вои-

повъ, говорящихъ однимъ языкомъ, исповѣдующихъ одну Вѣру, пришедъ изъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ Европы въ нѣдра Франціи, ожидаютъ въ безмолвіи не звуковъ веселія, не зову къ кровопролитному бою, но гласа молящихся пастырей, дабы излить сердце свое предъ Всевышнимъ. Началась служба; благоговѣйные звуки священныхъ пѣсней повторялись отголосками; воинство преклонило колѣна, и смиреніемъ своимъ доказало, что оно столь же благочестиво предъ Создателемъ, сколь ужасно въ битвахъ.

Во все время пребыванія нашего въ Вертю были у Его Величества обѣденные столы въ саду, въ которомъ палатки, украшенныя гирляндами и разноцвѣтными огнями, устроены были нарочно славнымъ Архитекторомъ Фонтеномъ. Странная игра судьбы! Архитекторъ сей былъ любимецъ Наполеона, который съ нимъ не рѣдко совѣтовался о сооруженіи памятниковъ, долженствовавшихъ увѣковѣчить царствованіе его. Въ первый день угощали иностранцевъ, въ числѣ которыхъ именитѣйшіе были слѣдующіе: *Австрійцы:* Императоръ Францъ, Наслѣдный Принцъ, Эрцгерцоги: Лудовикъ, Максиміанъ и Фердинандъ, Фельдмаршалъ Князь

Шварценбергъ, Генералы Дука, Радецкій и Лангенау, Князь Лихтенштейнъ и Графы: Вальмоденъ, Гардекъ и Сенъ-Жюліенъ, Оберъ-Гофмаршалъ Графъ Врбна и Оберъ-Штальмейстеръ Графъ Траутмансдорфъ. *Прусаки:* Король, Наслѣдный Принцъ, Принцъ Вильгельмъ, Принцъ Мекленбургъ-Стрелицкій, Генералы: Графъ Тауэнцинъ, Гнейзенау, Кнезебекъ, Цитенъ, Лотумъ, Шеллеръ, Пирхъ, Вольцогенъ и Военный Министръ Бойенъ. *Англичане:* Герцогъ Веллингтонъ, Послы: Лордъ Кашкартъ и Лордъ Стуартъ, Генералы: Гиль, Колъ, Колонль, Мурай, Кемптъ, Майтландъ, Оллашанъ, Пактъ и Адмиралъ Сиръ Сиднеи Смитъ. *Баварцы:* Принцъ Карлъ, Фельдмаршалъ Князь Вредс, Генералы Бекерсъ, Сейдвицъ, Майлотъ и Пашенгеймъ. *Виртембергскій* Наслѣдный Принцъ; Принцъ *Оранскій* и при немъ Генералъ Фагель. *Баденскій* Генералъ Стокгорнъ; *Шведскій* Посланникъ Графъ Левенгельмъ; *Французы:* Дюкъ де Ришелье и Баронъ Дамасъ; сверхъ того Герцогъ *Кобургскій* и братъ его Принцъ Леопольдъ, Принцъ *Гессенъ-Гомбургскій* и многіе другіе.

На слѣдующій день приглашены были къ обѣду Русскіе Генералы, а въ послѣдній, когда иностранцы отправился обра-

но въ Парижъ, были кромѣ нашихъ Генераловъ, Командиры полковъ и артиллерійскихъ ротъ и Корпусные Оберъ-Квартирмейстеры; за столомъ находилось болѣе трехъ сотъ особъ. Трудно было видѣть почтеннѣе собранія; въ немъ заключалось могущество и слава Россіи, коей сіи офицеры были достойные представители. Бурные послѣдніе годы сосдиняли ихъ вмѣстѣ: они дѣлили труды и побѣды, они презирали голодъ и непогоды, проходили горы, рѣки и царства, гдѣ предки ихъ никогда не бывали; теперь, благодаря подвигамъ своимъ, они разставалися на долгое время; на лицахъ сихъ отличныхъ мужей начертана была радость, что каждый изъ нихъ исполнилъ обѣтъ свой. Государь передъ столомъ и послѣ онаго подходилъ почти къ каждому изъ сподвижниковъ своихъ, благодарилъ ихъ отъ искренняго сердца и въ такихъ выраженіяхъ, которыя каждому останутся незабвенны. Многіе были глубоко тронуты, и я видѣлъ слезы на глазахъ нѣкоторыхъ: воинъ, сохранившій посреди разсѣянности становъ и между громовъ сраженій чувствительность, будетъ въ дни мира примѣрнымъ гражданиномъ. Покойтесь на лаврахъ вашихъ,

Русскіе офицеры! Вы одни могли совершить то, чему вселенная изумляется; гордитесь содѣяннымъ вами; поздніе потомки будутъ повѣствовать о васъ; да будетъ на всю жизнь воспоминаніе минувшихъ дней залогомъ вашего счастія!

ГЛАВА VIII.

Виды смотровъ Вертю. — Анекдотъ о Наполеонѣ. — Возвращеніе въ Парижъ. — Окончаніе похода 1815 года. — Параллель между Александромъ и Наполеономъ.

Когда иностранцы, бывшіе въ Вертю, разъѣхались, Государь занимался лично выборомъ людей въ гвардію и въ гренадеры; провелъ весь день въ полѣ, былъ отмѣнно веселъ, подъѣзжалъ къ каждому полку, привѣтствовалъ ихъ и наградилъ многихъ Генераловъ. Чтобы сохранить память происходившаго въ Вертю, былъ приглашенъ туда изъ Парижа Живописецъ Пажетти, извѣстный двумя картинами, изъ коихъ одна изображаетъ переходъ непріятельскихъ войскъ черезъ Нѣманъ, а другая молебствіе, бывшее въ Парижѣ въ 1814 году на площади Людовика XV. Онъ нарисовалъ шесть различныхъ видовъ смотровъ, обѣдовъ и литургіи въ Вертю: такимъ образомъ Худож-

нику сему предоставлено было начертать начало великой войны, и окончаніе оной, совершившееся на поляхъ Шампаніи. Счастливъ Писатель, которому удастся передать потомству происшествія сихъ трехъ лѣтъ съ безпристрастіемъ и краснорѣчіемъ Историка!

Архитекторъ Фонтенъ, о которомъ упомянуто было, что онъ устроивалъ садъ и палатки для угощенія, сказывалъ мнѣ, что Наполеонъ прельстился видомъ Москвы, и часто ему про оную говаривалъ. »Сколько колоколень въ Парижѣ,« спросилъ онъ у него однажды? — Немного болѣе десяти, отвѣчалъ Фонтенъ. — »Что это прошивъ Москвы, — возразилъ »Наполеонъ,—гдѣ ихъ сопши; велите вы»золотить куполъ пивалидной церкви.« Приказаніе его было исполнено; но гордый завоеватель, отдавая оное, не воображалъ, что позолота сія, доколѣ она не исчезнетъ, будетъ каждому Русскому, заведенному любопытствомъ или другимъ случаемъ въ Парижъ, напоминать Москву и 1812 годъ, которому нѣтъ равнаго въ лѣтописяхъ міра.

31 Августа вечеромъ мы выѣхали изъ Верпио; скоро взошелъ мѣсяцъ и осребрилъ берега Марны; ночь была прекрас-

нал, и въ моихъ глазахъ довершало прелесть ея множество Русскихъ колясокъ, обгонявшихъ одна другую и ѣхавшихъ по Франціи съ Русскихъ маневровъ. На другое утро мы возвратились въ Парижъ. Такъ кончился походъ сего года, не стоившій арміи нашей почти ни одного выстрѣла, но который пребудетъ важенъ для отечества нашего, потому, что всѣ Державы полагали, что безъ участія Россіи онѣ не могли противиться предпріятіямъ того человѣка, который въ теченіе двадцати лѣтъ, наполнивъ ужасомъ имени своего сосѣднія Франціи земли, поработилъ одну за другою. Когда вновь общая безопасность была угрожаема по отплытіи его съ острова Эльбы, армія наша выступила первая изъ мѣстъ своего расположенія, быстро прошла Германію, и находилася уже на Рейнѣ въ минуту начатія военныхъ дѣйствій, и наконецъ подъ Вернію предстала на судъ Европы, которую она тѣмъ болѣе изумила устройствомъ и многочисленностію своею, что являлась въ семъ блестящемъ видѣ послѣ трехъ самыхъ многотрудныхъ и изнурительныхъ походовъ.

Здѣсь прилично помѣстить параллель

между двумя величайшими мужами нашего времени, Александромъ и Наполеономъ. Появленіе обоихъ въ политическомъ мірѣ было ознаменовано рѣдкими умственными ихъ способностями. Съ перваго шага ихъ на поприщѣ дѣятельности, они обратили на себя всеобщее вниманіе и заняли первыя мѣста въ современной Исторіи. Въ продолженіе жизни ихъ, на мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ ихъ была основана участь вселенной. Наполеонъ явилъ себя въ Италійскихъ походахъ великимъ Полководцемъ, а Александръ, будучи тогда еще Наслѣдникомъ Престола, подавалъ надежду содѣлаться образцемъ кротких добродѣтелей, каковымъ Онъ при вступленіи своемъ на царство дѣйствительно и оказался. Поступки перваго ознаменованы были нѣсколько лѣтъ необыкновенными воинскими доблестями; онъ угрожалъ своею предпріимчивостію и желѣзною волею въ исполненіи своихъ предначертаній, сдѣлаться бичемъ Европы и испровергнуть существовавшій порядокъ. Внимая со вниманіемъ въ узаконенія, изданныя Александромъ въ первые годы Его царствованія, вы найдете черты, которыя могли бы послужить украшеніемъ вѣка Траяцова и Антонинова.

Одинъ производилъ удивленіе, другой исторгалъ слезы радости у друзей человѣчества. Необыкновенныя событія, коимъ мы были свидѣтели, не умедлили противупоставить сихъ мужей одного другому; борьба продолжалася ровно десять лѣтъ, то есть съ Аустерлицкаго сраженія до вторичнаго вшествія Россіянъ въ Парижъ: это была брань зла съ добромъ, генія войны съ геніемъ мира, и сей послѣдній одержалъ совершеннѣйшую побѣду. Испощивъ всѣ способы снисхожденія, онъ облекся въ силу нравственную; непоколебимость его и постоянство, внушенныя убѣжденіемъ въ правотѣ дѣла его, сокрушили его противника. Наполеонъ въ неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ являлъ малодушіе, а Александръ въ роковой 1812 годъ сохранилъ твердость духа, которой Россія обязана своимъ торжествомъ, и слова: »не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ землѣ моей,« — послужили основаніемъ новой эпохи для Россіи и для Европы. Во время сей десятилѣтней, почти баснословной войны, слѣды Наполеона были ознаменованы, такъ сказать, огненною чертою; Александръ посреди враговъ своихъ

являлся благодѣтелемъ ихъ крал. Въ завоеванныхъ столицахъ Наполеонъ грабилъ дворцы Монарховъ, предавался мщенію и не зналъ мѣры своей надменности. За опустошеніе многихъ областей Россіи, за пожаръ Москвы и за взорванный Кремль Александръ заплатилъ спасеніемъ столицы Франціи, и изумленные Его великодушіемъ непріятели провозгласили Его Царемъ Царей. Ежели бѣдствія, угрожавшія Россіи, не поколебали Его въ 1812 году, то онъ въ Парижѣ показалъ небывалый примѣръ въ лѣтописяхъ міра, что неслыханныя до того побѣды не вселили въ него другаго чувства, кромѣ кротости къ врагамъ и смиренія предъ Богомъ. Сокрушивъ своего противника, долгое время непобѣдимаго, Онъ не мстилъ падшему съ неизмѣрной высоты, и сей, на ужасной скалѣ, о крутые берега коей разбиваются съ шумомъ волны разъяренаго Океана, покрытый проклятіями полсвѣта, слышалъ слова утѣшенія отъ одного только Александра, которой поручилъ посланному своему на островѣ Св. Елены по возможности облегчать участь плѣнника. »Вы единственное про»видѣніе, оставшееся на землѣ для семей»ства нашего,«—писалъ въ 1814 году брать

Наполеона, Лудовикъ, къ Государю. Когда Александръ принялъ бразды правленія Европы, Онъ учредилъ Христіанскій Союзъ, и основалъ всеобщій миръ, поддерживаемый имъ всѣми силами, которыя представляла ему обширнѣйшая въ свѣтѣ Имперія. Во время могущества Наполеонова, безчисленныя арміи его блуждали по Европѣ, подобно сынамъ Израиля, покоряя одно государство за другимъ, но милліонъ войскъ, содержимыхъ Александромъ, за что столь несправедливо современники дѣлали Ему упреки, употреблены были исключительно на упрежденіе мира Да и можно ли было послѣ двадцати-пяти-лѣтнихъ волненій не имѣть Ему обнаженнаго оружія, тѣмъ болѣе, что въ разныхъ мѣстахъ показывалися мятежи, какъ то: въ Неаполѣ, въ Піемонтѣ и въ Испаніи; но они по мановенію Александра исчезали, и Европа, коей дѣла Онъ принялъ въ свою опеку, наслаждалася двѣнадцати-лѣтнимъ миромъ. »Александръ есть мой настоящій преемникъ,« сказалъ Наполеонъ на островѣ святой Елены. Онъ правъ; но Александръ, приявъ Диктаторскую власть въ Европѣ, уподоблялся ясному небу, которое, послѣ свирѣпыхъ бурь, колебав-

шихъ море и угрожавшихъ мореходцу погибелью, даруетъ ему счастливое плаваніе, и несомнѣнную надежду вскорѣ увидѣть берегъ своего отечества. Оба угасли въ цвѣщѣ лѣтъ, далеко отъ столицъ, ими украшенныхъ, ими преобразованныхъ, одинъ подъ знойнымъ Африканскимъ небомъ, а другой на берегахъ Азовскаго моря, почти на предѣлахъ Азіи; одинъ умеръ въ цѣпяхъ, а другой почилъ сномъ праведныхъ.

ГЛАВА IX.

Приготовленія къ отъѣзду. — Выѣздъ изъ Парижа. — Перонпъ. — Камбре и Валансіенъ. — Генералъ Фуль. — Брюссельскій Дворъ. — Поле Ватерловскаго сраженія. — Дорога изъ Брюсселя въ Дижонъ.

Въ первыхъ числахъ Октября мѣсяца мы начали дѣлать приготовленія къ отъѣзду изъ Парижа, ибо наша армія, послѣ смотра при Вертю, немедленно тронулася въ обратный походъ, и только одинъ корпусъ остался въ сѣверной части Франціи, для того, чтобы въ случаѣ могшихъ возникнуть неустройствъ, тотчасъ прекратить оныя. Сверхъ того, 13 Сентября назначено было открытіе Французскихъ Палатъ, и къ сему дню Государю угодно уже было находиться внѣ Парижа, чтобы предоставить Лудовику XVIII дѣйствовать совершенно какъ независимому Монарху, по своему усмотрѣнію. Сперва думали ѣхать въ Дижонъ, потомъ въ Брюссель, оттуда чрезъ Франкфуртъ и

Барейтъ, въ Прагу, Бреславль и Берлинъ; но потомъ перемѣнили сіе предположеніе, съ тѣмъ, чтобы изъ Парижа отправиться въ Брюссель, оттуда на смотръ Австрійской арміи въ Дижонъ, а въ заключеніе черезъ Швейцарію и Богемію въ Берлинъ и въ Варшаву. Маршрутъ для путешествія по Швейцаріи съ означеніемъ всего, что заслуживало вниманія, былъ написанъ Лагарпомъ.

13 Сентября мы отправились изъ Парижа рано поутру, когда еще столица сія погружена была во снѣ; проѣзжая по пустынным въ то время улицамъ ея, и смотря впослѣдніе на великолѣпныя ея зданія, нельзя было не ощущать разныхъ впечатлѣній, возбужденныхъ трехъмѣсячнымъ пребываніемъ въ Парижѣ, котораго имя сопряжено нынѣ навѣки со славою Россіи. На первомъ ночлегѣ въ Перонѣ помѣщена была на домѣ, въ которомъ Государь изволилъ остановиться, слѣдующая надпись: »Александру »признательная Франція.« Въ семъ городѣ Меръ пригласилъ меня на ужинъ, за которымъ находились почетнѣйшіе изъ жителей, и я при семъ случаѣ вновь убѣдился, что Французы въ провинціяхъ не имѣютъ собственнаго своего мнѣнія, а

основываютъ политическія сужденія свои на образѣ мыслей Парижанъ. На другое утро мы проѣзжали село Гозонкуръ, коего погорѣвшимъ жителямъ Государь пожаловалъ двѣ тысячи франковъ. Приближался къ крѣпости Камбре, которая не сдалась еще Союзникамъ, я намѣренъ былъ объѣхать вокругъ нее, тѣмъ болѣе, что лошади были заготовлены въ полѣ; но ко мнѣ вышли на встрѣчу Депутаты, и просили ѣхать черезъ городъ, на что я согласился. То же предложеніе сдѣлано было мнѣ въ Валансіенѣ, равномѣрно занятомъ Французскими войсками, и въ обѣихъ крѣпостяхъ караулы выходили для меня къ ружью, домы были украшены цвѣтами, улицы усыпаны пескомъ, и народъ, наполнявшій оныя, привѣтствовалъ меня восклицаніями: да здравствуетъ Александръ!

Окрестности Брюсселя прелестны; вездѣ видны прекрасные сады и богатыя селенія: вѣковое благосостояніе сей страны, породившее несмѣтные капиталы разнаго рода, совсѣмъ не пострадало отъ войны, коей она недавно была позорищемъ. На послѣдней станціи Оранскій Принцъ ожидалъ Государя; тутъ же находился Генералъ Фуль, который былъ

извѣстенъ въ началѣ отечественной войны нашей. Въ продолженіе разговора я спросилъ его, почему онъ не носитъ медали, установленной на походъ 812 года. — »Я сохранилъ, отвѣчалъ онъ, въ воспо»минаніе онаго только чистую совѣсть.« — Отъ сей станціи до самаго Брюсселя дорога уставлена была щегольскими экипажами, выѣхавшими на встрѣчу Императору. Дворецъ Королевскій можно было скорѣе принять за жилище частнаго человѣка: онъ столь тѣсенъ, что для Государя въ немъ не было помѣщенія, а приготовили домъ Маркиза д'Аше. Камергеры, пажи и другіе чины Нидерландскаго Двора не ловки и одѣты не богато; пріемы ихъ обнаруживали, что они еще не привыкли къ придворному ремеслу, которое, какъ и всякое другое, требуетъ многолѣтняго навыка. Легко замѣтить можно было, что большая часть изъ нихъ не потомки Феодальныхъ рыцарей, а внуки купцовъ, которые на Амстердамской биржѣ установляли нѣкогда ходъ всемірной торговли. Впрочемъ Дворъ и самое Королевство Нидерландское существовали такъ недавно, что нельзя было быть слишкомъ взыскательну, тѣмъ болѣе, что Правительство нахо-

дилось въ затруднительномъ положеніи; сему предстоялъ чрезвычайно важный трудъ — изгладить ненависть, существовавшую между Голландцами и Бельгійцами.

Всего болѣе, находясь въ Брюсселѣ, желательно мнѣ было видѣть поле Ватерлоскаго сраженія, на которомъ менѣе нежели за три мѣсяца рѣшена была участь Европы. Въ одно прекрасное утро, я отправился, чрезъ Суаньской лѣсъ, въ село Ватерло, гдѣ предъ сраженіемъ находилась Главная квартира Фельдмаршала Веллингтона. Трактиръ, гдѣ онъ ночевалъ, носитъ его имя: здѣсь я взялъ проводника, который разсказывалъ мнѣ, что во время дѣйствія жители сего селенія находились въ большомъ страхѣ, ибо послѣ обѣда полагали, что Французы одержали побѣду, и обозы Англійской арміи получили приказаніе подаваться назадъ. Отсюда недалеко находится возвышеніе, называемое Монъ-Сенъ-Жанъ; когда Французы достигли до онаго, то полагали уже успѣхъ несомнѣннымъ; но твердость Веллингтона и прибытіе Пруссаковъ восторжествовали надъ ихъ усиліями, и они были отбиты. Англійскій Фельдмаршалъ находился при деревнѣ Ла-

гс-Сентъ, и соотечественники его дорогою цѣною покупаютъ у крестьянъ сего селснія деревья, перевозятъ ихъ въ Англію, и сажаютъ въ свои парки, какъ памятникъ народной славы. Въ полуверстѣ отъ Лаге-Сентъ показываютъ мѣсто, гдѣ долго споялъ Наполеонъ; проводникъ мой находился при немъ, и разсказывалъ мнѣ съ жаромъ, какъ Наполеонъ ободрялъ войска свои, наступавшія на Англійскія баттареи, и съ какимъ восторгомъ колонны отвѣчали на знакомый голосъ своего предводителя, который даже не измѣнился въ лицѣ, когда удостовѣрился, что съ правой стороны его показались Прусаки. Пусть выразитъ живописецъ чувства, обуревавшія въ эту минуту душу гордаго завоевателя, который зналъ, что звѣзда счастія его померкала навѣки съ появленіемъ Блюхера!— Вотъ мѣсто, гдѣ Генералъ Камбронъ, окруженный отвсюду многочисленнымъ непріятелемъ, сказалъ: »гвардія умираетъ, »а не сдается:« выраженіе сіе конечно отзовется въ потомствѣ.—Я заключилъ прогулку мою при деревнѣ Прекраснаго Союза; на трактирѣ оной написано, »что »Фельдмаршалы Веллингтонъ и Блюхеръ, »встрѣтясь здѣсь, поздравили другъ дру-

»га съ побѣдою.« Тутъ, присовокупилъ проводникъ мой, бѣгство Французовъ было общее, и смятенія ихъ описать невозможно; но Императоръ Французовъ сохранилъ хладнокровіе свое, и поворотивъ лошадь, медленно и въ молчаніи слѣдовалъ за бѣгущими. На полѣ сраженія находятъ множество картечь, пуль, штыковъ, латъ и другихъ воинскихъ снарядовъ, которые жители окрестныхъ селеній продаютъ любопытнымъ путешественникамъ, во множествѣ сюда спекающимся.—Возвращаясь въ Брюссель, я встрѣтилъ Государя съ Принцемъ Оранскимъ, ѣхавшихъ въ Ватерло.

21 Сентября мы отправились изъ Брюсселя въ Дижонъ; на семъ пространствѣ, заключающемъ въ себѣ болѣе пяти сотъ верстъ, ни одинъ вооруженный не сопровождалъ Государя, не взирая на то, что мы ѣхали по землѣ непріятельской, гдѣ умы находились въ чрезвычайномъ броженіи. Жители отдаленныхъ мѣстъ отъ большой дороги, старые и малые, мужчины и женщины, толпились на почтовыхъ дворахъ, чтобы взглянуть на повелителя Франціи и спасителя ея, какъ они Его называли, подавали Ему просьбы и говорили о своихъ нуждахъ, какъ

*

настоящему своему Монарху. Къ вечеру втораго дня мы остановились въ Шомонѣ, гдѣ была главная квартира Баварскихъ войскъ, предводительствуемыхъ Фельдмаршаломъ Вреде, однимъ изъ отличнѣйшихъ людей нашего времени, который много способствовалъ къ возвышенію своего отечества: онъ не столько славенъ воинскими подвигами, сколько благоразумнымъ поведеніемъ съ тѣми Державами, съ которыми Баварія находилась въ связяхъ. Наружность его пріятна; онъ прекрасно говоритъ, и содержитъ войско ему ввѣренное въ строгой подчиненности. —Къ великолѣпному ужину, продолжавшемуся часа два, приглашены были всѣ Баварскіе Генералы и Штабъ-офицеры: они съ благоговѣніемъ слушали Государя, очаровавшаго ихъ своею любезностію. На другой день Баварская армія производила маневры въ присутствіи Государя, при началѣ коихъ меня отправили въ Дижонъ — просить Австрійскаго Императора, чтобы онъ не ожидалъ лично прибытія Государева, который, для избѣжанія парядной встрѣчи, желалъ пріѣхать почью.—25 Сентября были маневры Австрійскихъ войскъ. Государь при проходѣ полка своего имени, сталъ въ головѣ она-

го и салютовалъ Императору Францу. Такъ какъ мы разставались на долгое время съ Австрійцами, нашими старинными неизмѣнными Союзниками, то Государь пожаловалъ ордена многимъ изъ офицеровъ ихъ, наиболѣе отличившимся въ послѣднихъ войнахъ.

ГЛАВА X.

Отъѣздъ изъ Дижона. — Люръ. — Базель. — Цирихъ. — Констанцъ. — Линдау.

26 *Сентября.* Мы выѣхали изъ Дижона въ Швейцарію, и имѣли первый ночлегъ въ маленькомъ городкѣ Люрѣ. Всѣ чиновники, находившіеся при Государѣ, отправились прямо въ Берлинъ, нѣкоторые изъ Брюсселя, а другіе изъ Дижона, такъ, что при Его Величествѣ остался одинъ Начальникъ Штаба Его. Улицы Люра скоро опустѣли, потому что погода была самая бурная, шелъ проливной дождь, ревѣлъ осенній вѣтеръ. Когда пробила полночь, я подошелъ къ окну и увидѣлъ въ домѣ, насупротивъ меня находившемся, Государя, который сидѣлъ за столомъ при двухъ свѣчахъ. Улица была тѣсная, ночь совершенно темная, и картина величайшаго Монарха въ Свѣтѣ, уединенно трудящагося въ глухую бурную ночь, такъ врѣзалася въ моей памяти, что я какъ будто теперь се ви-

жу: вотъ Онъ пишетъ .... кладетъ перо .... размышляетъ .... опять пишетъ .... Ударило два часа .... Императоръ всталъ и пошелъ въ почивальню. — По выѣздѣ изъ Люра, мнѣ приказано было отправиться впередъ, и извѣстить начальствовавшаго въ Бефорѣ Генерала Лекурба, который прославился во время революціонной войны, чтобы онъ не дѣлалъ Государю ни какого пріема. Неподалеку отъ крѣпости, я встрѣтилъ человѣкъ полтораста Французской конницы, слѣдовавшихъ за каретою, въ которой сидѣлъ Генералъ, и я узналъ въ немъ Лекурба болѣе по выразительнымъ чертамъ лица, нежели по звѣздѣ, которою онъ былъ украшенъ. Выслушавъ меня, онъ возвратился въ Бефоръ.

Мало по малу показывались горы, окружающія Базель. Онѣ, думалъ я, лежатъ въ счастливыхъ странахъ Швейцаріи, гдѣ обитаютъ просвѣщеніе и промышленость! Въ сію минуту небо выяснилось, солнце проглянуло изъ-за тучъ, которыя скрывали отъ насъ весь день, и я увидѣлъ прекрасную долину, орошаемую величественнымъ Рейномъ. Ни одна рѣка не была столь много воспѣта Стихотворцами, какъ Рейнъ. Кто,

проведя нѣсколько времени на берегахъ его, не вспомнишь съ восхищеніемъ о картинныхъ ландшафтахъ, о добродушныхъ жителяхъ Германіи, о цѣлительномъ винѣ и о зеленыхъ рюмкахъ, при звукѣ которыхъ молодые люди пьютъ здоровье своихъ любезныхъ, славятъ независимость, и клянутся въ вѣчной дружбѣ! По приближеніи къ Базелю, деревни становятся чаще и богатѣе; Французское нарѣчіе непримѣтно исчезаетъ. Нѣмецкіе крестьяне смотрятъ съ любопытствомъ на проѣзжающаго, кланяются ему привѣтливо, и отъ чистаго сердца желаютъ ему благополучнаго странствованія, а Французскіе поселяне, напротивъ того, въ большихъ шляпахъ, въ синихъ рубахахъ и съ толстыми косами глядятъ на путешественника съ грознымъ и непріязненнымъ видомъ.

Въ четыре часа я пріѣхалъ въ Базель; народъ и войска ожидали Государя, и приняли Его съ восторгомъ. Городъ былъ иллюминованъ; передъ нашимъ домомъ горѣла слѣдующая надпись на Нѣмецкомъ языкѣ: »Да будетъ благословеніе Всевышняго на знаменитомъ Императорѣ Александрѣ, Который смѣло началъ первый войну за Европу.« — По пріѣздѣ, мы

надѣли фраки. До глубокой ночи народъ наполнялъ улицы; я вмѣшивался въ толпы его, и слышалъ общій голосъ, что жители почитаютъ день сей однимъ изъ радостнѣйшихъ. Раздѣляя съ ними чувствіе сіе, я вспомнилъ, какъ 1го Генваря 1814 года наша армія переходила въ первый разъ Рейнъ при Базелѣ. По освобожденіи Германіи и по прекращеніи переговоровъ, начатыхъ во Франкфуртѣ, положено было вступить во Францію. Никогда знамена наши не бывали такъ далеко отъ границъ нашихъ, и никогда не готовились мы на столь важное предпріятіе, потому что Рейнъ и крѣпости, лежащія какъ на рѣкѣ сей, такъ и вблизи отъ оной, почитались со временъ Лудовика XIV непреодолимою обороною Франціи. Вся Европа полагала, что война въ нѣдрахъ сей Державы должна быть сопряжена съ неимовѣрными трудностями; думали, что народъ Французскій, пріобыкшій къ кровопролитію и исполненный воинскаго духа, будетъ защищать упорно каждый шагъ земли своей. Не взирал на сіи уваженія, мы шли впередъ, чтобы нанесши послѣдній ударъ тому, кто дерзнулъ нарушить спокойствіе нашего отечества: счастіе увѣнчало отваж-

нос предпріятіе, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ менѣе нежели за два года густые ряды нашихъ войскъ, при радостныхъ восклицаніяхъ ура! водружали на лѣвомъ берегу Рейна Русскія знамена, я сошолъ мирнымъ гражданиномъ, и смотрѣлъ на быстрыя волны рѣки, доколѣ не угасли огни, зажженные для празднованія прибытія Государя.

27 Сентября, рано поутру, мы выѣхали изъ Базеля въ Цирихъ. Густой туманъ носился въ воздухѣ, но въ скоромъ времени разсѣялся, и я увидѣлъ множество деревень, виноградныхъ садовъ и тучныя стада, пасшіяся на богатыхъ лугахъ. Съ каждымъ шагомъ виды становились красивѣе; мы проѣхали чрезъ два города, Рейнфельденъ и Брукъ, и миновавъ сей послѣдній, поднялись на высокую гору, на которой посажены четыре липы. Отсюда открылась цѣпь снѣжныхъ горъ, тамъ Гриндельвальдъ, Штаубахъ, Шрекгорнъ, Гасли, Луцернское озеро, гдѣ сооружена часовня Телю, а тамъ далѣе мечтались мнѣ крутизны Сенъ-Готарда. О мѣста незабвенныя, гдѣ протекло нѣсколько счастливыхъ недѣль моей молодости, гдѣ первые лучи солнца я встрѣчалъ на горахъ, коихъ верши-

ны возвышаются выше облаковъ, гдѣ цѣлые дни проводилъ при шумѣ водопадовъ, посреди цвѣтущихъ долинъ, въ дремучихъ лѣсахъ, на краю ужасныхъ пропастей, и отдыхалъ въ шалашахъ Альпійскихъ пастуховъ! Тамъ отечество невинныхъ, простыхъ нравовъ, и древніе обычаи праотцевъ почитаются съ набожностію. Погруженный въ сихъ мечтахъ, я проѣхалъ мимо развалинъ Габсбургскаго замка, гдѣ Домъ Австрійскихъ Императоровъ воспріялъ свое начало; но что мнѣ до славы ихъ? Я былъ съ природою, и въ саду ея!—Вскорѣ представилась намъ рѣка Аара, извивавшаяся по долинѣ, по которой мы ѣхали часа три, а потомъ мы приблизились къ живописнымъ берегамъ Лиматы. Какіе сады! какія горы! а на нихъ непрерываемая цѣпь красивыхъ домиковъ, простирающаяся на нѣсколько верстъ, гдѣ обитаетъ довольство и увѣренность, что собственность свято чтима. Государь нѣсколько разъ останавливалъ свою коляску, гулялъ пѣшкомъ и заходилъ въ крестьянскіе домы.

Въ шестомъ часу я пріѣхалъ въ Цирихъ, и остановился въ трактирѣ Меча, у извѣстнаго всей Европѣ Петера. Изъ оконъ моей горницы видно Цирихское

озеро, окруженное богатѣйшими селеніями. Долго смотрѣлъ я на него: вершины Альповъ начинали алѣть отъ заходящаго солнца; новый мѣсяцъ показывался на небѣ, но вдругъ барабанный бой и радостные крики народа возвѣстили прибытіе Государя. Нашъ домъ наполнился первыми чиновниками Республики, которые представлялись Его Величеству; а потомъ мы поѣхали на городской балъ, на которомъ находился между прочими Русскій Посланникъ; это явленіе было новое, ибо прежде Вѣнскаго Конгресса, Россія не содержала при Гельветическомъ Союзѣ своего Посольства; учрежденіе оное было однимъ изъ доказательствъ распространенія политическаго вліянія ея на дѣла Европы. Швейцарскія женщины, славящіяся своими добродѣтелями, были на балѣ не совсѣмъ ловки: живя въ тѣсномъ кругѣ своихъ семействъ, онѣ не привыкли къ многолюднымъ собраніямъ; любопытство ихъ было сильно возбуждено присутствіемъ Государя, ибо республиканкамъ симъ очень рѣдко случается видѣть Монарховъ.

28 Сентября поутру Государь посѣщалъ мѣсто, гдѣ покоится прахъ Геснера, а мнѣ велѣно было ѣхать впередъ въ

Констанцъ. Поднимался на гору, лежащую близъ Цириха, я смотрѣлъ долго съ восхищеніемъ на Цирихское озеро и на тысячи излучистыхъ тропинокъ, извивающихся около селеній. Провсдя нѣсколько лѣтъ въ разсѣянности воинской жизни и посреди царскихъ дворцевъ, я полагалъ, что я уже отжилъ для красотъ природы, что быстрая рѣка, что восходящее солнце, что ясное небо, что пѣніе птицъ въ дремучемъ лѣсу не принесутъ мнѣ болѣе, какъ во дни юности, истиннаго наслажденія; но взглядъ на Лимапу и на Альпы пробудилъ усыпленныя чувства, и грудь заволновалась, какъ прежде. Тѣ драгоцѣнныя минуты удовольствія, за которыя мы обязаны единственно созерцанію изящныхъ картинъ природы, ни съ чѣмъ сравнишься не могутъ.

Швейцарская граница кончится, и Баденская начинается близъ самаго Констанца, города старинпаго, слишкомъ обширнаго по соразмѣрности съ числомъ жителей. Я взошелъ на колокольню Соборной церкви, откуда увидѣлъ на нѣсколько верстъ шечсніе Рейна, все пространство Боденскаго озера, около котораго множество городовъ и деревень устављены, такъ сказать, одни возлѣ другихъ, и цѣпь

Альпійскихъ горъ, съ которыми я прощался, можетъ быть, навсегда. Послѣ того я остановился на берегу озера, и нѣсколько минутъ смотрѣлъ, какъ мелькали паруса и рыбачьи лодки разсѣкали тихія волны. По положенію моему, я только украдкою могъ наслаждаться природою. Государь, по пріѣздѣ въ Констанцъ, отправился на островъ Мейнау, лежащій отъ города верстахъ въ трехъ, а я пошелъ въ свою комнату, и перечитывалъ маршрутъ по Швейцаріи, писанный рукою Лагарпа. Ежели этотъ листъ бумаги, думалъ я, не затеряется, то потомство приметъ его съ такими же чувствами, съ какими бы мы смотрѣли теперь на описаніе путешествія, составленнаго Аристотелемъ для Александра Македонскаго. Лагарпъ предлагалъ ѣхать изъ Дижона въ Женеву, потомъ въ Лозанну, а оттуда въ Бернъ и Арау, коего Кантонъ обязанъ Государю своимъ политическимъ существованіемъ; но сіе предположеніе не состоялось по нѣкоторымъ причинамъ.

29 *Сентября.* Мы сегодня ѣхали весь день около Констанцскаго озера чрезъ Губъ, Горшахъ, Рейнекъ и Брегенцъ, и прибыли въ Линдау. На дорогѣ насъ встрѣтили

воспитанники одного училища, одѣтые въ мундиры; посреди ихъ поставленъ былъ на возвышеніи портретъ Государя, къ которому вели нѣсколько ступеней, усѣянныхъ, такъ сказать, маленькими дѣвушками, цвѣтущими какъ розы, изъ коихъ каждая указывала на изображеніе Императора. Мѣстоположенія около озера прекрасны, но пашни не такъ хорошо обработаны, какъ въ окрестностяхъ Цириха; селенія бѣдны и народъ не столь опрятенъ, чему причиною Католическая религія. Недалеко отъ Рейнека мы переправились чрезъ Рейнъ и очутились въ Тиролѣ, посреди горъ, называемыхъ Форарлбергъ; нарѣчіе и одежда жителей совсѣмъ другія, нежели въ Швейцаріи, и я смотрѣлъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ на Тирольцевъ, воспріявшихъ съ свободою отъ предковъ нравы свои и обычаи, которые они умѣли сохранить и защитить въ бурное для отечества ихъ время. Здѣсь-то надобно слышать повторяемыя эхомъ высокихъ горъ Тирольскія пѣсни, при звукѣ которыхъ раждается у Тирольцевъ тоска по отчизнѣ, въ какую бы удаленную страну они ни были занесены судьбою. И на меня нашла невольная грусть при мысли, что я съ

каждымъ шагомъ приближаюся къ сѣверу и, вѣроятно, навсегда оставлю южную часть Европы, гдѣ прелести природы встрѣчаются чаще, деревья зеленѣе, цвѣты ароматнѣе, воображеніе жителей плодовитѣе, разговоръ ихъ острѣе.

ГЛАВА XI.

Дорога изъ Линдау. — Приключеніе въ Нюренбергѣ. — Австрійскіе чиновники. — Угощенія. — Празднованіе Лейпцигскаго сраженія. — Замокъ Петерсвальде. — Дорога до Берлина. — Пребываніе въ сей столицѣ. — Калишъ. — Воспоминаніе о Князѣ Смоленскомъ.

Наше путешествіе по Швейцаріи окончилось въ Линдау, гдѣ я получилъ приказаніе ѣхать не останавливаясь чрезъ Ульмъ и Нюренбергъ въ Богемію, до мѣстечка Черговицъ, находящагося за нѣсколько станцій отъ Праги, и ожидать тамъ прибытія Его Величества. Скорость, съ которою мнѣ надлежало слѣдовать чрезъ изрядную часть Германіи, не позволяла мнѣ дѣлать наблюденій и вступать въ разговоры не токмо съ жителями, но даже съ чиновниками, высланными намъ повсюду на встрѣчу, тѣмъ болѣе, что они на разные мои вопросы

о мѣстностяхъ и тому подобномъ, старались опредѣлываться отъ меня весьма короткими отвѣтами, и сами предлагали мнѣ тысячу вопросовъ о Государѣ. Я принужденъ былъ довольствоваться тѣмъ, что смотрѣлъ, какъ мимо меня мелькали, такъ сказать, деревни, села и города. Въ Ульмѣ Король Виртембергскій ожидалъ лично Императора, а въ Нюренбергѣ случилось со мною слѣдующее забавное приключеніе. Такъ какъ я ѣхалъ въ придворной колескѣ, и на козлахъ сидѣлъ кучеръ въ придворной ливреѣ, то Нѣмцы, съ часу на часъ ожидавшіе Императора, приняли меня за Его Величество, и едва я подъѣхалъ къ городскимъ воротамъ, ударили во всѣ колокола, раздались пушечные выстрѣлы, громогласное ура, и тысячи народу, собравшагося на улицахъ, бѣжали за моею колескою. Разувѣрять въ ихъ заблужденіи словами было невозможно, потому что отъ ужаснаго шума не слыхать было моихъ рѣчей; я спачала махалъ руками, дѣлалъ разные знаки, но видя, что все было безуспѣшно, долженъ былъ молчать, и въ семъ тріумфѣ меня довезли до дома, назначеннаго для Государя, гдѣ меня важно вышли встрѣчать Министры, присланные

отъ Баварскаго Короля и городскіе чиновники, которымъ я на-скоро объяснивъ о происшедшемъ недоумѣніи, поспѣшилъ скрыться отъ рукоплесканій и кликовъ народныхъ.

Природа ежедневно измѣнялась: я любовался ея красотами еще за три дня; а теперь видны были повсюду пески, глубокіе еловые лѣса, и—вмѣсто богатыхъ Швейцарскихъ поселянъ, бѣдность, которая становилась примѣтнѣе, по мѣрѣ какъ я приближался къ городу Черговицу. Государь пріѣхалъ туда 3го Октября, и перемѣня лошадей, отправился въ помѣстье Князя Шварценберга, Ворликъ, а мнѣ сказано ѣхать въ Прагу, и ожидать тамъ дальнѣйшихъ предписаній. Давно не радовался я ни одному приказанію столько, какъ сему; ибо въ первый разъ въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ, въ которые ни одна минута не принадлежала собственно мнѣ, сдѣлался совершенно свободнымъ и могъ по произволу располагать нѣсколькими днями. Въ полночь я отправился въ путь, и не могъ сомкнуть глазъ, не взирая на усталость: меня восхищало чувство кратковременной моей независимости. По прибытіи въ Прагу, я надѣлъ фракъ, и пошелъ пѣшкомъ на

островъ, называемый маленькою Венеціею. Туманъ покрывалъ прекрасные берега Молдавы; народъ показывался изрѣдка по улицамъ, и колокольный звонъ только что начиналъ созывать къ богослуженію. Я гулялъ по острову, на которомъ уже за семь лѣтъ проводилъ пріятнѣйшіе вечера, гдѣ на осьмнадцатомъ году отъ роду, будучи странникомъ на сей землѣ, стоялъ у берега въ задумчивости; смотря на заходящее солнце, думалъ о будущемъ своемъ назначеніи въ жизни, и возвращался въ уединенное свое жилище. Я не зналъ, что фортуна мнѣ улыбнется, и что судьба опредѣлитъ мнѣ въ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ посѣтить снова тѣ мѣста, гдѣ я бывалъ прежде, ни кѣмъ незнаемый.

Не успѣлъ я прійти съ гулянья, какъ начали ко мнѣ съѣзжаться съ посѣщеніями и предложили мнѣ комнаты, приготовленныя для меня во дворцѣ. Послѣ сего я былъ у Главнокомандующаго Фельдмаршала, Графа Коловрата, который отъ старости едва могъ говорить; въ помощь данъ ему извѣстный Генералъ Графъ Кленау, который осыпалъ меня учтивостями. »Были ли вы у гражданскихъ чи-

»новниковъ,« спросилъ онъ меня — »чтобы »условиться съ ними о днѣ пріѣзда Госу»даря и о пребываніи Его Величества въ »Прагѣ?« — Нѣтъ — отвѣчалъ я, — и по этимъ предметамъ хотѣлъ съ вами переговорить. — »Я съ моей стороны все »сдѣлалъ,« отвѣчалъ онъ: »но васъ убѣ»дительно прошу, побывать у сихъ гос»подъ. Какъ военный, скажу вамъ откро»венно, что это имъ и самому мнѣ бу»детъ очень пріятно.« Сіи слова Генерала удостовѣрили меня, что въ Австріи военныя власти подчинены въ мирное время гражданскимъ. Окончивъ посѣщенія, поспѣшилъ я во дворецъ, чтобы насладиться однимъ изъ прекраснѣйшихъ видовъ, какіе мнѣ извѣстны. День былъ отмѣнно ясный, и городъ, окрестности его, рѣка Молдава, горы, лѣса и загородные домы представились мнѣ въ новой красотѣ. Я обѣдалъ у Генерала Кленау со многими Австрійскими офицерами, которые хотя разумно разсуждаютъ, но въ обращеніи неловки. Всѣ прелести молодой дочери Графа не могли развеселить ихъ. За обѣдомъ былъ Адъютантъ Блюхера, Штрацъ, съ которымъ я коротко познакомился. — Союзъ между двумя народами не былъ никогда столь тѣсенъ, какъ

между Россіею и Пруссіею, и когда офицеры сихъ двухъ Державъ гдѣ нибудь встрѣтятся, то почитаютъ другъ друга совершенно за своихъ.

Я не могу довольно нахвалиться ласковымъ пріемомъ Прагскихъ вельможъ и заботливостію различныхъ мѣстныхъ начальствъ, съ которою они дѣлали всякаго рода приготовленія для пребыванія Его Величества, въ надеждѣ, что Государь изволитъ остановиться на нѣсколько дней въ Прагѣ. Живши въ семъ городѣ пять дней, я былъ безпрестанно приглашаемъ на обѣды, на вечера и въ театръ. Обращеніе дворянства такое же, какъ и въ прочихъ столицахъ; только жаль, что поваренное искусство не сдѣлало у нихъ успѣховъ: подражая во многомъ Французамъ, почему не брать также примѣра съ Робера, Бовилье и Вери, которые до сихъ поръ не имѣютъ себѣ равныхъ въ Европѣ?

Черезъ три дня я получилъ приказаніе ѣхать впередъ, чрезъ Кениггрецъ, Находъ и Глацъ, въ Силезію, въ замокъ Петерсвальде, близъ Рейхенбаха, гдѣ мы жили нѣсколько мѣсяцевъ во время перемирія въ 1813 году. Я снова былъ свидѣтелемъ бѣдности и непросвѣщенія Богемскихъ жителей. Какая перемѣна въ

Силезіи! Сіи двѣ земли отдѣляются только Исполинскими горами; но, переѣхавъ хребетъ оныхъ, кажется, вступаете въ новый свѣтъ. Языкъ, народъ, климатъ, образъ жизни. — все другое; земля плодороднѣе, пашни тучнѣе, луга зеленѣе, обыватели веселѣе и не боятся проѣзжающихъ, зная, что законы ихъ защищаютъ. — 6го Октября праздновали день Лейпцигскаго сраженія отмѣннымъ образомъ, принятымъ во всей Германіи. Лишь только вечеръ настадъ, какъ на вершинахъ холмовъ и горъ зажгли костры, нарочно для сего приготовленные, которые горѣли въ продолженіе всей ночи. Такимъ образомъ огонь, знаменующій время освобожденія Германіи, пылалъ отъ Тріеста до Гамбурга, и отъ Вислы до Рейна.

Вечеромъ я пріѣхалъ въ замокъ Петерсвальде, принадлежащій брату славнаго Стихотворца, Графа Стольберга, изъ оконъ котораго открываются прелестные виды на плодоносныя поля Силезіи. Я не могъ безъ особеннаго удовольствія смотрѣть на башни Рейхенбаха, гдѣ за два года предъ симъ мы жили во время перемирія, и на высокіе утесы Фиршпенштейна, гдѣ, посреди развалинъ

древняго зданія, я забывалъ въ пріятныхъ прогулкахъ кровопролитную войну, которая тогда предстояла. Но замокъ Пешерсвальде, въ которомъ я находился, историческими воспоминаніями разсѣялъ мои мечты: въ ономъ въ 1813 году заключены Союзные договоры съ Австріею и Баваріею противъ Франціи, и положено основаніе успѣхамъ нашимъ, одержаннымъ въ послѣдствіи; а посему замокъ сей сдѣлался для Германіи тѣмъ, чѣмъ Лешашевка для Россіи — колыбелію ея свободы.

8 Октября мы выѣхали изъ Пешерсвальда въ Берлинъ. Въ шріумфальныхъ воротахъ не было недостатка, ибо въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ поставлено было по нѣскольку таковыхъ воротъ, сдѣланныхъ изъ ельника съ различными надписями и вензелями Государя, а ближе къ Берлину являлись въ селеніяхъ множество дѣвушекъ въ бѣлыхъ плашьяхъ, съ вѣнками на головахъ, которыя сыпали цвѣты при проѣздѣ Императора. Въ разсужденіи гостепріимства я ошибся, ибо полагалъ, что жители всѣхъ состояній и лѣтъ поспѣшатъ къ намъ на встрѣчу, что пиры и празднества будутъ по всей дорогѣ; на-

прошивъ того, почти всюду я долженъ былъ платить за кушанье и напитки. »Генералы Іоркъ и Гюпербейнъ,« сказалъ мнѣ одинъ Прусскій офицеръ, »встрѣтятъ »васъ на границѣ, и будутъ сопровождать »до Кроссена, гдѣ Генералъ Браушицъ ихъ »смѣнитъ. Мы не помнимъ еще такого »пріема.« — Но я былъ вскорѣ утѣшенъ однимъ Прусакомъ, которой въ полной мѣрѣ чувствуетъ, что́ Россія сдѣлала для его отечества. Мы расположились для ночлега въ городкѣ Мюнхенбергѣ; хозяинъ дома, въ которомъ отвели мнѣ квартиру, истощивъ всѣ средства угощенія, предложилъ наконецъ остановить ходъ стѣнныхъ часовъ, дабы стукъ оныхъ не безпокоилъ меня во время сна моего. Въ Кроссенѣ полагали, что Государь остановится тамъ для ночлега, и приготовленъ былъ для Его Величества лютъ самый домъ и тѣ комнаты, въ которыхъ живалъ Фридрихъ Второй, и та самая кровать, на которой спалъ сей единственный Монархъ.

Около обѣда мы въѣхали въ Берлинъ. На послѣдней станціи отказали мнѣ въ почтовыхъ лошадяхъ, а впрягли дурныхъ обывательскихъ. Необозримое множество жителей столицы вышли на встрѣчу

Государю, бывшему въ Прусскомъ мундирѣ. Король встрѣтилъ Высокаго Посѣтителя своего въ Фридрихсфельдѣ, и оба Монарха отправились въ открытой колескѣ въ Берлинъ, гдѣ по улицамъ разставлены были войска, проходившія потомъ церемоніяльнымъ маршемъ.

Мы провели въ Берлинѣ около двухъ недѣль, въ теченіе которыхъ совершено обрученіе бывшаго тогда Великимъ Княземъ Императора Николая Павловича со Дщерію Короля. Здѣшній Дворъ не пышенъ; нѣтъ ни красавицъ, ни щеголей; всѣ подражаютъ Королю, которой ведетъ скромную жизнь; самыя богатыя семейства живутъ весьма расчетливо: нѣтъ домовъ открытыхъ для незваныхъ гостей. Память покойной Королевы всѣми чтима; придворные часто объ ней вспоминаютъ, говоря намъ, »если бы она »была жива, какъ бы вы у насъ повесе»лились!« Въ городѣ было пусто; жители жаловались на разореніе войны, коея послѣдствія не совсѣмъ еще тогда изгладились. Въ девять часовъ вечера не видно было на улицахъ экипажей, тишина царствовала во всемъ городѣ, и ни что не напоминало, что вы находитесь въ столицѣ могущественнаго Государства. Въ

это время проходилъ чрезъ Берлинъ С. Петербургскій гренадерскій полкъ, коего Прусскій Король Шефомъ. Вступленіе его въ столицу было самое торжественное: Король въ Русскомъ мундирѣ, находясь передъ первымъ взводомъ, салютовалъ Государю; офицеры обѣдали во дворцѣ за Королевскимъ столомъ, а солдатъ угощала Прусская гвардія. Примѣчательнѣе всего, что нѣкоторые караулы были заняты Русскими солдатами сего полка.

27 Октября мы выѣхали изъ Берлина чрезъ Франкфуртъ въ Калишъ. Грустно было мнѣ разставаться съ Германіей, и слышать, какъ мало по малу исчезалъ Нѣмецкій языкъ, на которомъ я получилъ первыя понятія о прелестяхъ Наукъ. На другія сутки мы были уже въ предѣлахъ Россіи, и по пріѣздѣ въ Калишъ, я поспѣшилъ въ тотъ домъ, гдѣ жилъ въ 1813 году Князь Смоленскій; сердце мое билось, когда я шелъ по лѣстницѣ, на которой прежде встрѣчалъ именитѣйшихъ Генераловъ. Но сколь велико было мое негодованіе, когда столвшій тутъ Полякъ спросилъ меня, зачѣмъ я иду на верхъ, и узнавъ причину, сказалъ, что онъ и не слыхалъ о нашемъ героѣ. Я вошелъ въ комнату, гдѣ онъ обыкновенно

занимался дѣлами, гдѣ я его видѣлъ предсѣдавшаго при рѣшеніи участи вселенной, и гдѣ иногда удостоивалъ онъ меня своимъ разговоромъ. Мною овладѣло благоговѣніе сильнѣе того, которое я чувствовалъ въ гробницѣ Сципіона и въ памятникахъ Римской славы. Слабый свѣтъ одной свѣчи придавалъ мѣсту сему мрачный видъ, тѣмъ болѣе ощутительный, что въ эту минуту сдѣлался необыкновенный шумъ на улицахъ, возвѣстившій прибытіе Государя. Ударили въ колокола, раздались пушечные выстрѣли, и народъ громкими восклицаніями привѣтствовалъ новаго Царя своего. Я въ сіе время стоялъ уединенъ, какъ будто одинъ во всемъ мірѣ, облокотясь на стулъ, гдѣ сиживалъ великій человѣкъ. Мнѣ явилася тѣнь его, и казалось, что духъ незабвеннаго парилъ надо мною. Я вспомнилъ, что на самомъ этомъ мѣстѣ я какъ будто предъугадалъ однажды близкую его кончину. За нѣсколько дней предъ выступленіемъ нашимъ изъ Калиша, подалъ я ему для подписанія бумагу; вмѣсто трехъ чертъ, коими онъ обыкновенно оканчивалъ подпись своего имени, сдѣлалъ онъ ихъ гораздо болѣе, и — смотря на нихъ, сказалъ мнѣ: »кажется, что я ошибся.« — Вы

написали двѣ литеры лишнихъ; — отвѣчалъ я, но я ихъ выскоблю. — »Нѣтъ,« прервалъ онъ: »я эту бумагу самъ упи»чтожу; а ты вели мнѣ приготовить »другую, потому что Богъ знаетъ, что »обо мнѣ подумаютъ.« Какое-то предчувствіе сказало мнѣ, что мы скоро его лишимся, и черезъ двѣ недѣли не стало того, для котораго потомство будетъ справедливѣе современниковъ.

Переночевавъ въ Калишѣ, отправились мы на другой день въ Варшаву.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. Отъѣздъ изъ Вѣны. — Прибытіе въ Мюнхенъ. — Баварскій Дворъ. — Пріѣздъ въ Штутгардъ. — Лудвигсбургъ. — Гейльброннъ. — Пріѣздъ въ Гейдельбергъ . . 1

— II. Пребываніе въ Гейдельбергѣ. — Загородный домъ Государя. — Военныя совѣщанія. — Побѣда при Ватерло. — Пріѣздъ Великихъ Князей. — Выступленіе . . . 13

— III. Мангеймъ. — Шпейеръ. — Парижскія новости. — Депутаты Временнаго Правительства. — Обращеніе съ Французами. — Партизаны. — Нанси 21

— IV. Состояніе Франціи. — Отъѣздъ изъ Главной квартиры. — Дорога до Шалона. — Дорога до Мо. — Въѣздъ въ Парижъ. — Свиданіе Государя съ Лудовикомъ XVIII. — Дворецъ Элизе-Бурбонъ. — Замѣчаніе о вторичномъ въѣздѣ Государя въ Парижъ 36

— V. Расположеніе Парижанъ. — Графъ Сегюръ. — Аудіенція разныхъ лицъ. — Геверальъ Сарразенъ. — Переговоры. — Смотръ Англійскихъ войскъ. — Живописецъ Жераръ 45

— VI. Состояніе Парижа. — Вѣпреноспь Французовъ. — Униженіе ихъ. — Военные. — Извѣстіе о взятіи Наполеона. — Судъ надъ Лабедоеромъ. — Чернь Парижская. — Бурбоны. — Герцогиня Орлеанская. — Тюльерійскій дворецъ 56

— VII. Смотръ при Вернюо 26 Августа. — Второй смотръ 29 Августа. — Обѣдня въ лагерѣ. — Иностранцы, находившіеся въ Вернюо. — Обѣденный столъ для Русскихъ 70

— VIII. Виды смотровъ Вернюо. — Анекдотъ о Наполеонѣ. — Возвращеніе въ Парижъ. —

Стр.

Окончаніе похода 1815 года. — Параллель между Александромъ и Наполеономъ . 85

Глава IX. Приготовленія къ отъѣзду. — Выѣздъ изъ Парижа. — Перонпъ. — Камбре и Валансіенъ. — Генералъ Фуль. — Брюссельскій Дворъ. — Поле Ватерлоскаго сраженія. — Дорога изъ Брюсселя въ Дижонъ 93

— X. Отъѣздъ изъ Дижона. — Люръ. — Базель. — Цирихъ. — Констанцъ. — Линдау . 102

— XI. Дорога изъ Линдау. — Приключеніе въ Нюренбергѣ. — Прага. — Австрійскіе чиновники. — Угощенія — Празднованіе Лейпцигскаго сраженія. — Замокъ Пешерсвальде. — Дорога до Берлина. — Пребываніе въ сей столицѣ. — Калишъ. — Воспоминаніе о Князѣ Смоленскомъ . . 113

2007043633